

АНДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ СРЕДИ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Andi Among Other Dagestan
Languages

ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Проблемная научно-исследовательская лаборатория
«СЕМАНТИКА И КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВ»

Council of Europe
Conseil de l'Europe

European Union
Union européenne

Министерство
регионального развития
Российской Федерации

АНДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ СРЕДИ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

**МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ-ПРЕЗЕНТАЦИИ
6-8 июня 2011года**

Махачкала 2011

Council of Europe
Conseil de l'Europe

European Union
Union européenne

Министерство
регионального развития
Российской Федерации

Данный документ подготовлен на средства гранта, полученного в рамках реализации Совместной Программы Европейского Союза и Совета Европы для Российской Федерации "Национальные меньшинства в России: Развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества". Мнение автора данного документа не отражает официальную позицию Совета Европы или Европейского Союза"

АНДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ СРЕДИ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА *МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЯЗЫКОВЕДОВ*
(6-8 июня 2011г.) – Махачкала, 2011

Редакционная коллегия:

д.филол.н., проф. *П.А.Магомедова* (ответственный редактор); д. филол.н., проф. *Н.Э. Гаджихмедов*; д.филол.н., проф. *Д.С.Самедов*; д.филол.н., проф. *М.И. Магомедов*; д.филол.н., проф. *Р.Ш. Халидова*; доктор филологии, профессор Лионского университета *Денис Крэссель* (Франция); д.филол.н., проф. *А.Г.Гюльмагомедов*; к.филол.н. *М.А.Алисултанова* (ответственный секретарь)

Сборник по материалам Научно-практической конференции включает в себя статьи и тезисы докладов по актуальным вопросам как бесписьменных языков аваро-андо-цезской группы, так и по проблемам разных языковых уровней дагестанских литературных языков.

СОДЕРЖАНИЕ

- Магомедова П.А.** (*Махачкала, Дагестан*). ВОЗРОЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ АНДИЙСКОГО ЭТНОСА ЧЕРЕЗ ВОЗРОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА (об осуществлении Проекта №145 Совместной Программы Совета Европы «Национальные меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества»)
- Magomedova P.A.** REVIVAL OF THE ANDI CULTURE THROUGH THE REVIVAL OF THEIR LANGUAGE.
- Абдуллаева И.А.** (*Махачкала, Дагестан*). КАУЗАЦИЯ В АХВАХСКОМ ЯЗЫКЕ.
- Абдулмуслимова П. М.** (*Махачкала, Дагестан*). ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И НЕПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ВЫРАЖАЕМЫЕ АДЭССИВОМ В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ.
- Абдусаламова С.Г.** (*Махачкала, Дагестан*). СУФФИКСАЦИЯ И СЛОВСОЛЖЕНИЕ КАК ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ СЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНДИЙСКОГО ЯЗЫКА).
- Аваков С. А.** (*Дербент, Дагестан*). ВАЛЕНТНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ.
- Алиева З.М.** (*Махачкала, Дагестан*). О ЛЕКСИКЕ ЧАМАЛИНСКОГО ЯЗЫКА.
- Алиева Ю.И.** (*Махачкала, Дагестан*). КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАРЕЧИЙ В СОВРЕМЕННОМ АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ.
- Алисултанова М.А.** (*Анди, Дагестан*) ПРОКЛЯТИЯ И БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ АНДИЙЦЕВ.
- Алиханова Л.Г.** (*Махачкала, Дагестан*). К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКОМ (КОМПОНЕНТНОМ) СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРОСТРАНСТВА В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ
- Алиханова Л.Г.** (*Махачкала, Дагестан*). ЧИСЛОВАЯ СИМВОЛИКА В АВАРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ
- Ахмедилова А. М.** (*Махачкала, Дагестан*). ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПАДЕЖИ СЕРИЙ 5 И 6 В ЦЕЗСКОМ ЯЗЫКЕ.
- Барамидзе Ц.** (*Тбилиси, Грузия*) ОЦЕНОЧНЫЙ МОМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.
- Галбацова С.М.** (*Махачкала, Дагестан*). РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДОЛГ» В АВАРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ).
- Крэссель Д.** (*Лионский университет, Франция*). ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПАДЕЖНЫЕ РАМКИ В СЕВЕРНОМ ДИАЛЕКТЕ АХВАХСКОГО ЯЗЫКА.
- Ландер Ю.А.** (*Москва*), **Меретукова З.Б.** (*Майкоп*). СЕМАНТИЧЕСКАЯ СОПРЯЖЕННОСТЬ И АТРИБУТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ (АНДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ, АДЫГЕЙСКИЙ ЯЗЫК)
- Ландер Ю.А.** (*Москва*). УДИНСКАЯ ЦЕПОЧЕЧНАЯ ДЕЕПРИЧАСТНАЯ КОНСТРУКЦИЯ.
- Магдилова Р.А.** (*Махачкала, Дагестан*). КОНЦЕПТ *ДЕКЪ* «ДОРОГА» В АРЧИНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА.
- Магомедов М.А.** (*Махачкала, Дагестан*). ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ (МИКРОТОПОНИМА) *МАКЪАСДА* «МАТЛАС».
- Магомедова Х.М.** (*Махачкала, Дагестан*). ОБРАЗНАЯ СТРУКТУРА ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК АВАРСКОГО ЯЗЫКА.
- Маллаева З.М.** (*Махачкала, Дагестан*). ТИПОЛОГИЯ ДЕЙКТИЧЕСКИХ СИСТЕМ АВАРО-АНДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ.
- Маллаева З.М.** ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНТЕРЭССИВА АВАРСКОГО ЯЗЫКА В ИДИОМАТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЯХ.

Паскерио Ж. (*Лионский Университет, Франция*). НЕПРОСТРАНСТВЕННЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПАДЕЖЕЙ В КАРАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ.

Саидова П.А. (*Махачкала, Дагестан*). СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКИ АВАРО-АНДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Сиражудинов Р. М. (*Махачкала, Дагестан*). ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДОБЕРИНСКОМ ЯЗЫКЕ.

Сулейманова Д.И. (*Махачкала, Дагестан*). СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ БОТЛИХСКОГО ЯЗЫКА).

Халидова Р.Ш. (*Махачкала, Дагестан*). МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИАЛЕКТОВ КАРАТИНСКОГО ЯЗЫКА.

Халимбекова М.К. (*Махачкала, Дагестан*). ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ФОРМУЛ ОБРАЩЕНИЯ В ЛЕЗГИНСКОМ РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ.

Харчиева М.Р. (*Махачкала, Дагестан*). ОБ ОДНОЙ СТРУКТУРНОЙ ОСОБЕННОСТИ КФЕ АНДИЙСКОГО ЯЗЫКА.

Shikhalieva S. (*Махачкала, Дагестан*). ERGATIVE IN COMPLEMENT CONSTRUCTIONS IN DAGHESTAN LANGUAGES.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Магомедова П.А.

ВОЗРОЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ АНДИЙСКОГО ЭТНОСА ЧЕРЕЗ ВОЗРОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА

(об осуществлении Проекта №145 Совместной Программы Совета Европы «Национальные меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества»)

(ДГУ, Махачкала)

Андийские языки составляют ответвление аваро-андо-цезской подгруппы нахско-дагестанской языковой семьи, в составе которой обнаруживают наибольшую близость с аварским. По генетическому признаку андийские языки можно подразделить на следующие языки а) андийский, ботлихский, годоберинский, б) ахвахский, каратинский, в) багвалинский, тиндинский, чамалинский. К цезским (дидойским) языкам аваро-андо-цезской группы относятся 5 языков: цезский, хваршинский, бежтинский, гинухский и гунизбский языки. Следовательно, аваро-андо-цезская подгруппа имеет в своем составе 13 бесписьменных и 1 аварский (письменный) языки.

Целью Проекта, осуществляемого нами при финансовой поддержке Совета Европы было **создание и проведение комплекса мероприятий, способствующих сохранению, развитию и изучению андийского языка как гаранту процветания культуры андийского этноса.**

Цель определила основные задачи проекта:

1. разработка и обеспечение необходимой материально-технической и методической базы для реализации цели проекта;
2. формирование научной базы для широкого удовлетворения языковых интересов андийского общества в целом (в том числе языковой и коммуникативной компетентности андийцев);
3. внедрение новых технологий, направленных на создание представительного корпуса текстов андийского языка, электронного андийско-русского словаря, справочных таблиц и др.;
4. обработка и систематизация андийской лексики на основе качественного анализа зафиксированной на письме живой речи андийцев, текстов различных жанров, произведений андийского фольклора (сказок); перевод полученных андийских текстов и материалов к андийско-русскому словарю на электронные носители;
5. подготовка и создание популярных тиражируемых продуктов на андийском языке для различных возрастных групп населения в целях как сохранения и развития языка этноса, так и развивающего обучения языку;
6. подготовка и создание на базе филологического факультета и факультета иностранных языков нашего университета «инкубатора национальных кадров» по подготовке высококвалифицированных специалистов по языкам нацменьшинств Дагестана (в том числе этнических андийцев);
7. в целях объединения усилий научных, творческих и гражданских слоев общества в решении задачи по сохранению, развитию и изучению андийского языка как гаранту процветания культуры андийского этноса, а также живому открытому диалогу между компетентными представителями национальных меньшинств подготовить и провести Научно-практическую конференцию-презентацию результатов Гранта «Андийские языки среди языков народов Дагестана»

По последним данным андийцы - самая многочисленная народность из всех бесписьменных языков, однако язык, на котором говорит андийский этнос до сих пор функциониру-

ет как разговорно-бытовой. На сегодняшний день большинство бесписьменных языков аваро-андо-цезской группы имеет опубликованные лексикографические справочники (годоберинско-русский, чамалинско-русский, ахвахско-русский, багвалинско-русский и др. словари), чего нельзя сказать о собственно андийском языке: словари и различного рода справочники отсутствуют (за исключением небольших научных исследований по проблемам языков андийской группы); не разработаны основы письменности андийского языка, нет элементарного учебника для обучения андийскому языку; нет ни одного периодического издания на андийском языке; незафиксированные на письме ценнейшие произведения андийского устного народного творчества обречены на исчезновение и будущим поколениям, скорее всего, они будут не доступны.

Андийский язык среди других бесписьменных языков аваро-андо-цезской группы оказался в самом «плачевном» состоянии. Языковая среда многонациональной республики не дает возможности носителям «малых» языков сохранять и развивать их; в школах ведется образование на русском языке, в качестве родного преподают аварский язык, в условиях всеобщей глобализации возникла необходимость защиты самобытности и культурного наследия андийского этноса.

Наш проект отвечает современным приоритетам в лингвистике - описывать в ближайшее время бесписьменные языки, находящиеся под угрозой исчезновения. В этой связи не вызывает сомнения перспективность комплекса мероприятий, направленных на решение проблем по сохранению, развитию и изучению андийского языка как гаранта процветания культуры аборигенного этноса многонационального Дагестана.

Первоочередная проблема, которую необходимо было решить в ходе реализации проекта, - письменная фиксация и хранение фрагмента корпуса андийского языка, куда могли бы войти тексты различных стилей и жанров. При решении данной проблемы был привлечен весомый научный потенциал ученых и компетентных информантов, которые подвергли андийский язык подробному анализу, существенно восполнив пробел в дагестановедении. Результаты исследовательской части Проекта нами зафиксированы на вебсайте ДГУ (письменно зафиксированный андийско-русский словарь с текстовым приложением). Любому пользователю представляются новые возможности для поиска примеров при изучении андийского языка - они будут использованы для решения исследовательских задач, а также в качестве справочника, станет возможным проведение новых, более широких и системных исследований по данному языку и близкородственным языкам. Это мероприятие позволило не только получить письменно зафиксированный корпус бесписьменного языка, но и создать научно-образовательную среду для развития языковой компетенции андийцев.

Проект придерживается девиза - «язык этноса для самого этноса», т.е. проект был призван решить (частично!) проблему практического использования андийского языка среди говорящих на нем, сохранения живой андийской речи. С этой целью были реализованы мероприятия, направленные на различные слои населения:

1) для подрастающего поколения андийцев (детей дошкольного и младшего школьного возраста) - было создано иллюстрированное издание «Сказки народов мира на андийском языке» - 9,3 п.л. (Печатные издания в горном Дагестане все еще являются популярными и доступными в сравнении с электронными ресурсами, т.к. большинство коренных андийцев не имеет компьютеров и доступной интернет-связи); для них же была подготовлена и записана на CD-дисках профессиональная постановка «Сказок народов мира на андийском языке». Такого рода издания способствуют созданию сенсорно-обогащенной, культурной и эмоционально-значимой среды для развития ребенка как условия самореализации в духе самобытного андийского устного народного творчества в сравнении с фольклором других народов. Изучению языка в контексте культуры с применением разнообразных процедур обращения к языковому сознанию этноса будут способствовать и CD-диски с записями некоторых сказок в ролевом озвучивании, которые прилагаются к изданию.

2) для взрослого населения было создано и растиражировано печатное приложение на андийском языке к районной газете «Гьудулльи» («Дружба»). Программу процедур по реа-

лизации данного мероприятия и фактическую его подготовку осуществлял наш партнер – Администрация муниципального образования «Ботлихский район» и редакция газеты «Гьудуллы»; 3) с целью консолидации сил различных слоев гражданского общества, ученых-лингвистов, культурологов, этнографов проводится сегодняшняя Научно-практическая конференция-презентация «Андийские языки среди языков народов Дагестана».

Представители андийского этноса глубоко понимают необходимость сохранения и развития языка, так как благодаря языку развивается вся культура меньшинства и испытывают необходимость в финансовой и интеллектуальной поддержке своих инициатив на государственном уровне.

А в письменной фиксации нуждается, прежде всего, лексический фонд (этнолексика) андийского языка, так как он наиболее изменчив и активен к изменениям в обществе (давление языка большинства). Представители этнических андийцев, не проживающие в местах компактного существования, нуждаются в средствах (инструментах), позволяющих проводить общение с детьми на андийском языке, причем это общение должно быть интересным для детей, воспитывающим их в духе самобытной андийской культуры. Одним из таких инструментов на первых порах может стать иллюстрированное издание «Сказки народов мира на андийском языке».

Наш Проект был не в силах решить проблемы всех андийских бесписьменных языков, но мы сделали попытку - поставить начало первому этапу возрождения одного из бесписьменных языков как гаранту возрождения культуры на территории Дагестана.

Magomedova P.A.

REVIVAL OF THE ANDI CULTURE THROUGH THE REVIVAL OF THEIR LANGUAGE

This Project aims to become a part of a comprehensive program «Revival of the Dagestan Ethnic Minorities' Cultures through the Revival of Their Languages». The support of this program will contribute to promotion and implementation of this program in Dagestan and beyond.

The overall objective is to create and conduct a complex of actions aimed to preserve, develop as well as to study the Andi language which is considered an indispensable condition for the Andi ethnic minority's development.

The overall objective of the Project determined the following specific objectives that it aims to achieve:

- to work out and provide the necessary facilities and equipment and a data base for the implementation of the Project;

- to form scientific basis to meet the interest of the Andi people (including language and communicative competence of the Andi) ;

- to adopt new technologies aimed to create representative corpus of texts in Andi, to compile an electronic Andi-Russian Dictionary, reference tables, etc.;

- to systematize the Andi vocabulary on the basis of qualitative analysis of the

- 1) recorded oral speech of the Andi, 2) texts of different genres, 3) the Andi folklore (tales), 4) written translations of the obtained Andi texts, and 5) material for Andi-Russian Dictionary in electronic format;

- to publish circulating editions in Andi for different age groups designed both to preserve and develop the language of the ethnic group and to promote its acquisition;

- to recruit and train, on the basis of the Faculty of Philology and the Faculty of Foreign Languages of the Dagestan State University, skilled ethnic personnel capable to train and retrain highly-

qualified specialists in the field of developing the languages of Dagestan minorities (the Andi included) – «Incubator of Ethnic Specialists» under the Dagestan State University;

-to prepare and hold an online conference «Andi Among Other Dagestan Languages» (Botlikh – Makhachkala – Moscow TV space bridge) aimed to promote an open dialogue between competent representatives of ethnic minorities and to unite the efforts of people of different occupations in their move to preserve, develop and study Andi. It is surely one of the necessary conditions for the development and prosperity of the Andi culture.

According to the latest data the population of the Andi amounts to over 40,000. Half of them live in Botlikh and Khasavyurt regions of Dagestan, the rest of them settle in Makhachkala, Kisilyurt, Kaspiysk and others. A smaller part of the ethnic group resides in Chechen towns and villages (Shali, Vedenov, Mokhety) as well as in various Russian cities. The language the Andi speak is still nonliterate. It functions in the oral informal form aimed to communicate everyday phenomena. Today the majority of nonliterate languages of the Avar-Andi-Tsez group have lexicographical reference books published (Godoberian-Russian Dictionary, Chamal-Russian Dictionary, Akhvah-Russian Dictionary and others). Unfortunately, there are neither dictionaries nor reference books of Andi (except some scientific study into the Andi languages' problems). The writing system is not worked out either and there are neither textbooks on Andi nor Andi mass media. If things don't change, the valuable folklore literature is doomed to extinction. Moreover, modern innovative technologies of education and educational computer programs prove ineffectual in respect of nonliterate languages. Compared to other languages of the Avar-Andi-Tsez group the position of the Andi language is least advantageous. The language environment of the multinational republic deprives the ethnic minorities of the opportunity to preserve and develop their native languages. The situation is worsened by the fact that school subjects are taught in Russian and only Avar is chosen to be taught as native language. The additional factor is the process of globalization which causes the necessity to protect the originality and cultural heritage of the Andi ethnic group.

Relevance of the Project relates to modern linguistic priorities which involve describing as soon as possible nonliterate languages that are under threat of extinction. That's why the necessity to take steps aimed to preserve, develop and study the Andi language is beyond doubt. It will secure the prosperity of this aboriginal ethnic group of the multinational republic.

Recording and preservation of the of the language corpus including texts of different styles and genres is the top priority of the Project. To solve the problem we'll invite researchers and competent informants who will thoroughly examine the language and will thus make up for a serious deficiency in the study of Dagestan languages.

The project's motto is "The ethnic minority's language should serve the people". So, the project is aimed to solve the problem (at least partly!) of practical use of Andi by people speaking it and preservation of the living language. To pursue this objective the following measures intended for various strata of society will be taken: 1) for young generation – creation of illustrated edition "Folktales of the Peoples of the World in Andi" (Print editions are still popular in mountainous Dagestan compared to electronic resources as the greatest part of the native Andi have no computers and the access to the Internet); 2) for adults – publication of appendix in Andi to the Botlikh regional newspaper "Гьудулъи" which will reflect the problems of Andi people; 3) for researchers and intellectuals – conduct of on-line conference «Andi Among Other Dagestan Languages».

The Project also intends to solve the problem of training the ethnic minorities' language researchers and teachers by means of creating favourable conditions for formation of linguistic competence of the Andi and other ethnic minorities («Incubator of Ethnic Specialists» under the Dagestan State University).

One of the most serious problems to be addressed by the Project is consolidation of efforts of different strata of the civil society, including Andi people proper, linguists, experts in literature, ethnography and others, all of whom aim to implement the overall objective of the project.

The needs of target groups are numerous and our project cannot meet them all. It is nevertheless may secure revival of the nonliterate language which may guarantee the revival of its culture

on the territory of Dagestan. This experiment thus will cause to life other projects aimed to revive the languages of other ethnic minorities in Dagestan.

IV. Our Project is relevant to the objectives and priorities of the joint programme “Minorities in Russia: developing languages, culture, media and civil society” as it aims to preserve and develop the principal medium of Andi culture – the language which at present is facing the threat of extinction. The applicant possesses all the necessary scientific resources for the implementation of the Project. The financial support is expected from the Council of Europe's contribution sought in this application.

Activity 1. Preliminary preparation (selection, analysis and systematization of Andi Ethnic vocabulary) and creation of Andi electronic corpus (Andi-Russian dictionary with recorded text appendix). Upon completion it will be placed on the web-site of the Dagestan State University. As a result all scientists will have the chance to find necessary material when they research the Andi language. This corpus may suit the purposes of researchers in the study of language and be used as a reference source. Thus, the corpus will make it possible to carry out a larger, more systematic analysis of Andi and other related languages. Of course, this activity may take more than a year but the applicant by means of empirical method has gathered a lot of materials on Andi ethnic vocabulary which she hasn't systematized yet. Summing up, this activity will help to record the corpus of this nonliterate language, on the one hand, and to create favorable conditions for the development of the Andi's language competence.

Activity 2. Publication of the illustrated edition for children and pupils “Folktales of the Peoples of the World in Andi” (4-5 pages). It will help to create emotionally and culturally rich environment which is beneficent for the process of upbringing aimed to educate a person well aware of the originality of his culture, knowing its folklore and capable of defining its distinctive character compared to the folklore of other cultures. The idea of language study in the context of culture will be promoted with the help of CD records of some tales played out by graduates and postgraduates of the Faculty of Philology and Faculty of Culture who know their native language to perfection. Sequence of the preparation and execution steps of activity 2: 1) setting the objectives of the activity; 2) recruiting the implementation body and specifying where applicable the role of each partner in the activities; 3) the choice of folktales which have to include Dagestan, Russian, European and Asian tales; 4) to make all the preparations necessary for word-for-word translation of these cultural texts into Andi; 5) professional translation, correction and editing of the tales oriented to preserve their linguistic and cultural peculiarities; 6) decorating the edition of the “Folktales...” with illustrations and pictures; 7) recording of some tales played out by students; 8) copying this edition to circulate it; 9) presentation of the “Folktales...” and announcing the results of the poll about the benefit of these tales.

Activity 3. Publication of the monthly periodical appendix to the regional newspaper “Гьудулльи” (1 page which will cover issues of social and political life of the Andi). The appendix will be published in Botlikh Region of Dagestan. Preparation and execution of the activity will be carried out by the partners of the Project – Botlikh municipality and the editorial board of “Гьудулльи”. We intend to conduct the presentation of the appendix on the conference.

Activity 4. Creation of the “Incubator of Ethnic Specialists” under the Dagestan State University made by students, postgraduates, high school teachers, lecturers and instructors of higher educational establishments, all of whom are representatives of ethnic minorities (of course, among them there are the Andi). Training of linguists to be (in future we also plan to train Andi journalists and mass media workers under the Journalistic Department) will be carried out on the basis of Dagestan literary languages' teaching methods. A special group of linguists and teaching methods specialists will work out special courses of topical problems of nonliterate languages and their research problems. These courses will be delivered in ethnic groups of the Faculty of Philology. Unfortunately, we won't be able to receive the results produced by these courses as they will take more than one year. So, these results will build up the follow-up project devoted to the introduction of innovative technologies into the process of ethnic minorities' languages teaching.

Activity 5. The final point of the work plan is online conference «Andi Among Other Dagestan Languages» (Botlikh – Makhachkala – Moscow TV space bridge). It will include representation of the “Folktales...” and the “Appendix...” and sum up the results of all the activities. The materials of the conference will be placed on the web site of the University.

Абдулаева И.А.

КАУЗАЦИЯ В АХВАХСКОМ ЯЗЫКЕ

(ДГПУ, Махачкала)

«Каузативная дериватема встречается в языках практически всех известных семей, что не удивительно, учитывая первоочередную значимость причинных отношений в человеческой жизни» [Мельчук 1998: 379].

Бесписьменный ахвахский язык, относящийся к аваро-андо-цезской группе языков, в этом отношении не составляет исключения. В нем представлены каузативные формы, функционирует как морфологический, так и лексический каузатив. Каузативные формы составляют корреляцию некаузативным, т.е. существуют параллельные ряды каузативных и некаузативных форм.

Морфологический каузатив, «как правило, стремится выражать наиболее общее и наиболее неопределенное значение, допускающее в различных прагматических контекстах целый ряд интерпретаций – быть причиной, заставить, приказать, настоять, пригласить, предложить, попросить, разрешить, дать...и т.п.» [Мельчук 1998: 390].

В отличие от морфологического, в лексическом каузативе в самом значении заложена каузативность, обозначающая определенное воздействие одного лица (предмета) на определенное действие или состояние другого, например: глагол убивать является по смыслу только каузативным.

Основное значение каузатива – это значение побуждения к действию. В ахвахском языке выделение морфологического каузатива связано с наличием формальных показателей в его составе. При морфологическом образовании каузатива используются базовый глагол в инфинитиве и вспомогательные глаголы. Более распространено образование морфологического каузатива при помощи глаголов *т1о нуль1а* «заставлять» и *бит1о руль1а* «направлять» «указывать». Кроме них, в ахвахском можно еще выделить несколько глаголов с такой же функцией. К ним относятся полисемантические глаголы *бельльгуруль1а* «оставлять», *отуруль1а* «пустить», «пускать», *гьвануруль1а* «гнать» (*бешахьуруль1а т1амини* «заставили работать», *хьваруруль1а т1амини* «заставили писать», *бетуруль1а т1ани* «заставили бегать», *касуруль1а отари* «бегать пущена (заставлена)», *ххонуль1а гьванири* «загнали (заставили) косить», *туруль1а бельльгари* «довели до гниения»).

По сравнению с глаголами *бит1о руль1а* «направлять» и *т1о нуль1а* «заставлять» каузативное значение в других глаголах проявляется не в столь категоричной, а в смягченной форме. Возможно это связано с тем, что другие глаголы имеют не насильственное или активно-принудительное значение воздействия субъекта на другое лицо или предмет, а пассивно-вспомогательное или опосредованное вмешательство в совершение того или иного действия.

В ахвахском языке, как и в других кавказских языках, морфологический каузатив может быть выражен синтетически (специальными формантами) или аналитически. Синтетические каузативы имеют в своем составе долгие гласные и этим отличаются от некаузативных форм, а при образовании вторых используются вспомогательные глаголы *бит1о руль1а* «направлять, указывать», *т1о нуль1а* «заставлять». Постепенно аналитические формы каузатива могут стягиваться и такие стяженные формы также можно рассматривать как синтетические. Стяженные синтетические формы каузатива отличаются от исходных аналитических форм, тем что морфологическое образование синтетического каузатива может сопровождаться морфонологическими изменениями в структуре основного и вспомогательного глаголов, Ср. *гуруль1а бит1о руль1а* (делать + заставлять) - *гу(руль1а) (би)т1о руль1а* (аналитическая форма) – *гут1о руль1а* (стяженная синтетическая форма). Значение морфологического каузатива в инфинитиве выражается специальной морфемой –*ō*: (*гьаригуруль1а* «видеть» - *гьаригōруль1а* «показать», *у^hкунуль1а* «есть, кушать» - *у^hкōнуль1а* «кормить»). В

формах прошедшего времени показателем каузатива служит – *ā*, а значение настоящего времени каузатива передается морфемой – *ē*.

	некаузатив	каузатив
Инфинитив.	<i>у^нкунульIа</i> «поесть»	<i>у^нкōнульIа</i> «накормить»
Прош. вр.	<i>у^нкани</i>	<i>у^нкāни</i>
Дееприч. наст.вр	<i>у^нкене</i>	<i>у^нкāне</i>
Причаст.	<i>у^нкадаве</i>	<i>у^нкāдаве</i>
Будущее вр.	<i>у^нкува</i>	<i>у^нкōва</i>

Одни глаголы располагают только аналитической формой каузатива, другие – только синтетической; большинство глаголов располагают и той и другой формой: *гъаригōрульIа* «показать» - *гъаригорульIа тIани* – *гъариготIани* «заставили показать»; *бекъIорульIа* «известить» - *бекъIорульIа тIани* – *бекъIотIани* «заставили известить».

При образовании каузативных глаголов инфинитив основного глагола выступает в усечённой форме, т. е. выпадает суффикс (или составляющий суффикса). Вспомогательный каузативный глагол *битIōрульIа* «направлять» тоже теряет начальный классно-числовой показатель –*би*. Аналогичное явление наблюдается и в родственном аварском языке. По предположению М.М. Нурмагомедова, «видимо, чтобы не помешать огласовочному принципу словосложения, характерному аварскому языку (*боржине гъабизе* - *боржин(е)+(гъ)абизе* - *боржинабизе* «заставить полететь»)» [Нурмагомедов 2004: 66].

При образовании аналитической формы каузатива базовый глагол выступает в форме инфинитива перед вспомогательным каузативным глаголом *битIōрульIа* «направлять», *тIонульIа* «заставлять» (*гIедигIōлорульIа вутIōрульIа* «поторопить (заставить поторопиться)», *гIōрульIа битIōрульIа* «заставить плакать», *чIамучIильгIōрульIа битIōрульIа* «довести до скукоты»).

Морфологический каузатив в ахвахском языке можно получить практически от любого глагола, присоединяя непосредственно к глагольному корню специальный суффикс или вспомогательный глагол. При образовании каузатива меняется не столько его лексическая семантика, сколько синтаксическая, т.е. создается переходная пара непереходному, например: *у^нкунульIа* «поесть» - *у^нкōнульIа* «накормить», *гъаригурульIа* «видеть» - *гъаригōрульIа* «показывать», *гучIурульIа* «проснуться» - *гучIōрульIа* «разбудить» и т.д.

Показатель каузатива имеет привилегированное положение и в структуре глагола – присоединяется непосредственно к корневному согласному, вклиниваясь между ним и другим посткорневыми морфемами: Все остальные элементы, функционирующие до показателя каузатива непосредственно за корневым согласным, перемещаются в постпозицию.

Каузативный суффикс сохраняется в глагольной парадигме, как при словоизменительной, так и при словообразовательной, но немного видоизменяясь.

Вспомогательный каузативный глагол в ахвахском языке в одних случаях грамматикализовался, а в других формах не успел грамматикализироваться (стать морфемой каузатива). Этот глагол в глагольной системе языка принимает активное участие в образовании сложных глаголов с каузативным значением.

В синтаксическом плане каузатив имеет свою специфику. В зависимости от каузатива меняется актантная структура предложения. Как замечал Бокарев А.А., «отличительной особенностью таких предложений, в которых сказуемыми являются понудительные глаголы, образованные от переходных, является наличие особого члена, выражающего объект понуждения («заставить кого») и оформляемого местным падежом I серии» и далее «... субъект не сам производит действие, направленное на объект, а понуждает другое лицо произвести также действие, или создает ему условия для этого, просит его или допускает совершить такое действие и т.п.» [Бокарев 1949: 62].

Исследуя семантику и синтаксис аварского глагола, Магомедова П.А. считает, что «при каузативах воздействия не происходит изменения в транзитивном характере конструкции, повышение либо понижение актантной валентности предиката» [Магомедова 2006: 76].

О каузативах, образованных от фактитивных одновалентных глаголов, и об их переходе в разряд агентивных с прибавлением дополнительного актанта (т.е. о превращении одновалентных непереходных глаголов в двухвалентных переходных) пишет З.М. Маллаева [2007: 342].

В зависимости от каузатива меняется актантная структура предложения в ахвахском языке:

1. а) *Мик1е у^нкани* «Ребенок поел» (букв. ребенок (абсолютив) поел (аорист));
 б) *Илоде мик1е у^нкāни* «Мать накормила ребенка» (букв. Мать (эргатив) ребенка (абсолютив) накормила (аорист));
 а) *Има воххари*. «Отец обрадовался» (букв. отец (абсолютив) обрадовался(аорист)); б) *Мик1елоде има воххāри* «Дети обрадовали отца» (букв. дети (эргатив) отец (абсолютив) обрадовали (аорист)).
2. а) *Гьудуссве эша вунуль1а глаза хъварари*. «Он написал заявление об уходе» (букв. Он (эргатив) об уходе заявление (абсолютив) написал (аорист)).

В этом предложении субъект сам производит действие над объектом. Объект пассивен и физически и психически.

б) *Началник1ессве гьудуссуге эша вунуль1а глаза хъварāри*. «Начальник (эргатив) он (локатив) об уходе заявление (абсолютив) заставил написать (аорист). Здесь субъект воздействует на волю объекта, принуждая его совершать действие. При физической активности субъекта имеет место пассивность его воли. Получается, что объект здесь выполняет и фактитивную и агентивную функции одновременно. Пассивный объект имеет форму абсолютива, активный – локатива.

а) *Гьудуссуде лъльени ц1арари* «Он выпил воду» (букв. Он (эргатив) вода (абсолютив) выпил (аорист)).

б) *Тохтороссуде гьудуссуге лъльени ц1арāри* «Врач заставил его выпить воду» (букв. врач (эргатив) он (локатив) вода (абсолютив) заставил выпить (аорист)).

в) *Деде гьудуде ц1ц1арāдо* «я его напоил» (букв. я (эргатив) он (абсолютив) заставил пить (причастие в функции предиката-аориста)).

«Каузативы передают семантику действия субъекта, направленного на несколько объектов сразу. При этом объекты выстраиваются в линейный ряд, в соответствии с производимым над ними субъектом действием. Активное действие первого объекта предполагает участие в действии воли объекта» [Маллаева 2007: 342].

Возвращаясь к аналитической форме каузатива, образованной сочетанием инфинитива основного глагола с финитной формой глагола *т1онуль1а* «заставить», например: *гуруль1а т1онуль1а* «заставить делать», *бешахъуруль1а т1онуль1а* «заставить работать», необходимо отметить, что с помощью глагола *т1онуль1а* может быть образована также каузативная форма от исходных каузативных глаголов: *гьаригоруль1а т1онуль1а* «заставить показать», *бикъ1оруль1а т1онуль1а* «заставить убить» и т.д. Например: *Имоде дене ц1ц1ессва микъи гьаригоруль1а т1ани*. «отец (эрг.) меня (номинатив) заставил гостю (датель) дорогу (номинатив) показать». В данном случае число актантов доходит до четырех.

В ахвахском языке можно выделить три типа значений каузативов: а) заставить делать что-л.; б) разрешить, позволить делать что-л.; в) приказать, заставить делать что-л.

В первом значении «заставить делать что-л.» употребляется форма каузатива, образованная сочетанием инфинитива и функционально вспомогательных глаголов *т1бонуль1а*, *бит1боруль1а*: *мачунуль1а т1бонуль1а* «заставить рассказывать», *гьаригборуль1а т1бонуль1а* «заставить показать», *хъвадилборуль1а т1бонуль1а* «заставить ходить», *гуруль1а бит1ари* «заставил совершить» и т.д.

Во втором значении «разрешить, позволить делать что-л.» употребляется форма каузатива, образованная сочетанием инфинитива и функционально вспомогательных глаголов *отуруль1а* «пускать», *бельльуруль1а* «оставлять»: *хъвани бету отуруль1а* «букв. разрешить коню бегать», *яше жборуль1а итуруль1а* «букв. разрешить девочке учиться», *рик1алли бухъо му отуруль1а* «позволить ключам потеряться», *охъу отуруль1а* «разрешить продать».

В третьем значении «приказать, заставить делать что-л.» может употребляться форма каузатива, образованная сочетанием инфинитива и функционально вспомогательных глаголов *букъбрульIа* «гнать», *гъванурульIа* «гнать»: *бешахъурульIа мигъилIа гъванурульIа* «заставить работать в поле» (букв. выгнать работать в поле).

В функции вспомогательных глаголов выступают многозначные глаголы. По мнению З.М. Маллаевой, именно наличие множества значений и позволяет применять их в функции вспомогательного глагола [Маллаева 2007: 346].

Таким образом, можно заключить, что в исследуемом ахвахском языке представлены синтетические и аналитические каузативные формы. Синтетические формы маркируются специальным показателем – долгим гласным. В образовании аналитических форм каузатива принимают участие многозначные глаголы.

Литература

- Бокарев А.А. Синтаксис аварского языка. –М.-Л., 1949.
 Магомедова П.А. Семантика и синтаксис аварского глагола (опыт семантической интерпретации синтаксиса). – М., 2006.
 Маллаева З.М. Глагол аварского языка. – Махачкала, 2007.
 Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т II. -М., 1998.
 Муталов Р.О. Глагол даргинского языка.- Махачкала, 2002.
 Нурмагомедов М.С. Структура глагола в аварском языке. – Махачкала, 2000.

Абдулмуслимова П. М.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ И НЕПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ВЫРАЖАЕМЫЕ АДЭССИВОМ В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ (ИЯЛИ ДНЦ РАН, Махачкала)

Система местных падежей аварского языка располагает разнообразными формантами, выражающими пространственные отношения. Их можно разделить на форманты, выражающие определенное место нахождения предмета в пространстве по отношению к другому предмету, и форманты, выражающие двигательные состояния относительно ориентира. К первым в аварском языке относятся: формант *-mI-*, выражающий нахождение предмета на поверхности, на горизонтальной плоскости; формант *-d-*, выражающий нахождение предмета на поверхности, на вертикальной плоскости; формант *-xъ-*, выражающий нахождение предмета вблизи ориентира, формант *-лъ-* и форманты *-б-, -в-, -й-, -р-*, (т.е. меняющиеся классные показатели), выражающие нахождение внутри ориентира; формант *-кь-*, выражающий нахождение под ориентиром.

К второй группе относятся: формант *-а-*, выражающий отсутствие приближения или удаления; формант *-е-*, выражающий приближение к ориентиру; форманты *-а-, -са-*, выражающие удаление от ориентира, и формант *-н-*, выражающий движение через ориентир.

Адэссив (локатив серии на *-xъ* или локатив второй серии по принятой в авароведении терминологии) имеет в аварском языке широкое распространение. Он занимает второе место по распространенности после суперэссива. Первичным пространственным значением адэссива является выражение локализации «у», «возле», «вблизи» ориентира, например: *кIалтIухъ* «у порога», *гIурухъ* «у реки», *хIорихъ* «у пруда», *колохъ* «возле хутора», *нуцIуцIухъ* «возле двери», *вацасу-хъ* «у брата», *инсухъ* «у отца», например: *Нижер рукъ гIурухъ буго*. «Наш дом **у реки** (находится)». При переводе на русский язык, в ряде случаев, наблюдается несоответствие между пространственными предлогами русского языка и соответствующими пространственными падежами дагестанских языков, например: *Зодихъ цогидаб цIва дий бак-*

киларо. (Гьудуллѣи 2/ 2002, с. 54). «На небе (букв. «у неба, около неба») другая звезда для меня не появится».

Для большей конкретизации пространственной локализации адэссив употребляется в сочетании с послелогоми пространственной семантики, например: *кIкIлахъ жсаниб накIкI лъун буго* «в ущелье (внутри ущелья расположился туман)».

Выражая близкое расположение двух предметов, адэссив не уточняет, соприкасаются ли эти предметы или разделены некоторым расстоянием. Подобная семантическая дифференциация может быть выражена с помощью послелогов или контекстуально.

В образовании адэссива в аварском языке исследователи отмечают некоторый разноречивой. Адэссив имен существительных во множественном числе располагает тремя формами.

1. Первая форма образуется от слов с формантами множественного числа *-ал* или *-дал*, переменою конечного согласного суффикса множественности *-л* на показатель местного падежа на *-хъ* или на *-бахъ*, например: *хIор-ал* «пруды» – *хIор-ахъ* «у прудов», *рукъз-ал* «дома» – *рукъза-бахъ* «у домов» и т.д.

2. Вторая форма адэссива образуется от формы множественного числа с окончанием *-би*; при этом гласный элемент *-и* суффикса множественности *-би* перед суффиксом адэссива *-хъ* заменяется гласным *-а*, например: *роса-би* «села» – *роса-бахъ* «у селений», *хъала-би* «крепости» – *хъала-бахъ* «возле крепостей» и т. д.

3. Третья форма адэссива образуется от детерминированной основы множественного числа, например: генитив – *хурза-ба-зу-л* «полей» – адэссив – *хурза-ба-зу-хъ* «у полей», *Галимза-ба-зу-л* (ген.) «ученых» – *Галимзабахъ* (адэсс.) «у ученых» и т. д.

Локативу второй серии местных падежей аварского языка в андийских соответствует локатив четвертой серии, представленный материально близкими формантами *-хъ* и *-х* (багвалинский язык). Как отмечает З. М. Магомедбекова «развитие семантики серии *-хъ*, как видно, шло следующим образом:

1. Конкретно-локальное значение «около», «при»;
2. Инструмента действия;
3. Общания: спросить, сказать, смотреть;
4. Мены, купли-продажи. Первые два значения в языках уже утрачиваются, а последние два еще держатся [Магомедбекова 1967: 63].

Семантика расположения объекта в непосредственной близости с ориентиром, в тесном контакте с ним является для серий местных падежей дагестанских языков скорее исключением, нежели правилом.

В близкородственном ахвахском языке З. М. Магомедбекова [1967: 64] выделяет две серии локативных падежей, соответствующие аварской серии AD. В статье «Локативные падежи в аварско-андийских языках» [1987: 86-92] З. М. Магомедбекова указывает на то, что в андийских языках, в отличие от аварского (в котором серия на *-х\-гъ* утрачена) функционируют две серии со значением расположения «у», «около», «вблизи» ориентира. На современном этапе развития андийских языков обе серии (на *-х\-гъ* и на *-хъ*) имеют одинаковую семантику. Однако «видно, что функции этих серий в каком-то плане отличались. Различались они, по-видимому, по расстоянию предмета в пространстве, по непосредственному или опосредованному контакту» [Магомедбекова 1987: 90].

Таким образом, есть все основания предположить, что исторически и аварский и андийские языки различали семантику «вплотную, в полном контакте с ориентиром» и «около, без контакта с ориентиром». Ныне аварский язык утратил одну из этих серий (а именно – серию на *-х\-гъ*), а андийские языки сохранили обе серии, но произошла семантическая нивелировка некогда существовавшей дифференциации между ними.

В современном аварском языке семантика AD и семантика CONT выражаются слитно формой адэссива (эссива второй серии), для различения семантики AD и CONT нужна лексическая поддержка. Однако, здесь следовало бы отметить, семантика расположения объекта на вертикальной поверхности ориентира – формант *-да*, безусловно, содержит и семантику расположения в непосредственной близости от ориентира, в тесном контакте с

ориентиром. Поскольку удержаться на вертикальной поверхности, в отличие от горизонтальной поверхности, можно только при наличии тесного контакта. Так что падеж, отмеченный нами в аварском языке как суперэссив I с таким же правом можно назвать и контэссивом, т.е., здесь имеет место сочетание двух пространственных семантик в одной форме.

В современном аварском языке исследователи отмечают тенденцию использовать местные падежи для выражения абстрактных отношений, а послеложные конструкции – для выражения пространственной семантики.

На базе пространственных отношений у форм адэссива впоследствии развились непространственные значения. Адэссив разумных существительных в аварском языке маркирует роль актуального посессора. Например: *Дир вас эбелатъухъ вуго*. «Мой сын находится у матери».

Актант, оформленный адэссивом от разумного имени существительного, выражает не пространственную семантику, а актуальное обладание.

Объект восприятия при глаголах зрительного восприятия (*балагъизе* «смотреть», *бер тIамизе* «смотреть», *хал гъабизе* «наблюдать») и слухового восприятия (*гIенеккизе* «слушать», *гIин тIамизе* «слушать», «прислушиваться») выражается формой адэссива, например: *Духъ балагъун тIубараб сагIат бана дица*. «Я ждал тебя целый час».

В функции объекта адэссив может употребляться и с глаголами чувственного восприятия, такими как: *урхъизе* «тосковать», *ракI цевезе* «скучать», *чара тIагIине* «страдать», *ракI унтize* «страдать», *гIодизе* «плакать», *рокъи ккезе* «полюбить» и т.д., напр.: *Духъ ракI цун букIараб куцха дир*. «Как же я по тебе скучал».

В функции обстоятельства цели адэссив, как правило, употребляется с глаголами движения, напр.: *Дун метер радалго гъоболлъухъ ине ккола*. «Я завтра с утра должен идти в гости».

В функции обстоятельства причины адэссив употребляется с глаголами: *босизе* «взять», *бичизе* «продать», *хисизе* «обменять», *къезе* «дать», напр.: *Баркала кIудияб дур гIакълуялъухъ, халкъалдехун бугеб дур рокъиялъухъ*. «Спасибо большое за твой ум, за твою любовь к народу».

Адэссив употребляется также в идиоматических выражениях, при этом наблюдается нейтрализация пространственной семантики, например: *гъирихъ хъвадизе* «заниматься перевозкой зерна на ослах», букв. «за мешком ходить»; *гъурмахъ балагъичIого* «невзирая на лица», букв. «у лица не смотря»; *гIадахъ босизе* «обратить внимание», «принять к сведению»; *кIалухъ яхъизе* «испортить репутацию», «стать популярной в отрицательном значении», букв. «во тру снять» и т.д.

По всем аваро-андийским языкам существуют семантические ограничения, накладываемые на имена при образовании форм местных падежей. Так, например, в багвалинском языке М. А. Даниэль отмечает следующие особенности функционирования местных падежей: локализация POSS сочетается только с названиями живых существ; локализация IN-TER (в единственном числе) и локализация IN - только с названиями неодушевленных предметов. Локализация CONT сочетается с большинством неодушевленных имен только в синтаксической функции – когда она в составе пространственной формы кодирует аргумент глагола, ср., например, глагол *heri* «бояться» < кто: NOM; кого: CONTESS > управляющий контэссивом [Даниэль 2001: 142].

В аварском языке в зависимости от одушевленности \ неодушевленности ориентира, семантика передаваемая формой адэссива варьирует. Если ориентир представлен неодушевленным объектом, то данная серия выражает, как и в большинстве дагестанских языков, семантику расположения в неопределенной близости к неодушевленному ориентиру, например: *къадахъ* «у стены», *гIурухъ* «у реки», *солбохъ* «возле угла», «на углу» (без конкретизации наличия или отсутствия контакта). Если ориентир представлен одушевленным объектом, то данная серия выражает семантику пребывания вместе с ориентиром, например: *баба-хъ* «у матери», *дада-хъ* «у отца», *васасухъ* «у сына» и т.д.

Семантические (или обстоятельственные падежи) в отличие от синтаксических (абстрактных или грамматических) падежей выражают некоторый смысл – но выражение этого смысла всегда связано с некоторой синтаксической ролью.

Исследуя именное словоизменение в дагестанских языках, А. Е. Кибрик писал: «Если ограничиваться только грамматическими падежами, дагестанские языки имеют системы довольно скромного размера, соизмеримые с другими языками Европы. Прославленное богатство падежных систем дагестанских языков обязано многочисленным пространственным формам имени, иногда достигающим трех дюжин. Однако в отличие от грамматических падежей, не имеющих систематических корреляций между формой и функцией, пространственные формы имеют явную внутреннюю структуру и представлены на формальном и семантическом уровне как комбинации единиц. На этом основании применительно к ним желательнее расщепить категорию падежа на две категории: собственно падеж как это сделано в предыдущем разделе, и пространственные формы, состоящие из направительных падежей и категории локализации» [Кибрик 2003: 201].

Проблема квалификации местных (пространственных, или семантических) падежей: считать их падежами или послеложными сочетаниями? – является одним из активно дискутируемых вопросов дагестановедения.

Падежные функции, как известно, связаны с тем фактом, что «падеж в большинстве языков оказывается главной (и практически единственной) словоизменительной синтаксической категорией имени; собственно, словоизменение имени (= склонение) и его изменение по падежам в традиционной грамматической терминологии фактически являются синонимами. ... В сущности, падеж является смешенной семантико-синтаксической категорией, семантические аспекты употребления которой могут быть то более, то менее отчетливы – в зависимости от конкретной падежной граммы и от организации падежной системы в целом» [Плунгян 2002: 163-164].

Семантические функции падежей в современной лингвистике обычно связывают с семантической и синтаксической «ролью» имени в составе определенной ситуации. Поэтому падеж в современной лингвистике определяется как грамматическая категория, выражающая различные синтаксические (и / или семантические) роли имени [Плунгян 2002: 164].

Язык – это система, а система есть целостный объект, который состоит из элементов, находящихся во взаимных отношениях. При рассмотрении языка как системы необходимо принимать во внимание тот факт, что разные языки выполняют одни и те же функции, однако их элементы (составляющие структуру языка) функционируют по-разному. Для реализации одной и той же языковой функции в разных языковых системах существуют свои особенности ее выполнения – чаще всего разными языковыми единицами.

Как отмечает И. А. Мельчук: «Граница между семантическими и синтаксическими падежами является достаточно зыбкой, и существует обширная переходная зона. Некоторые падежи в некоторых языках, действительно, могут быть чисто синтаксическими; но чаще встречается такая ситуация, когда падеж в одних контекстах выражает некоторый смысл, а в других – нет (например, там, где его появление определяется синтаксическими свойствами управляющей лексемы). С другой стороны, синтаксический падеж может приобретать семантические функции – например, в составе особой конструкции. Таким образом, противопоставление синтаксических и семантических падежей не следует считать слишком жестким и статичным; во многих случаях более целесообразно говорить о синтаксических или семантических УПОТРЕБЛЕНИЯХ некоторого падежа, чем о синтаксическом или семантическом характере этого падежа в целом. Тем не менее, несмотря на все оговорки, данное противопоставление оказывается очень полезным при обсуждении проблематики, связанной с категорией падежа» [Мельчук 1998: 327-328].

На наш взгляд, т.н. «пространственные» падежи в аваро-андийских языках по выполняемым им синтаксическим функциям, вполне можно причислить к «нормальным» синтаксическим падежам.

Литература

1. *Кибрик А. Е.* Константы и переменные языка. – Санкт-Петербург: Алетейа, 2003.
2. *Магомедбекова З. М.* Ахвахский язык. Тбилиси, 1967.
3. *Магомедбекова З. М.* Локативные падежи в аварско-андийских языках // Падежный состав и система склонения в кавказских языках. Махачкала, 1987. - С. 86-92.
4. *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Том II. Часть вторая: Морфологические значения. – М.: “Языки русской культуры”. – Вена: WSA, 1998.
5. *Плунгян В. А.* О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. – М., 2002

Абдусаламова С.Г.

СУФФИКСАЦИЯ И СЛОВОСЛОЖЕНИЕ КАК ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ СЛОВ

(на материале андийского языка)

(ДГУ, Махачкала)

Андийские языки распространены в юго-западной части Дагестана, в Ботлихском, Цумадинском и Ахвахском районах. Выделяют две группы говоров: верхнеандийскую, которая включает в себя андийский, гагатлинский, рикванинский, чанхойский и зилойский говоры, и нижнеандийскую, включающую мунибский и кванхидатльский говоры. В диалектологическом отношении андийские языки сильно дифференцированы, несмотря на это, андийские языки в целом образуют непрерывную цепь языков и диалектов, довольно плавно переходящих в друг в друга. Максимальное расхождение наблюдается между андийским и ахвахским языкам.

Суффиксальное словообразование имен существительных в андийском языке

Недостаточно полно изученным разделом в грамматике андийского языка является словообразование, поэтому в данной статье хотелось бы уделить ему особое внимание. Словообразование – это раздел лингвистики, в котором изучаются методы создания новых слов на материале слов уже существующих.

В каждом языке есть свои способы словообразования. Вместе с тем, речь, как последовательность звуков, предполагает определенные ограничения на возможности создания новых слов, которые выражаются в том, что в любом языке эти возможности в целом сводятся к ограниченному количеству способов.

Ограниченность способов словообразования объясняется ограниченностью уровней языковой системы (лексика, грамматика, фонетика) и ограниченностью ее ярусов в их сочетании при необходимости создать новое слово.

Словообразование – образование новых слов (дериватов) от однокорневых слов и возникшее в результате этого формально-семантическое соотношение между дериватом и его производящим словом. К основным словообразовательным процессам относятся аффиксация (префиксация, суффиксация и т.д.), словосложение, конверсия и некоторые другие.

Андийский язык относится к агглютинативно-синтетическому типу языка с элементами аналитизма, т.е. в андийском языке доминирующим типом словоизменения является агглютинация различных формантов, каждый из которых несет только одно значение. В андийском языке грамматическое значение выражается не в слове, а в предложении.

Слова андийского языка с точки зрения морфологической структуры делятся на слова, имеющие формы словоизменения и не имеющие форм словоизменения. Также как и в авар-

ском языке, среди словообразования в андийском языке основным способом является суффиксация.

Суффиксальный способ словообразования является основным способом пополнения разряда имен существительных. Суффиксация служит способом образования существительных разных семантических групп: абстрактных имен, терминов родства, названий конкретных предметов и т.д. В андийском языке выделяют продуктивные, малопродуктивные и непродуктивные суффиксы. К продуктивным аффиксам относятся: **-ол:** *даргинолув* (даргинец) > *даргин-ол* (даргинцы); *гьарччололы* (кумык) > *гьарччололь-ол* (кумыки); **-льыр:** *има* (отец) > *има-льыр* (отцовство); *бигьа* (легко) > *бигьа-льыр* (облегчение); **-ссуб:** *адлу* (порядок) > *адлу-ссуб* (беспорядочный, невоспитанный); *гьакъкъу* (комната) > *гьакъкъу-ссуб* (бездомный); **-чи:** *дарам* (торговля) > *дарам-чи* (торговец); *тукан* (магазин) > *тукан-чи* (продавец в магазине); **-хъан:** *миццли* (язык) > *миццлы-хъан* (доносчик); *кечли* (песня) > *кечли-хъан* (певец); *члугьы* (гордость) > *члугь-хъан* (гордец).

К малопродуктивным аффиксам относятся следующие суффиксы: **-кьеру:** *има* (отец) > *има-кьеру* (свекр); *ила* (мать) > *ила-кьеру* (свекровь); **-агу:** *бужур* (надежда, вера) > *бужурол-агу* (нечаянно); **-кли:** *еши* (девочка) > *еш-кли* (кукла).

К непродуктивным суффиксам относятся: **-бол:** *льин* (волос) > *льини-бол* (волосы).

Суффиксальное словообразование имен прилагательных

Суффиксы принимают участие в образовании прилагательных различных семантических групп со значениями признака (свойства) предмета, назначения, времени, места, пола; мотивирующими основами выступают субстантивы, глаголы, местоимения, наречия:

-луб/-уб: *гьекл-уб* (чужой) < *гьекла* (человек); *гьол-уб* (их) < *гьоб* (это); *се-луб* (чей-то, мн.ч.) < *себ* (один); **-гасси:** *ден-гасси* (такой, как я) < *ден* (я); *гьенеб-гасси* (вот такой) < *гьенеб* (вот); *мочлил-гасси* (как дети) < *мочлил* (дети); **-сси:** *дуй-сси* (предназначенный для тебя) < *дуй* (тебе); **-бициб:** *льльенди-бициб* (наполненный водой) < *льльен* (вода); **-иб/ййиб:** *бих-иб* (купленный) < *бихиду* (брать, покупать); *гьоба-ййиб* (придвинутый) < *гьоба* (сюда); *мичли-ййиб* (уменьшенный) < *мичли* (маленький); *босо-ййиб* (крашеный) < *босо* (цвет); *беххула-ййиб* (удлиненный) < *беххула* (длинный).

В андийском языке также представлены единичные суффиксы образования прилагательных: **-ло:** *себ-ло* (другой) < *себ* (один);

-кlob: *чlob-кlob* (какой угодно) < *чlob* (любой).

Суффиксальное словообразование глаголов

Глагольные суффиксы по сравнению с аффиксами существительных и прилагательных менее разнообразны, но, тем не менее, они не лишены внимания. В андийском языке выделяют следующие суффиксы:

-(л)лду/-ду/-дду: *бал'иб* (ученый) > *бал'иду* (читать); *буртла* (богатый) > *буртла – лду* (разбогатеть); *беххула* (длинный) > *беххулай-дду* (удлиннить); *хев* (дела) > *хев-ду* (делать, возиться); *гьури* (красный) > *гьури-лду* (покраснеть); *миццли* (язык) > *миццлай-ду* (делать сладким); *гьаркly* (глаз) > *гьаркly-ду* (глазить).

-ххоллу: *адал* (дурак) > *адал-ххоллу* (сводить с ума); *бечлугу* (пустой) > *бечлу-ххоллу* (опустошать). **-инну/-унну:** *битом* (мокрый) > *бит-инну* (мокнуть); *гьаркly* (глаз) > *гьарч-инну* (смотреть); *гьалтli* (работа) > *гьалтli-унну* (работать).

Суффиксальное словообразование местоимений и наречий

В местоимениях представлено ограниченное количество суффиксов: **-нигу/дигу:** *дэн* (я) > *дэн-нигу* (я сам); *мэн* (ты) > *мэн-нигу* (ты сам); *биссил* (вы) > *бисси-дигу* (вы сами); *ицицил* (мы) > *ицици-дигу* (мы сами); **-боло:** *имгьы* (кто) > *им-боло* (кто-то); *ибгьы* (что) > *иб-боло* (что-то).

В образовании наречий в андийском языке выделяют следующие суффиксы: **-ла, -льи, -ха, -ду, -члу, -акку(-кку), -рий, -хьи, -боло, -хье, -гьи, -дило.**

В качестве производящих основ выступают субстантивы, адъективы, числительные, глаголы, деепричастия и собственно наре-

чия. Производные наречия объединяются в различные семантические группы в зависимости от их словообразовательного значения:

(л)ла: *кӀол* (рот) > *кӀол-ла* (во рту), *гьаркӀу* (глаз) > *гьаркӀу-лла* (в глазу);

- ха: *гьекӀол* (чужие) > *гьекӀуха* (у чужих);

рокӀо (сердце) > *рокӀор-льи* (в сердце);

(это) > *гьегелдди* (туда) [аблаут];

тукан-ни (в магазин);

(во дворе, на улице);

наречия времени:

рельо (ночь) > *рельо-льи* (каждую ночь);

ра) > *сун-акку* (со вчерашнего дня);

ром) > *охходдоро-рий* (на утро);

обед).

наречия образа действия:

чӀобльу (где хочешь) > *чӀобльу-кку* (откуда хочешь); *гьельльу* (там) > *гьельльу-кку* (оттуда);

ный) > *беххулло-лхьи* (в длину);

гьинджер-дило (до сих пор);

наречия меры и степени:

гьебгу (этот же) > *гьебгу-кья* (столько же);

(так) > *гьегекъ'ол-гу* (так же);

наречия со значением неопределенности:

имагьи (куда) > *има-лехье* (куда же);

(много) > *бигьу-ригьи* (долго).

Словосложение как один из способов образования новых слов в андийском языке

Другим способом образования новых слов является словосложение. Словосложение – процесс и правила образования слов путем сложения одной или более основ.

разуются:

Чаще всего сложные слова об-

- соединением двух самостоятельных слов;

- соединение самостоятельной основы с

асемантической единицей;

- соединением двух асемантических основ.

В андийском языке словосложение является одним из наиболее продуктивных способов образования новых слов. В андийском языке выделяются сложные слова, характеризующиеся рядом признаков:

1) Сложное слово выступает как целостная семантическая единица, которая выражает только одно понятие (*цӀадицӀлатоб* – «сгоревший»);

2) Компоненты сложного слова невозможно отделить друг от друга посредством вставки между ними других слов (*гьуцӀцукӀутӀунниб* – «собранный, аккуратный»);

3) Основное большинство композитов входит в одно семантическое поле, т.е. обозначает однотипные предметы и явления *бешен-кьельгин* – «постель».

Словосложение в именах существительных

Словосложение представлено в именах существительных, прилагательных, наречиях и глаголах. По типу грамматической связи между компонентами различают сложные субстантивы двух типов: сочинительные и подчинительные. Композиты-существительные сочинительного типа группируются на:

1) сложные имена, оба компонента которых употребляются как самостоятельные лексические единицы: *кькьуру-кӀутӀунниб* «новомодный» (букв. «закрученный-забитый»); *цӀара'и-цӀа* «посуда, кухонная утварь» (букв. «посуда-огонь»); *рерган-роххел* «радость» (букв. «радость-удача»);

2) сложные слова, оба компонента которых лишены реального значения: *гьуя-гьарай* «кошмар».

Композиты-существительные подчинительного типа выделяют сложные имена, вторые компоненты которых не обладают самостоятельным лексическим значением:

наречия места: -

-льи:

-лди: *гьегеб*

-ни: *тукан* (магазин) >

-ду: *рей* (улица, двор) > *рей-ду*

-боло: *инугьи* (где) > *ину-боло* (где-то).

-льи:

-акку: *сун* (вче-

-рий: *охходдоро* (ут-

-ла: *лъал* (день) > *лъал'ла* (в

-кку:

-лхьи: *беххула* (длин-

-дило: *гьиндже* (сейчас) >

-кья:

-гу: *гьегекъ'ол*

-лехье:

-ригьи: *бигьугу*

хан-патччицагъи «король» (*хан* – король + *патччицагъи* «?»); *адлу-мизан* «порядок» (*адлу* – порядок + *мизан* «?»); *агьлу-джиннати* «тухум» (*агьлу* – тухум + *джиннати* «?»).

Часть сложных существительных образуется специфически – путем удвоения какого-либо субстантива. Встречаются повторы нескольких моделей:

1) когда к основе существительного, начинающегося на гласную, присоединяется согласная «м»: *орси-морси* «деньги и тому подобное» (*орси* – деньги);

2) основа удваивается с изменением анлаутного согласного: *чингил – мингил* «тарелка и тому подобное» (*чингил* – тарелка); *ххуча-муча* «книга и тому подобное» (*ххуча* – книга).

Среди сложных имен существительных различают также композиты, образованные на звукоподражательной основе. Редупликация звукоподражательных комплексов: *шир-шири* «шуршание» (подражание шума бумаги); *гьигьири* «хихиканье» (иммитация хихиканья); *гьар-гьари* (подражание дрожанию); *пар-пари* (подражание втеру).

Словосложение в именах прилагательных

Исходя из принадлежности компонентов к той или иной части речи, прилагательные-композиты делятся на несколько видов:

1) композиты, состоящие из субстантива и прилагательного: *рокло-рецицлом* «добросердечный» (*рокло*-сердце + *рецицлом*-чистый); *ллали-бечледир* «черный, как копоть» (*ллали* – копоть + *бечледир* – черный); *цлцлервул'ом* «известный» (*цлцлер* – имя + *вул'ом* – ушедший);

2) прилагательные, образованные посредством основ глагола и причастия: *бичло-цлатоб* «испорченный» (*бичло* – испортился + *цлатоб* – сгоревший);

3) наречия и прилагательные: *ильльвул'ом* «спокойный, тихий» (*ильльву* – внутрь + *вул'ом* – ушедший);

4) асемантической единицы и самостоятельной основы: *чло-члоб* «любой» (*чло* – «?» + *члоб* – любой).

Сложные адъективы образуются посредством редупликации:

1) повторение основы без изменения: *шуб-шуб* «лучшее»;

2) повторением основы с изменением инлаутного согласного: *бецца-бекькья* «крепкий».

Словосложение в наречиях

Словообразование наречий является одним из наиболее продуктивных способ образования новых слов. Среди композитных наречий выделяют следующие модели:

1) существительное + существительное: *гьекькьер-рагьал* «по углам, каждый угол» (*гьекькьер* – угол + *рагьал* – край);

2) наречие + суффикс –ло: *оници-оницило* «потом, позже» (*оници* – пока, сначала);

3) наречие + асемантическая единица: *гьинльи-члурльи* «в крови» (*гьинльи* – в крови + *члурльи* – «?»);

4) числительные + основы других частей речи: *себ-себригъи* «иногда» (*себ* – один + *ригъи* – время).

В андийском языке также представлены редуплицированные структуры наречий:

1) наречия, образованные при помощи редупликации основы: *бокьу-бокьу* «между, по слоям» (*бокьу* – между);

2) редупликация, образованная посредством удвоения основ наречий времени или места: *иццела-иццела* «когда-нибудь» (*иццела* – завтра); *льльеру-льльеру* «рядом» (*льльеру* – близко).

Словосложение в числительных

Среди числительных-композитов выделяют числительные:

1) от 11 до 19, образованные посредством основы *гьоцлогу* «десять» + название единицы: *гьоцлогъи льобгу* «тринадцать», где *льобгу* – «три»;

2) от 100 до 200, где основным элементом словосложения является *бешенугу* (сто), *бешену-члецлогъу* «стодвадцать»;

- 3) образованные путем повторения основ: *себ-себ* «по одному», *чле-чле* «по два»;
 4) состоящие из двух (иногда и трех) стоящих рядом основ числительных: *себ-чле инчи* «одно-два яблока».

Словосложение в глаголах

Сложные глаголы в андийском языке предусматривают лексические единицы, состоящие из двух отдельных элементов. Так различают следующие виды глаголов-композигов:

- 1) глаголы, образованные посредством двух самостоятельных глаголов *гьарчли-архинну* «узнать, выяснить, спросить» (букв. «посмотреть + открыть»); *вол'о-вукькьнну* «приодеться, нарядиться» (букв. «одеться + обуться»);
 2) компонентами глагола-композига являются инфинитив+субстантив *рокло-бигьайду* «успокоить» (букв. «сердце+облегчить»).

Определение места словообразования в общей модели языка, а точнее, определение его связей с другими частями этой модели представляет собой определенную проблему. Словообразование в андийском языке до сих пор является не до конца изученным разделом грамматики.

Литература

1. Алиева З.М. – Словообразование в чамалинском языке. Махачкала, 2002.
2. Алисултанова М. А. – Лексика андийского языка. Автореф. Махачкала, 2010.
3. Алиханов С.З. – Словообразование в аварском языке. Махачкала, 1994
4. Гудаева Т.Е. – Ботлихский язык: грамматический анализ, тексты, словарь. Тбилиси, 1962.
5. Церцвадзе И.И. – Андийский язык. Языки народов СССР, т. IV. Тбилиси, 1964.
6. [www.wikipedia\http: yazikoznanie.slovoobrazovanie\ru](http://www.wikipedia.ru/yazikoznanie.slovoobrazovanie)

Аваков С. А.

ВАЛЕНТНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

(Филиал ДГПУ, Дербент)

Описание содержательной валентности включает в себя определенные количества мест, открываемых предикатом, и выявление категориальных признаков аргументов способных замещать эти места. Среди аргументов глагола обычно выделяют обязательные и факультативные. Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой факультативная валентность проявляется только в поверхностной структуре, в глубинной же структуре все элементы, зависящие от глагола, являются одинаково обязательными. К факультативным относятся аргументы, однозначно предполагаемые семантикой глагола. Обязательные в содержательном плане аргументы в плане выражения могут быть как обязательными так и факультативными. Критерием их разграничения служит прием опущения – если после опущения компонента предложение остается грамматичным, то опущенный компонент является факультативным.

Субъектами звукоподражательных глаголов являются живые существа, которые и производят действие – издадут те или иные звуки. Это могут быть названия животных или имена людей. Модификации субъектов возможны лишь на лексико-семантическом уровне [Алиева 1997: 121]. Так, например, звукоподражательный глагол *bellen* «лаять», «тявкать» можно употребить не только по отношению к собакам, но и в выражении: *Der Magen bellt vor Hunger*. «В желудке урчит (от голода)». По мнению М. Д. Степановой и Г. Хельбиг

«валентность в самом общем смысле предусматривает необходимое или возможное контекстуальное окружение слова, контекстуальные связи слова, контекстуальные отношения между различными частями речи в предложении на семантическом и синтаксическом уровне, контекстуальную сочетаемость слов как семантических и/или синтаксических партнеров в предложении» [Степанова, Хельбиг 1978: 138].

Большая часть звукоподражательных глаголов является одноактантной: *miauem* (wer?) *die Katze* мяукать (кто?) кошка. Есть и двухактантные глаголы: *Knurren* (wer? auf wen?) рычать (кто? на кого?).

Актанты – это «лица или предметы, в той или иной степени участвующие в процессе» [Теньер 1988: 121]. Актанты, как правило, выражены существительными, и они непосредственно подчинены глаголу-сказуемому. Глаголы обладают разным числом актантов. Более того, один и тот же глагол не всегда имеет одно и то же число актантов. Глаголов без актантов вообще мало в любом языке. Еще меньше их среди звукоподражательных глаголов. Нам удалось обнаружить лишь несколько звукоподражательных глаголов без актантов, это следующие: нем. *es donnert*, англ. *thunder*; нем. *es blitzt*, англ. *it's lightning*; нем. *es braust*, англ. *brew*. Звукоподражательные глаголы без актантов выражают процесс, который развертывается сам по себе, и в котором нет участников. Чаще всего, это глаголы, обозначающие атмосферные явления.

В качестве безактантного может функционировать и звукоподражательный глагол *rappeln* «гремять», «стучать» в одном из значений: *Bei ihm rappelt's im Kopf* в значении: «У него не все дома».

К одноактантным относятся звукоподражательные глаголы, имитирующие шум, возникающий при движении различных предметов, например, нем. *rasseln*, англ. *rattle*, русс. *громыхать*; имитирующие шорох, шелест, треск или хруст, издаваемые различными предметами; звуки шороха и шуршания, возникающие в результате трения сухих мелких предметов друг о друга: англ. *rustle*, нем. *rascheln* русс. *шелестеть*, *шуршать*.

Звукоподражательные глаголы нем. *klirren* англ. *rattle* «бряцать», «звенеть», «дребезжать», нем. *knarren*, англ. *creak*, нем. *scharren*, англ. *scrape*, *scratch*, нем. *schlurren* «шаркать ногами» и др., имитирующие диссонантные звучания, возникающие при трении или быстром соприкосновении предметов друг с другом также характеризуются одноактантной структурой.

Глаголы, имитирующие хриплые звучания, возникающие при работе некоторых механизмов, а также похожие на звуки, издаваемые животными и людьми, имеют также одноактантную структуру, например, многозначный звукоподражательный глагол нем. *schnarren*, англ. *rattle* «трещать (тж. о дятле)»; «жужжать», «картавить», «говорить резко (отрывисто)».

Звукоподражательные глаголы, передающие звуки, издаваемые мелкими птицами, а также похожее звучание голоса человека и урчащие звуки, обнаруживают, как правило, одноактантную структуру. В качестве актанта выступает субъект, издающий соответствующие звуки. Например: *Die Jungschwaben girren*; «Молодые ласточки воркуют».

Звукоподражательные глаголы, имитирующие звуки, издаваемые животными и человеком, могут быть одноактантными и двухактантными, в зависимости от контекста. Напр., гл. *raunen* «шептать», «журчать», может быть: а) одноактантным: *Der Bauch raunte*. «Ручей журчал». *Die Studenten raunten ganz leise*. «Студенты шептали совершенно тихо»; б) двухактантным: *Der Fluss raunte sein Lied*. «Река нашептывала свою песню».

Различные языки прибегают к разнообразным средствам для обозначения каждого актанта. В языках, использующих склонение, первый актант получает форму номинатива. Второй актант, как правило, стоит в аккузативе. В языках без склонения первый и второй актанты обычно не различаются. Приходится прибегать к фиксированной позиции актантов, а именно присвоить каждому из них постоянное место, с которым должна быть связана функция субъекта или объекта. Именно так обстоит дело в английском языке, где позиция перед глаголом – позиция субъекта, позиция после глагола предназначения для объекта.

Звукоподражательные глаголы переходной семантики обладают, как правило, двухактантной структурой, например: нем. *knipsen*, англ. *punch*, «щелкать», «компостировать», нем. *schlurfen* англ. *shuffle* «хлебать», «шаркать ногами», «шаркать туфлями» *schürfen* «задевать», «скрести», «царапать», *schlurren* «шаркать ногами», «шаркать туфлями» и др.

Звукоподражательных глаголов с двухактантной структурой гораздо меньше одноактантных. Последние наиболее характерны для немецкого языка: *munkeln* «перешёптываться»; *tuscheln* «шушукаться», «шепаться»; *dibbern*, *brummen* «бубнить» (*in den Bart brummen* «бубнить себе под нос»); *säuseln* «шелестеть (о листьях и т. п.)», «нашёптывать (сладким голосом)», «лепетать»; *raunen* «шептать», «нашёптывать»; *zischeln* «шептать (зло)», «шипеть», «шушукаться», *ins Ohr zischeln* «шептать на ухо».

Поскольку звукоподражательные глаголы в большинстве своем многозначны, то один и тот же глагол (в зависимости от того, в каком значении он употреблен) может обнаружить безактантную, одноактантную, двухактантную и даже трехактантную структуру. Если сопоставить актантную структуру предложения с семной структурой звукоподражательного глагола, то можно обнаружить такую закономерность: семная структура глагола задает актантную структуру предложения. Слово, попадая в различные контексты, взаимодействуя с другими словами, семантически обогащается, что, в свою очередь приводит к расширению его сочетательных возможностей.

Литература

1. Алиева С. А. Функционально-семантический анализ звукоподражательной лексики в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 1997.
2. Степанова М. Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. – М., 1978.
3. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М., 1988.

Алиева З.М.

О ЛЕКСИКЕ ЧАМАЛИНСКОГО ЯЗЫКА

(ИЯЛИ ДНЦ РАН, Махачкала)

Более половины из функционирующих на территории Дагестана языков относятся «к категории так называемых бесписьменных: на этих языках нет письменных памятников, нет печатного слова и литературных традиций, системы школьного обучения на родном языке и родному языку. Их язык – это средство локального, замкнутого, внутреннего общения: родная речь функционирует лишь на бытовом, разговорном уровне. Языки этих народностей – а их 18! – более всего, собственно, и нуждаются в общественном интересе и внимании, социальной, гуманитарной поддержке и заботе, бережном отношении, реальной охране и защите от угрозы исчезновения»¹.

Чамалинский язык – один из этих 18. Он входит в андийскую подгруппу аваро-андоцезской группы дагестанских ветви иберийско-кавказских языков, является бесписьменным и функционирует как бытовой. Имеет два диалекта: гакваринский, куда входят говоры селений Верхнее и Нижнее Гаквари, Агвали, Цумада, Ричаганих, Гадыри, Кванхи и гигатлинский одноаульный, который значительно отличается от остальных. При общении с другими народностями чамалинцы пользуются аварским и русским языками.

¹ См.: Гамзатов Г. Г. Лингвистическая планета Дагестан. Этноязыковой аспект освоения. М., 2005. С. 35.

Носители чамалинского языка занимают крайний запад Среднего Дагестана по склонам левобережья Андийского Койсу (в Цумадинском районе в 22 населенных пунктах) и юго-восточную часть Чеченской Республики по южному скату Андийского хребта в долине реки Кенхинка (в восьми населенных пунктах Шатоевского района). Чамалинцы проживают также в равнинной части Дагестана – в переселенческих селах и прикутаных хозяйствах Бабаюртовского, Кизилюртовского, Кизлярского, Хасавюртовского районов. Определенная часть носителей языка расселена по городам Дагестана и в других республиках. В условиях интенсивной миграции населения трудно установить точное число говорящих на чамалинском языке – можно лишь приблизительно подсчитать. Общее их число составляет примерно 12 тыс. человек.

Начало исследованию чамалинского языка было положено во второй половине XIX века. Первые материалы по чамалинскому языку сообщает Услар П. К. в своем письме к Шифнеру А. А. (1890: I2–2I), рассматривая его как наречие андийского языка (1890: I9). Эти материалы сводятся к перечислению числительных (I–II и названия десятков до сотни). Трудно сказать, по какому диалекту записывал числительные П. К. Услар, но по ряду особенностей, прежде всего, фонетических они напоминают собой числительные гигатлинского диалекта, хотя и значительно отличаются от них.

Более подробные материалы приведены в книге Эркерта Р. «Die Sprachen des Kaukasischen Stammes» («Языки кавказского корня») (Wien, 1895). Даны отдельные фразы (всего 55) по гигатлинскому диалекту чамалинского языка в сравнении с языками тиндинским и ботлихским. Но материал, приведенный Эркертом недостоверен и полон ошибок. Несовершенная и непоследовательная транскрипция делают факты языка совершенно неузнаваемыми. Бокарев А.А. отметил что, «при их неполноте и несистематичности, сводят научное значение его описания чамалинского языка на нет» (1949: 8).

Следующим шагом в изучении чамалинского языка явились материалы Дирра А. М., помещенные в его «Материалах для изучения языков и наречий андо-дидойской группы» (1909: 52–55). Они состоят из следующих разделов: классы, суффиксы множественного числа (от 8 слов), склонение существительных (по Р. Эркерту), изменение прилагательных по классам (4 слова), местоимения (личные, притяжательные, указательные, вопросительные), числительные: первый десяток, II, I2, I3, 20, 30, 40, 50, I00 и I000, неопределенные (много и мало), глагол «быть» (причем только по материалам Р. Эркерта) и II фраз. По сравнению с материалами по другим языкам чамалинский язык здесь освещен поверхностно. А.М. Дирр сам говорит об этом в своем предисловии: «К сожалению, мне не удалось обработать все языки одинаково; по чамалинскому, например, у меня гораздо меньше материалов, чем по другим...» (1909: I–II). Судить о характерных особенностях чамалинского языка, как в целом и андо-цезских языков, по «Материалам...» почти невозможно. При исключительной неполноте и одновременно при значительном количестве неточностей материалы А.М. Дирра могут представлять интерес только с точки зрения истории изучения языка.

Данные справочного характера о чамалинском языке помещены в книге Е.А. Бокарева «Краткие сведения о языках Дагестана» (1949: 4, 31).

Подлинно научное и систематическое исследование чамалинского языка начинается с конца 40-х годов XX века и связано с трудами А.А. Бокарёва, З.М. Магомедбековой, П.Т. Магомедовой и др. Развернувшаяся широкая и интенсивная работа дала значительные результаты не только с точки зрения описательного, но и историко-сравнительного изучения чамалинского языка.

Монография А.А. Бокарёва «Очерк грамматики чамалинского языка» (1949) является пока первым и единственным исследованием по чамалинскому языку, где относительно подробно рассмотрены вопросы фонетики и морфологии верхнегакваринского говора в сравнении с гигатлинским и гадириным говорами.

З.М. Магомедбекова является автором ряда статей, касающихся вопросов фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики чамалинского языка.

В последние десятилетия исследованием чамалинского языка весьма плодотворно занимается известный специалист по андийским языкам Магомедова П.Т. Ею опубликованы целый ряд статей по вопросам фонетики, морфологии и лексики чамалинского и других андийских языков. Составленный ею «Чамалинско-русский словарь» вышел в свет в 1999 г.

Словари и текстовые материалы, включенные в вышеперечисленные работы, – это самые ранние материалы по чамалинскому языку, где приводятся общие сведения о лексических, фонетических и морфологических особенностях языка. Всестороннее и углубленное научное изучение чамалинского языка началось лишь в советскую эпоху, во второй половине XX-го столетия. В опубликованных исследованиях, научных статьях, а также специальных лексикологических исследованиях вопросы лексики и словообразования аварского языка в той или иной мере нашли свое освещение.

Основные пласты чамалинской лексики

Лексика чамалинского языка, как и всякого другого, по своему составу, семантике, словообразованию и фразеологии богата и интересна. В ее формировании значительную роль сыграли внутренние и внешние факторы, родственные и неродственные языки.

Наукой доказано родство чамалинского языка с другими языками аваро-андо-цезской группы. Частично выявлен общедагестанский лексический фонд, установлены основные звукосоответствия между родственными языками, сделана попытка реконструкции фонетической системы общедагестанского праязыка².

Каждый из дагестанских языков, как в отношении грамматического строя, так и в плане становления лексического состава, после распада праязыка прошел сложный путь развития. Сравнительно-сопоставительный анализ лексических единиц и морфологического инвентаря позволяет выделить эпоху аваро-андо-цезской общности языков. Обособление языков андийской и цезской подгрупп и аварского языка с его многочисленными диалектами и говорами, т.е. их дифференциация является результатом распада одной более или менее однородной языковой единицы. Словарный состав каждой группы языков (аварской, андийской и цезской), являясь в основе своей более или менее однородным, в дальнейшем претерпел значительные изменения. Языки андийской подгруппы сохранили больше сходства с аварским, нежели цезские, которое более наглядно прослеживается на материалах диалектов аварского языка, чем литературного.

В словарном составе современного чамалинского языка можно выделить три пласта:

1) слова, общие для аваро-андо-цезской группы языков, составляющие словарный фонд языка-основы;

2) исконно чамалинские слова;

3) заимствованные слова.

Можно также выделить общий словарный фонд языков андийской подгруппы. Слова, входящие в аваро-андийский лексический фонд, составляют наиболее древний пласт словаря. К ним относятся слова, обозначающие названия частей тела, домашних животных, птиц, слова, выражающие родственные отношения, названия болезней, утвари и др. Слова общего корня претерпели значительные фонетические изменения. Например:

«ноготь» – чам. лъум, лъв^нй, авар. малъ, (диал. малгъ, махъ', мат, маш), анд. мулъа, карат. мулъу, ахв. милЮ, багв. милгъв, нигъв, мулъ, тинд. милъу и годоб. лъумул;

«бык» – чам. муса, авар. оц (диал. ос, оч), ботл. унса, анд. унсо, унцо, карат. унса, у^нса, ахв. унча, багв. муса, унса, тинд. муса, годоб. унса.

Довольно много слов, составляющих собственно чамалинский лексический фонд, т.е. характерных для чамалинского языка и его диалектов и не представленных в языках андийской подгруппы. Это такие слова, как: «грудинка» гъалв, «губа» кочул/кучул, «кровь» ээ, «затылок» гъодул, «локоть» сІсІиква^н, «мочевой пузырь» чІикъ, «чуб» кЮжул/кІужул, «нога»

² Бокарев Е.А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961;

гъаб, кваша, ква^{НсТМ}а, къеч^{ІуН}, рат^{Іал}, сарв, «палец» бехдабус, бурнаб, лъец^{Іил}, царак^{Іуни}, цернаб и др. Для приведенных наименований частей тела в андийских языках выступают другие основы. Аналогичных корней довольно много.

Общедагестанская лексика

Внутригрупповое генетическое родство дагестанских языков в настоящее время ни у кого не вызывает сомнения. Установлены основные звуковые соответствия между гласными и согласными, сделана попытка анализа основных элементов в составе именных и глагольных основ, выявлено много общего в их грамматической структуре.

«Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков»³ – первый опыт фронтального исследования лексики дагестанских языков в сравнительно-историческом плане, в котором сделана попытка установить родство дагестанских языков на лексическом материале. Лингвистическому анализу подвергнута лексика всех дагестанских (в том числе и бесписьменных) языков в пределах основного словарного фонда. Анализирована только исконная общедагестанская лексика. Каждая лексическая единица подвергнута фонетико-морфологическому анализу.

Выделен исконный единый лексический фонд дагестанских языков, который укладывается в рамки закономерных звуковых соответствий. Это общекорневые лексемы, в которых представлен общедагестанский корневой элемент. К ним относятся слова, имеющие жизненно важное значение: названия животных, растений, частей тела, термины родственных отношений, названий пищи и пищевых продуктов, орудий труда, домостроений и утвари, названия болезней, явлений природы. Общими для дагестанских языков являются слова, связанные с такими понятиями, как: огонь, солнце, отражающие отдельные цвета, качества, счет, действия, состояния, некоторые местоимения, наречия.

Функционирование, взаимодействие и сфера употребления словарных единиц

Словарный состав чамалинского языка можно характеризовать многосторонне – с точки зрения сферы употребления, активного или пассивного запаса, экспрессивно-стилистической лексики и т.д.

С точки зрения сферы употребления, как и в других языках, в словарном составе чамалинского языка выделяется два пласта лексики – общенародная и диалектно-профессиональная лексика.

Общенародная лексика. Это словарный фонд, употребляемый всеми носителями языка. Общенародная лексика является основной и важной частью всего словарного состава чамалинского языка. Она знакома и понятна, употребляема всеми носителями языка. Сюда входят слова, обозначающие самые необходимые понятия и реалии окружающей действительности, слова, необходимые для выражения мысли. Без этих слов немислим язык и невозможно общение.

На основе общенародной лексики происходит дальнейшее развитие и усовершенствование языка. Следует отметить, что общенародный лексический фонд является и наиболее устойчивой частью всей лексики.

К общенародной лексике относятся слова, обозначающие человека, животных, их части тела, некоторые явления природы, названия строений, домашней утвари, пищи, пищевых продуктов и др.

Диалектно-профессиональная лексика. Диалектно-профессиональная лексика употребляется определенными группами носителей языка. К этой группе лексики принято относить диалектизмы, профессионализмы и арготизмы.

Диалектная лексика. Диалектизмы – это слова речи жителей определенной территории. Они не входят в чамалинский (общий или собственно чамалинский) язык, отличаются от общепринятых форм рядом особенностей – семантикой, звучанием, словообразовательной структурой.

³ Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971.

Диалектная лексика является одним из источников пополнения, обогащения языка. Диалектизмы проникают в язык через разговорную речь.

Профессионализмы.

Профессионализмы характерны для речи определенного коллектива, занимающегося той или иной деятельностью. Речь людей определенной профессии отличается наличием слов, употребляемых только ими и не являющихся достоянием всего общенародного языка. Это термины, связанные с определенными видами сельскохозяйственного труда (земледелием, животноводством, садоводством), с различными специальностями и профессиями (медициной, строительством, ковроткачеством, выделкой и обработкой кожи, ювелирным ремеслом и др.), с вероисповеданием и религиозными обрядами и т.д. Это наиболее подверженный изменениям пласт лексики языка, т.к. с изменением социально-бытового уклада жизни носителей языка большое количество профессионализмов устаревает, выходит из употребления, переходит к архаической лексике. С другой стороны, существенные изменения претерпела профессиональная лексика, обогатившись за счет заимствований. Появление интеллигенции, специалистов различных отраслей народного хозяйства, представителей культуры, искусства, науки вызвало обогащение языка специальной, профессиональной лексикой. Появилась научно-техническая, общественно-политическая, медицинская, педагогическая, сельскохозяйственная и др. терминология, заимствованная из русского языка.

Арготизмы

К арготизмам относятся эмоционально окрашенные слова, обозначающие параллельно уже имеющиеся в языке наименования. Они являются эмоционально-экспрессивными синонимами, обозначающими различные явления действительности. К ним относятся такие слова, как *ссин*|ла «выиграть у кого-л.» (букв. «скубить»), *йахх*|ла «выпить» (букв. «бросить»), *беч*|*луха* «недалекий, туповатый человек» («скотина») и др.

По степени употребляемости в лексике чамалинского языка выделяется активный и пассивный словарный запас.

Активный словарный запас

К активному словарному запасу относится лексика, широко и повседневно употребляемая носителями языка. Сюда не входят устаревшие слова и неологизмы, имеющие относительно ограниченное употребление в языке. Активный словарный запас постоянно пополняется и совершенствуется за счет неологизмов, которые во многих случаях постепенно теряют отпечаток новизны, становятся повседневно употребляемыми единицами языка. Так, активный запас лексики чамалинского языка увеличился за счет большого количества заимствованных слов из русского языка посредством аварского.

Пассивный словарный запас

Пассивный словарный запас составляют слова с оттенком новизны, необычности, которые не успели еще войти в активный словарь, или же устаревшие, малоупотребительные, которые вышли из активного употребления.

Устаревшие слова (или архаизмы)

К устаревшим словам относятся такие, которые в силу определенных причин стали малоупотребительными или же вытеснены новыми словами. Выходят из активного употребления предметы, орудия, исчезают понятия, социальные явления и вместе с ними уходят в область архаизмов их обозначения. Напр.: *тегала* «вид женской верхней одежды», *кIа^hсса* «головной убор», *бийаца* «соха», *щайтIа^hчирахъ* «лучина» и др.

Историзмы перешли в пассивный словарь в связи с исчезновением обозначаемых ими различных реалий и понятий. К ним относятся такие слова, как *имам* «духовный глава мусульман», *магъал* «оброк, налоговый сбор», *нуцал*, *хан*, *бек*, *наиб* и др.

Неологизмы – новые, вновь образованные или заимствованные слова языка, которые еще не вошли в активный словарный запас. Подавляющее большинство русских слов, заимствованных чамалинским языком в различные периоды, первоначально составляло неологическую лексику, которая еще не вошла в активный словарный запас языка. По мере освоения

языком и частого употребления в повседневной жизни эти слова перестают быть неологизмами и переходят в активный словарь.

Литература

1. *Гамзатов Г. Г.* Лингвистическая планета Дагестан. Этноязыковой аспект освоения. М., 2005. С. 35.
2. *Бокарев Е.А.* Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.
3. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971.
4. *Бокарев А. А.* Очерк грамматики чамалинского языка.– М.; Л.; Изд-во АН СССР, 1949.
5. *Дирр А. М.* Материалы для изучения языков и наречий андо-дидойской группы// СМОМПК.– Тифлис, 1909.
6. *Магомедова П. Т.* Чамалинско-русский словарь.– Махачкала, 1999.
7. *Услар П. К.* Этнография Кавказа. Языкознание, IV. Лакский язык.– Тифлис, 1890.
8. *Эркерт Р.* Кавказ и его народы.– Вена, 1895.
9. *Е.А. Бокарев.* Краткие сведения о языках Дагестана. М., 1949.

Алисултанова М.А.

ПРОКЛЯТИЯ И БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ АНДИЙЦЕВ

(с. Анди, Дагестан)

Представляющие языковой узуз, демонстрирующие стереотипы национального языкового сознания единицы и конструкции (конвенциональные метафоры, сравнения, перифразы; фразеологизмы и близкие к ним явления – пословицы, поговорки, благопожелания и проклятия, достаточно широко употребляющиеся в андийской речи) представляют богатый источник, демонстрирующий специфику языкового сознания и национального менталитета андийцев. В наибольшей степени сказанное выше относится к форме существования национального языка, где лексика и фразеология традиционной народной духовной и материальной культуры, значительная часть которой носит этнографический характер, в наиболее адекватной форме отражает формы быта и самосознания народа.

Особое место в фольклорном творчестве народа наряду с другими жанрами занимают проклятия и благопожелания народа. Это и понятно, так как этот жанр находит свое выражение в минуты высокого душевного напряжения, на гребне высоких эмоциональных переживаний как позитивных, так и негативных.

С этим жанром в этом отношении можно сравнить разве что плачи, которые находят выражение в моменты душевного переживания и напряжения, вызванные скорбью и отчаянием.

Именно в такие моменты не возникает потребность в подборе подходящих слов, здесь каждое слово в буквальном смысле вырывается из глубины души и самопроизвольно. В этом смысле благопожелания и проклятия близки по духу к плачам и созвучны им.

Громадная часть языкового словаря посвящена человеку — «его внутреннему миру, восприятию внешнего мира, физической и интеллектуальной деятельности, его целям, отношениям с другими людьми, общению с ними, оценкам событий, положений и обстоятельств» [Апресян 1995: 350].

Этническая культура обладает специфическим для каждого этноса своеобразием, причём её традиционные нормы, проявляющиеся наиболее ярко в быту, существуют в форме

стереотипов восприятия, чувствования и поведения, элементы которого обнаруживаются в речевой деятельности.

Традиционные «малые» речевые жанры призваны выполнять функцию так называемых сопутствующих текстов, включаемых в качестве вербального компонента в состав ритуальной практики [Виноградова 1988:277], причём принадлежат они одновременно трём смежным дисциплинам: лингвистике, фольклористике и этнографии. Формулы угроз, проклятий, пожеланий и заклинаний рассматриваются этими дисциплинами как традиционно воспроизводимые факты речевого поведения.

В первичном виде проклятие *хьо* – это краткая словесная формула, это предложение с побудительной целеустановкой, в котором сжато и афористично передано грозное пожелание.

«Проклятие – в традиции словесный ритуал, имеющий целью нанести урон определенному адресату (в противовес благопожеланию)» - считает И.А.Седакова [Седакова 2000: 12]. По народным поверьям, проклятие распространяется на семь поколений. Результатом проклятия считаются трагические события в жизни, невозможность вступить в брак, бесплодие, рождение в семье уродов, смерть младенцев, болезни и пр.

Наличие в андийском языке большого числа формул, выражающих различные проклятия, как нам кажется, объясняется тяжелыми условиями, в которых жили андийцы раньше. Самый незначительный ущерб, нанесенный небольшому хозяйству горца, приводил последнего в отчаяние, и в адрес виновника извергались фонтаны проклятий, в магическую силу которых люди верили. В проклятиях обычно призывали небесные силы или силы природы нанести ущерб кому-нибудь или чему-нибудь. Сравним,

Мен цлаци цлато - «Гори синим пламенем»;

Мен боцлуди ккквабдо – «Чтоб ты достался волку (о животном)»;

Дуб льинльинльий наана бигьгьо - «Чтоб каждый твой волос был проклят»;

Дуб зуряти бекъу – «Будь проклят весь твой род»;

Мен моквола вучло – «Чтоб ты с голоду помер».

Анализ основных проклятий и заклинаний андийского языка позволил выявить основные формулы (схемы) построения *хьо*. Обязательными языковыми компонентами структуры такого типа проклятий являются: «тебя-чтоб + обозначение насылаемой злой силы + глагол, обозначающий ее воздействие на адресата»:

Дуб милки щекибол ягьур бекку – «Чтоб в твоём доме птицы строили гнезда и выводили птенцов»

Дучлу шубла цеклурдул йоцли – «Пусть на твоей могиле козлята пасутся»;

Мен машинуди ккквабдо – «Чтоб тебя машина сбила»;

Мен тушманадади пана игьо – «Чтоб тебя враги растерзали»;

Мен льльенди вулон – «Чтоб тебя течением унесло»;

Дув има гьеклуди ккквабдо – «Чтоб отца твоего убили чужаки»;

Дуб лабурдочлу клол буххи – «Пусть грудь твоя продырявится»;

Дучлу гьинклуссуб гулла рахо – «Чтоб тебя сразила беспощадная пуля»;

Мен гуллиди вожо – «Чтобы тебя пуля сразила».

«Чтобы ты (он) + глагол (*погиб, пропал, разорился или остался одиноким*)». Ср.: *Мен ила-има тигу вокку* – «Чтобы ты осиротел (ребенку)»;

Мен гьгьоргугу бичло – «Чтоб ты сдох (о животном)»;

Жив жьужьагья вусон – «Чтоб он оказался в аду»;

Дубул регьибол гьурунно – «Чтоб твои ноги отсохли» и др.

Некоторые проклятия и заклинания имеют семантику направленности на поражение имущества и состояния адресата. Ср., *мен речлугу цлул хьурдду вугьгьво* – «Чтобы ты с одним посохом вернулся – без овец (чабану)»; *Дуб маишатилла цла рикво* – «Чтоб все твоё имущество сгорело»; *Дур имур гьякью цлато* – «Пусть сгорит твой отчий дом».

В андийских формулах пожелания смерти (или болезни, несчастья адресату) иногда смерть желается иносказательно, метафорично и описательно; ср.:

Дуб хъургъанади гынно гвалулади рокъолло богъгъо – «Чтоб твою кровь в кувшине принесли, а кости - в мешке»;

Мен тушманадаб хъанжаруди пана игъо – «Пусть в тебя запускают вражеский кинжал»;

Дур гъакъулли гынцццлу йокъон – «Чтоб двери твоего дома навсегда остались закрытыми»;

Дуб умуру балинцобахъи булон – «Чтоб вся твоя жизнь на больничной койке прошла»;

Мен реблли квордоло бехъоссу – «Чтоб ты на весеннюю траву не вышла (о корове)»;

Дуб агъуллала гыну шанжа дан беккуссу – «Чтоб в твоём роду не осталось живой души»;

Мен йиломлълъукку яччуннидду йигъгъо – «Чтоб ты на носилках вернулась»;

Дубул рокъол гъонхъиссол хводади бочло – «Чтоб твои кости дворовые собаки подобрали»;

Дубул гъаркъобил бакъо – «Чтобы тебе пришлось кос лишиться (по погибшим братьям или отцу)»;

Мен вулли ибгъибгъгъвалодду гъуялила екку – «Чтобы ты всю жизнь оплакивала умерших»;

Дуб даммиб галило тиххиб релало гыллалли бисон – «Пусть каждый твой шаг, каждое движение руки будет неудачным»;

Дуб ситла чабди – «Пусть жизнь твоя закончится при родах»;

Жив гъугуло ххунтил еццолъир вусон – «Пусть он на том свете пасет свиней»;

Мен вохуда вугъгъиду къвотли бисонссу – «Пусть не суждено будет тебе вернуться домой»;

Дуб умурулло кванор рергъанолли зубу ригъгъоссу – «Пусть в твоей жизни не будет светлого и радостного дня»;

Дуб муцццлу букъво – «Чтобы ты на всю жизнь остался прикован к постели».

Специфика проклятий налицо: краткость, нераспространенность, образность, идейно-смысловая значимость, яркость, поэтичность языка и образов. Проклятия оформлены в андийском языке в восклицательные предложения, глагол в них стоит в повелительном наклонении.

Благопожелание - текст, содержащий пожелание добра, и ритуал его произнесения. Благопожелание регламентирует и взаимоотношения между людьми, и контакты человека со сверхъестественными силами, способными обеспечить его благополучие.

Рассмотрим некоторые наиболее употребительные андийские пожелания.

1. Беременной женщине желают: *Дурогу гылубло игъидду хвоссарлъидо, воккудя вошо гъгъоцидду ергъандо* – «пусть родится желанный ребенок, пусть родится желанный сын» ». Тем, у кого родился ребенок (прежде всего – мальчик), адресуют одно из пожеланий типа: *рергъан-роххелулли вусондо* - «радости от рождения желанного сына желаю»; *Гъеклуло вушаб ишу вугъам* - «побеждающий чужих, побеждаемый дома»; *Ишу лъуна рейла къваку* «трус дома, храбрец на улице»; *Ила-има реккуду вуцццолъодо* - «чтоб растили и воспитывали родители»; *Талигъилжа вулъгъидо* - «чтоб счастливым был»; *Вохуду севуллоло валиб вусондо* - «чтоб рождались братья и сестры»; *Вугъгъудду воккудду воргъандо* - «чтоб рос на радость родителям»; *Вошо гъокъугу вугъгъудо* – «пусть сын доживет до седьмого поколения»; *Ила-има реккудду вуцццолла вусондо* – «родителям здоровья желаю, чтобы растить сына», *иман-адилулогусси вулгъидо* «чтоб с иманом был», *талигъилжа вулгъидо* «пусть баракат принесет» и др.

2. Уходящему в дорогу или уже ушедшему в путь говорят: *Микъи битилгъи* – «счастливого пути»; *Гъонношув вугъгъоводо* – «счастливого возвращения»; *Рейлассол гъонношувул вогъгъодо* – «счастливого возвращения тем, кто находится за пределами села» и др.

3. На похоронах родственникам покойного говорят: *Жив алжана вусон* – «пусть он окажется в раю (об умершем)»; *Вошулуди шудила йикълвольодо* – «чтоб тебя собственные сыновья похоронили».

4. Пожелания удачи и добра во всех начинаниях: *Икълбал игьо* – «удачи вам»; *Барка-иблъльиво бади игьодо* – «удачливой встречи вам»; *Игьирсси гьади беллидо* – «желаю удачи в делах»; *Рокълволла ильирохъйба муради тлобаннидо* – «пусть исполнится все задуманное»; *Тиххидду гьагъгьоссудо, буллидду гьагъгьодо* – «пусть вы не увидите начала работы, желаю увидеть успешный конец (перед началом сложной работы)» и др.

5. Пожелание, которое направлено молодоженам: *Талигьи иччодо* – «счастья желаю»; *Умуру бисондо* – «долгой жизни желаю»; *Сонсола вохорол льидо* – «пусть старость встретят вместе»; *Рергъан-роххелула умуру булондо* – «пусть жизнь пройдет в радости»; *Роххелуллиссугу хабар анльиссудо* – «пусть доносятся только радостные вести»; *Дуб умурулла барка бикълво* – «чтоб твоя жизнь была полна благодатью» и др.

6. В противоположность проклятиям в благопожеланиях могут желать достаток, материальное благополучие, баракат: *Хорол йигьолльидо* – «пусть овцы приумножатся (чабану, который пасет овец)»; *Гьалал архоссудо* – «пусть нажитое честным трудом непременно вернется к тебе (пожелание человеку, который потерял что-то ценное)» и др.

Часто благопожелания апеллируют к высшим божественным силам. Прежде всего это пожелания покровительства и благорасположения Бога, а также призыв и ожидание помощи от божеств языческого пантеона, с течением времени подвергшихся исламизации. Это своего рода благопожелания - молитвы, произносимые с соответствующим чувством и интонацией.

Мало кто не согласится с тем, что люди, искренне верящие, создают себе особенную защиту. Народная словесность: молитвы, песни, предания, клятвы, благопожелания, пропущенные через умы и чувства множества поколений андийского этноса и каждодневно присутствующие в их духовной жизни, перестают быть только словом.

Для проклятий характерно обращение к тем же явлениям и образам, что и в благопожеланиях, но контрастным, антонимичным. Семантика проклятия, как правило, выражает отрицательно маркированный член бинарных оппозиций: черный - белый, несчастливый - счастливый, мертвый - живой, больной - здоровый, бедный - богатый, призванных здесь ассоциироваться с вызываемыми ими психологическими ощущениями: «Пусть черный день настигнет тебя!» «Пусть кровавый дождь прольется на твою голову!».

В андийских проклятиях и благопожеланиях ощущается стремление воздействовать на мир не прямо, а через посредство всевышних сил. Другое дело, что народ в массе своей уже давно не придает им такого значения. Следует, наконец, заметить, что у андийцев набор ситуаций, в которых этикет предписывает актуализацию соответствующих формул либо проклятий, либо благопожеланий, почти тот же, что у других соседних дагестанских народов, особенно у аварцев, хотя есть некоторые расхождения.

Литература

Агларов М. Андийцы. Махачкала, 2002.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995.

Виноградова Л.Н. Отражение древнеславянских мифологических представлений в «малых» формах фольклорных стереотипов // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1988.

Урысон Е.В. Некоторые проблемы описания эмоциональной лексики. // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы: / Под общ. ред. К.Р.Галиуллина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004.

Старостин С.А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде/Древняя Анатолия. М., 1985.

Л.Г.Алиханова

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКОМ (КОМПОНЕНТНОМ) СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРОСТРАНСТВА
В АВАРСКОМ ЯЗЫКЕ
(ДГУ, Махачкала)

Как известно, лексические компоненты фразеологических единиц участвуют в формировании фразеологических образов. Компонентный состав фразеологизмов служит мотивационной базой внутренних образов.

Задачей настоящей статьи является характеристика лексического (компонентного) состава фразеологических единиц аварского языка со значением пространства и определение роли этих компонентов в формировании фразеологических образов.

Анализ материала с этой точки зрения показывает, что в составе характеризующихся фразеологических единиц используются слова разных семантических групп, но прежде всего – это слова, обозначающие место, пространство: *бакI* «место», *кIал* «край, берег», *майдан* «площадь», *рукъ* «дом» и т.д.

Например: *дунялалъул рагIалда* «очень далеко, у черта на куличках» (букв. «на краю света»), *Алазан рагIалда* «очень далеко, на краю света» (букв. «на берегу реки Алазан»: название левого притока Куры в Закавказье использовано для обозначения идеи отдаленности), *анкъ ракъалда гъоркъ* «вдалеке, за тридевять земель» (букв. «в глубине семи земель»), *анкъ рекъараб бакI* «райский уголок, место, хорошее и удобное во всех отношениях» (букв. «место семи радостей»), *ахIул кIалалда вукIине* «быть впереди, в авангардной позиции» (букв. «быть на переднем крае призыва»), *гIараси майдан* «место светопреставления» «майдан «площадь»), *дунялалъул рукъ* «жизнь» (букв. «дом жизни/вселенной»), *тIарадаса ахаде цъезегIан* 1. «от корки до корки», 2. «вдоль и поперек» (букв. «сверху донизу») и т.д.

В русском языке аналогичный по значению фразеологизм *вдоль и поперек* означает «повсюду, в разных направлениях; основательно, во всей полноте» (исписать, загромоздить, изучить, знать): в данном случае имеется в виду, что какое-либо лицо в силу приобретенного им жизненного опыта или в результате умственных усилий может очень хорошо ориентироваться в каком-нибудь деле, разбираться в конкретной ситуации, хорошо понимает, что представляет собой характеризующие им предмет (в широком смысле слова) или другое лицо. В этом фразеологическом образе отражена способность человека познавать и осваивать окружающий мир в мельчайших подробностях, осуществляя физическую или умственную деятельность. И.В.Захарченко отмечает, что такая способность человека в данном фразеологическом образе метафорически уподобляется способу усвоения пространства по метрически противоположным координатам длины (*вдоль*) и ширины (*поперек*) [БФСРЯ 2006: 107].

В аварском же языке метрическая противоположность не отражена, значение предельности (=полностью, в подробностях знать или изучить что-либо) выражается понятиями *верх* (*тIарада*) и *низ* (*ахада*), т.е. координатами длины.

Средствами фразеологических единиц актуализируется обозримое или необозримое расстояние, что служит основанием для употребления в таких ФЕ слова *бер* «глаз» или слова *манзил* «пространство»: *балагъун бер щоларев* «необозримое пространство» (букв. «посмотрев глаз не доходящий»), *цо кIанцIул манзилалъ* «в двух шагах, рукой подать» (букв. «на расстоянии одного прыжка») и др.

Характерно символическое употребление слова *анкъ* «семь»: *анкъ ракъалда гъоркъ* «очень далеко, в труднодоступном месте» (букв. «под семью землями-мирами»), *анкъабго меглер бегизе* «убежать/уйти за тридевять земель» (букв. «пройти через семь гор»), *анкъ рекъараб бакI* «райский уголок» (букв. «место семи радостей») и др.

Слово *семь* символически используется и в русском языке. Числовая символика характерна для фразеологических единиц и текстов фольклорных жанров: *семи пядей во лбу* «необыкновенно умный, талантливый, выдающихся умственных способностей» (совокупность семи пядей, как отмечается в Большом фразеологическом словаре русского языка [БФСРЯ 2006:629], соотносится с пространственным кодом культуры), *семь пятниц на неделе* «очень часто и непредвиденно меняются планы, настроения», *за тридевять земель* «очень далеко», *за семью печатями* (быть, оставаться) «недоступно пониманию, разумению», *за <под> семью замками* «под строжайшим присмотром или охраной, в надежном укрытии». Все эти образы соотносятся с метрическим кодом культуры, с совокупностью имен, обозначающих числа, производимые с их помощью измерения, специфические для них характеристики, которые выступают как источник осмысления человеком мира и содержат символические числовые мифологемы [БФСРЯ 2006:205], в том числе мифологему *семь*.

В связи с этим И.В.Захарченко отмечает, что мифологема *семь* в русском языке является устойчиво воспроизводимым фрагментом мифологически окультуренного освоения мира, запечатленным в мифопоэтических текстах с мифопоэтическими представлениями о нем. Более того, числу *семь* придается сакральное значение у многих народов, характеризуя общую идею Вселенной (ср. в аварском *анкъ ракъалда гъоркъ* «под семью мирами»), константу в описании мирового дерева, полный состав пантеона, число сказочных братьев, число дней недели, количество цветов спектра и т.д. [см. об этом: БФСРЯ 2006:206].

Практически все такого типа русские и аварские фразеологические единицы содержат усилительный коннотативно-смысловой компонент «очень» (очень далеко, очень надежно, очень часто и т.д.).

В аварском языке имеют место и отдельные фразеологические единицы, когда выражается значение места и времени (в этом случае создается синкретичное значение): *гIумрудул рагъу* «ворота жизни, на пороге новой жизни». Основание для этого имеется: один компонент *рагъу* «ворота» соотносится с пространственным кодом культуры, а другой – *гIумру* «жизнь» символизирует время.

Литература:

1. *Большой фразеологический словарь русского языка* /Отв. редактор – В.Н.Телия. – М., 2006.
2. *Магомедханов М.М.* Аварско-русский фразеологический словарь. – М., 1993.
3. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М., 2004.

Л.Г.Алиханова

ЧИСЛОВАЯ СИМВОЛИКА

В АВАРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ

Числовая символика характерна для разных языков мира. Она отражена в произведениях устного народного творчества, в паремиологических и фразеологических единицах, являющихся достаточно яркими микрофрагментами языковой картины мира.

Говоря о символе как стереотипизированном явлении культуры, А.А.Маслова отмечает: «Человек живет не просто в физической среде, он живет в символической вселенной. Мир смыслов, в котором он жил на заре своей истории, задавался ритуалами. Ритуальные действия выступали как символы, знание которых определяло уровень овладения культурой

и социальную значимость личности» [Маслова 2006:95]. Сказанное В.А.Масловой позволяет отметить, что символ являются продуктом человеческого сознания.

Достаточно распространен в разных языках мира символический образ числа *семь* в качестве фрагмента мифологически окультуренного осознания мира. В связи с этим И.В.Захаренко отмечает, что числу *семь* у многих народов мира «приписывается сакральное значение, так как это число характеризует общую идею Вселенной [цитируется по БФСРЯ 2006:207]. Отмечается также, что семиричный ряд играет большую роль и в Библии.

Религиозные представления людей о существовании семи миров отражены и в фразеологизмах аварского языка *анкъ ракъалда гъоркъ* 1. «вдалеке, очень далеко» (ср. в рус. *за тридевять земель*), 2. «о чем-либо, трудно доступном, глубоко запрятанном», *анкъ зобалазда* «быть в очень радостном, счастливом состоянии» (ср. в рус. *на седьмом небе* «совершенно, безгранично счастлив, в состоянии блаженства», где компонент *седьмой* соотносится с пространственным и числовым кодами культуры, указывающими на древнейшее представление о членении пространства [БФСРЯ 2006:432]).

Число *семь*, как отмечается в литературе, в мифологии многих народов – число (символ) совершенства. Так, например, согласно Корану, Аллах сотворил «семь небес рядами», и по мусульманскому преданию, именно на седьмом небе находится рай (ср. ФЕ *анкъабилеб зодиб вуклине* «быть на седьмом небе, чувствовать себя счастливым», букв. «на седьмом небе быть»). Идея блаженства, полного благополучия, например, отражена и во фразеологическом образе аварского языка *анкъабго рекъараб бакI* «райский уголок, место семи радостей».

Иногда идея полного благополучия используется в художественной речи в иронической форме для обозначения отсутствия благополучия, невезения: так, фразеологизм *анкъабго рекъезе* «быть в полном благополучии» в произведении М.Сулиманова «Апараг» использован следующим образом: *Анкъабго рекъезе къурун дидаса Доехун юссана чохьол эбелги* «И в довершение ко всему прочему [плохому] (букв. «чтобы все семь [сторон благополучия] были в согласии») мать родная отвернулась от меня».

Числовая символика «семь» используется в аварском языке в составе и фразеологических, и паремиологических единиц. Часть из них связана с обозначением пространства и времени: *анкъ гIанаб сордо* «ночь длиною в неделю» (очень длинная ночь), *анкъ араб лъалелде, лъагIел унеб* «не почувствуешь, что прошла неделя (букв. «семь»), как проходит год», *анкъица гIалалъуналдаса цо къояль бартилъун лъикIаб* «чем семь дней (неделю) кобылой быть, лучше один день жеребцом быть») и др.

Достаточно продуктивно в паремиологических единицах употребляется слово *кIуго* «два». Обычно данное число указывает на альтернативу, на возможность выбора между двумя ситуациями: *КIуго харил квацIиялдаса кинаб тIаса бицилебали лъачIого, хIама бакъуца хварабила* «Не зная, какую из двух охапок сена выбрать, осел от голода сдох». *КIуго балагъ тIаде ккани, бигъаяб тIаса бице* «Если навалятся две беды, легкую выбери». *КIуго бутIа царае, цо – гIаккIие* «Две доли для лисы, одна – для зайца». *КIуго чIужу – кIуго тушман* «Две жены – два врага».

В отдельных паремиологических единицах слово *кIицIул* «дважды» символизирует то, что дважды по логическим соображениям в реальной действительности не может быть: *КIицIул как ахIуларо* «Дважды к молитве не призывают». *КIицIул чи холаро* «Дважды человек не умирает». *Цо кодоб кIуго хъарбуз кколаро* «В одной руке два арбуза не держат».

Слово *кIуго* «два» используется и в составе фразеологических единиц. В одних случаях, оно символизирует полное тождество, подобие, в других же случаях называет то, что дважды не может произойти в силу отсутствия в этом логики (символизируемыми смыслами при этом могут быть «это логично» - «это не логично»): ср. *кIуго лъел къатIра гIадин* «как две капли воды» (похожи), *кIуго гъумер бугев* «лицемер, двуличный человек» (букв. «два лица имеющий»), *кIуцIаркъелаб мацI* «сплетник, человек с длинным языком» (букв. «дву-жильный [раздвоенный] язык») и др.

Временная семантика реализуется при употреблении числа *нусго* «сто» в паремиологических единицах, когда данная степень количественной семантики противопоставляется тому незначительному количеству, которое выражено словом *цо* «один»: *Нусго сональ гланкДульуналдаса цо кьояль бартилъун лъиклаб* «Чем сто лет быть курицей, лучше один день быть петухом». Противопоставление *нусго* – *цо* «сто – один» характерно и для других паремиологических единиц, не связанных с временной семантикой: *Нусгоялда гоьркьой цо гурого чЛужуги ятуларей* «Среди ста [женщин] только одну жену [в качестве жены] находишь». *Нусго гьудуласул хайиралдаса цо тушманасул зарар кДудияб* «Чем польза от ста друзей, больше вреда от одного врага». *Цо рагДу гДоларесе нусгоги гДоларей* «Для того, кому одного слова недостаточно, и ста мало».

Аналогичное противопоставление усилительного характера имеет место и в случае символизированной числовой оппозиции *азарго* – *цо* «тысяча – один»: *Азаргояс гьабураб цояс биххулеб* «То, что сделано [создано] тысячами [людей], разрушает один [человек]». *Азарого галул нух цо галудальун байбихьулеб* «Расстояние в тысячу шагов начинается с одного шага». *Азарго оц бугев цо рельтъмаххалде ккаравила* «[И] имеющий тысячу быков в лемехе нуждается». *Азаргоги гДемер, нусгого дагь* «Там, где одного много, и тысячи мало». *Азарго льимер бугониги, цоябги хвезе бокьуларей* «Хоть тысячу детей имеешь, и одного [чтобы умер] жалко».

Употреблением числа *азарго* «тысяча» в фразеологических и паремиологических единицах достигается максимализация временной семантики, следовательно, данное число символизирует длительность во времени и пространстве: *азарго соназ* «испокон веков, издавна, длительное время» (букв. «тысячами лет»), *азарго кьоги дагьабила лъиклаб лъазе, цо кьоги гДемерабилла квешалда ругьунлъизе* «и тысячи дней мало, чтобы познать хорошее, и одного дня много, чтобы научиться плохому». Как видно из приведенных примеров, в синтагматике слов *азарго* «тысяча» и *цо* «один» при реализации временной семантики употребляются существительные с темпоральной семантикой: *кьо* «день», *сон* «год». Сочетаемость со словами нетемпоральной семантики приводит к реализации других фразеологических и паремиологических образов со смысловым компонентом «очень много»: ср. *азарго баркала* «выражение глубокой признательности; ср. в рус. «весьма признателен» (букв. «тысяча благодарностей»), *азарго нухаль абизе* «внушать много раз» (букв. «тысячу раз сказать»).

Выше отмечалось, что число *семь* в разных языках, в том числе в русском, выражает значение совершенства [того, что наиболее удобно, полезно и приемлемо]: ср. в рус. *Семь раз отмерь, один раз отрежь*. В аварском языке в такой символической функции употребляется числительное *аницго* «десять»: *АницДул борце, цин кьотле* «Десять раз отмерь, один раз отрежь». *Аницго чиясдагДан гДакълу гьечлев чи аницДил бетелрълун тезе бегьуларо* «Человека, не имеющего мудрости десятиерых людей, нельзя ставить во главе десяти человек».

Известно, что в русском языке имеют место фразеологические образы, соотносительные с пространственным кодом культуры и числовой символикой. Так, фразеологизм *на все четыре стороны* имеет значение «куда угодно, куда только хочется, на свободу». В.Н.Топоров отмечает в связи с этим, что мотивы троичности и четверичности отсылают к числовым константам структуры мира по вертикали и горизонтали. Их сумма (7) и произведение (12) представляют числовые характеристики, почерпнутые из мифологических источников, отсылают к собственно космологической теме и позволяют реконструировать фрагменты «космологического» текста применительно к праславянскому горизонту [Топоров 1998:111].

Приведенный фразеологический образ *на все четыре стороны* содержит пространственную метафору, в которой отображено представление о горизонтальном членении пространства, о четырех сторонах света. Такой образ характерен для русских народных сказок. В частности, как отмечает В.В.Колесов, фразеологизм часто употребляется в ситуациях, связанных с покиданием родного дома, с выходом в «чужой» мир [Колесов 2000:264.].

Число *ункъго четыре* в аварском языке выполняет несколько другие символические функции. Они могут быть связаны как с приятными, желательными, так и с неприятными, нежелательными для человека ситуациями. С одной стороны, число *ункъго* «семь» символизирует четыре стены, четыре угла дома, благополучие в доме: ср. *ункъабго боклон битлизе* «жить в достатке, в благополучии» (букв. «все четыре угла [дома] выпрямится»), с другой же стороны, символизирует смерть, четыре каменные плиты, которыми накрывают могилу при захоронении умершего человека: *укъабго къаникъ лъезе* «похоронить; умереть» (букв. «под всеми четырьмя плитами положить»), *укъабго къоно тлад члвазе* «умереть, быть похороненным» (букв. «всеми четырьмя плитами накрыть»).

Материал исследования показывает, что не все числа в аварском языке выполняют символические функции. Так, практически отсутствует символика у чисел *цуго* «пять», *анлъго* «шесть», *анкъго* «восемь». Число *лъабго* «три» употребляется при выражении благожеланий, символизирует будущее благополучие, выбор жизненного пути: *лъабго вас* «три сына», *лъабго анищ* «три желания», *лъабго нух* «три дороги» (обычно в сказках).

Фразеологические и паремиологические единицы аварского языка с компонентами с числовой символикой свидетельствуют о том, что в них отражаются не только сам человек, но и обстоятельства, которые его окружают. Обстоятельства, окружающие жизнь человека, существуют в конкретном пространстве и времени, они для человека не отвлеченные понятия. Этим и объясняется функционирование в языке фразеологических и паремиологических образов с эксплицированными и имплицированными пространственными и временными кодами культуры.

Литература

1. *БФСРЯ* – Большой фразеологический словарь русского языка/Отв. ред. – В.Н.Телия. – М., 2006.
2. *Колесов В.В.* Древняя русь: наследие в славе. Мир человека. – СПб, 2000.
3. *Магомедханов М.М.* Аварско-русский фразеологический словарь. – М., 1993.
4. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. – М., 2004.
5. *Топоров В.Н.* Предыстория литературы у славян: опыт реконструкции. – М., 1998.

Ахмедилова А. М.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПАДЕЖИ СЕРИЙ 5 И 6 В ЦЕЗСКОМ ЯЗЫКЕ

(ИЯЛИ ДНЦ РАН, Махачкала)

Цезская именная морфология отличается чрезвычайно богатой падежной системой, включающей 11 грамматических и 56 пространственных падежных форм. Парадигма грамматических падежных форм включает: абсолютив, эргатив, генитив 1-2, датив, инструменталис, эквотив 1, эквотив 2, посессив 1, посессив 2, абессив.

Парадигма пространственных падежных форм образует систему семи пространственных серий покоя и по 4 направительных форм в каждой из них.

Серия 1 локализует «внутри полого пространства»: гъутк-а «в доме»

Серия 2 локализует «внутри сплошного пространства»: бихи-лъ

Серия 3 локализует «на»: х1он-къо «на горе»

Серия 4 локализует «под»: х1он-е-л1 «под горой»

Серия 5 локализует «рядом»: ужи-де «рядом с мальчиком»,

Серия 6 локализует «рядом»: ажом-хо «рядом с деревом»

Серия 7 локализует «на вертикальной плоскости»: хъидо-хъ «на стене»

Кроме того, в цезском языке представлена уникальная система бинарного противопоставления нейтральной пространственной системы локализации (Таблица 2) пространственной системе, локализирующей предметы «на противоположной, или на другой стороне» относительного места расположения говорящего (Таблица 3). Пространственная падежная система от имени *кьури* «стол» и *х1он* «гора» представлена в таблицах 2 и 3.

Таблица 2

СЕРИИ	ЭССИВ	ЛАТИВ	АБЛАТИВ	ДИРЕКТИВ
СЕРИЯ 1	кьур-а	кьур-а-р	кьур-а-й	кьур-а-гьор
СЕРИЯ 2	кьури-лъ	кьури-лъ-ер	кьури-лъ-ай	кьури-лъ-хор
СЕРИЯ 3	кьури-къ	кьури-къ-ор	кьури-къ-ай	кьури-къ-агьор
СЕРИЯ 4	кьури-л1	кьури-л1-ер	кьури-л1-ай	кьури-л1-хор
СЕРИЯ 5	кьури-де	кьури-д-ер	кьури-д-ай	кьури-д-агьор
СЕРИЯ 6	кьури-х	кьури-х-ор	кьури-х-ай	кьури-х-агьор
СЕРИЯ 7	кьури-хь	кьури-хь-ор	кьури-хь-ай	кьури-хь-агьор

Таблица 3.

СЕРИИ	ЭССИВ	ЛАТИВ	АБЛАТИВ	ТРАНСЛАТИВ
СЕРИЯ 1	х1он-а-з	х1он-а-з-ар	х1он-а-з-ай	х1он-а-з-а
СЕРИЯ 2	х1он-лъ-аз	х1он-лъ-аз-ар	х1он-лъ-аз-ай	х1он-лъ-аз-а
СЕРИЯ 3	х1он-къ-аз	х1он-къ-аз-ар	х1он-къ-аз-ай	х1он-къ-аз-а
СЕРИЯ 4	х1он-л1-аз	х1он-л1-аз-ар	х1он-л1-аз-ай	х1он-л1-аз-а
СЕРИЯ 5	х1он-д-аз	х1он-д-аз-ар	х1он-д-аз-ай	х1он-д-аз-а
СЕРИЯ 6	х1он-х-аз	х1он-х-аз-ар	х1он-х-аз-ай	х1он-х-аз-а
СЕРИЯ 7	х1он-хь-аз	х1он-хь-аз-ар	х1он-хь-аз-ай	х1он-хь-аз-а

Как видно из представленного выше материала цезская пространственная падежная система включает две серии, т.е. Серия 5 и Серия 6 с семантикой «рядом» (1):

(1) ужи кидбеде йоль «мальчик находится рядом с девочкой»

ужи ажох йоль «мальчик находится рядом с деревом»

Рассмотрим более подробно падежные формы Серии 5 и Серии 6.

Пространственные падежи СЕРИИ 5

СЕРИИ 5 образуется присоединением суффикса ЭССИВА СЕРИИ5 –де к косвенной основе имени. Направительные формы этой серии образуются присоединением к форме ЭССИВА суффиксов –р (ЛАТИВ), –ай (АБЛАТИВ), –агьор (ДИРЕКТИВ). В формах АБЛАТИВ и ДИРЕКТИВ конечный гласный суффикса ЭССИВ –де опускается для разрушения сочетания двух гласных звуков (2).

(2)

СЕРИИ	ЭССИВ	ЛАТИВ	АБЛАТИВ	ДИРЕКТИВ
СЕРИЯ 5	кьури-де	кьури-де-р	кьури-д-ай	кьури-д-агьор

ЭССИВ указывает на локализацию рядом. Данная форма образуется преимущественно от одушевленных разумных имен (3) реже от одушевленных неразумных имен (4). От разумных одушевленных имен данная форма выражает также комитативное значение (5). В комитативном значении данная форма образуется также от неодушевленных имен (6).

(3) кид обий-де йоль

девочка:АБС отец-СЕР5ЭССИВ есть

«Девочка находится рядом с отцом».

(4) ужи г1омой-де ич-аси

мальчик:АБС осел-СЕР5ЭССИВ стоять-ПРИЧ

«Мальчик стоит рядом с осликом».

- (5) ужи обий-де кер-агъор икйи-с
мальчик:АБС отец-СЕР5ЭССИВ речка-СЕР1ДИР пойти-ПРОШ
«Мальчик с отцом к речке пошел»
- (6) уж-а из-де магалу бац1-си
мальчик-ЭРГ сыр-СЕР5ЭСС хлеб:АБС есть-ПРОШ
«Мальчик ел хлеб с сыром»

Пространственные падежи СЕРИИ 6.

СЕРИЯ 6 образуется присоединением суффикса –х(о) к косвенной основе имени. Направительные формы этой серии образуются от исходной формы покоя при помощи направительных суффиксов –р (ЛАТИВ), -ай (АБЛАТИВ), -агъор (ДИРЕКТИВ) (7).

(7)

СЕРИИ	ЭССИВ	ЛАТИВ	АБЛАТИВ	ДИРЕКТИВ
СЕРИЯ 6	ажо-х	ажо-хо-р	ажо –х-ай	ажо-х-агъор

СЕРИЯ 6 в отличие от СЕРИИ 5 образуется преимущественно от неодушевленных имен и указывает на локализацию рядом с неодушевленными предметами и объектами (8-10).

- (8) кид ажо-х йич-аси йоль
девочка:АБС дерево-СЕР6ЭСС стоять-ПРИЧ быть:НАСТ
«Девочка стоит рядом с деревом»
- (9) ужи ист1оли-х ич-аси йоль
мальчик:АБС стол-СЕР6ЭСС стоит-ПРИЧ быть:НАСТ
«Мальчик стоит рядом со столом»
- (10) ал1о-х иго гес бой-хо
село-СЕР6ЭСС рядом ГЭС:АБС делать-НАСТ
«Рядом с селом строят ГЭС»

Из сказано выше очевидно, что в цезском языке пространственная семантика «рядом, около» выражается двумя пространственными падежными сериями. Отсюда возникает вопрос, почему грамматическая система цезского языка создала избыточную категорию с двумя падежными сериями для выражения одной семантики. Как такая система могла возникнуть.

На наш взгляд исторически семантика «рядом» выражалась СЕРИЕЙ 5, а СЕРИЯ 6 выражала семантику «за/позади». Следы былой системы локализации сохранились во всех пространственных падежных формах СЕРИИ 6 не нейтральной системы локализации (11-13).

- (11) ужи ажо-х-аз ухъель-си
Мальчик:АБС дерево-СЕР6-ЭСС прятаться-ПРОШ
«Мальчик спрятался за деревом»
- (12) бухъ х1он-х-аз-ай бол1их-си
солнце:АБС гора-СЕР6-НЕ НЕЙТР-АБЛ появиться-ПРОШ
«Солнце взошла из-за горы»
- (13) х1он-х-аз-ар самалйот бакъу-с
Гора-СЕР6-НЕ НЕЙТР-ЛАТ самалет:АБС упасть-ПРОШ

Как видно из представленного материала, во всех этих случаях суффикс –х указывает на локализацию «за (позади) пространственной точки».

Историческая семантика суффикса СЕРИИ 6 сохранилась также в устойчивых сочетаниях и в фразеологических оборотах цезского языка. Так, суффикс СЕРИИ 6, присоединенная к собственным именам мужского пола, образует имена с семантикой «выйти замуж за кого-либо», где пространственный суффикс –х имеет без сомнения семантику «за», а не «рядом» (14-15). Обратите внимание также на примеры из русского языка, где аналогичное сло-

во «замуж» с исторической точки зрения структурируется на сочетание предлога «за» и именной основы «муж» (16), т.е. выйти замуж означало пойти (следовать) за ним, а не рядом с ним. Семантика «за» сохранилась также в устойчивых сочетаниях с причинной и целевой семантикой (17):

(14) мус-а кид хедйо-х йегирси
Муса-ЭРГ дочь:АБС муж-СЕР6 отправить-ПРОШ
«Муса выдал дочь замуж»

(15) айшат ах1мад-хо йик1и-с
Айшат:АБС Ахмед-СЕР6 пойти-ПРОШ

(16) «Айшат вышла замуж за Ахмеда»

(17) лъа-х1о-р ик1а «идти за водой»,
бекъ-хо ик1а «идти за овцами, работать чабаном»,
бих-и-х ик1а «идти за сеном»,
эльуйа-х ик1а «идти за черникой»

На то, что суффикс –х(о) выражал семантику «за» указывает также послеложная система цезского языка. Как известно каждому пространственному суффиксу (за исключением СЕРИЯ 1) в цезском языке соответствует соответствующий послелог. Причем падежные формы могут использоваться как с послелогом, так и без них. Краткий взгляд на фонетическую структуру пространственных суффиксов и послелогов дает понять, что пространственные суффиксы развились исторически из послелогов. Обратите внимание на таблицу (18).

(18)

Суф.	Посл-г и его сем-ка	Пример с суффиксом	Пример с послелогом
-лъ	тель «внутри»	бихи-лъ «в траве»	бихи-лъ тель «в траве»
-къ(о)	къири «наверху»	х1он-къо «на горе»	х1он-къо къири «на горе»
-л1	вал1 «под»	х1оне-л1 «под горой»	х1оне-л1 вал1 «под горой»
-де	данди «рядом»	ужи-де «рядом с мальчиком»	ужи-де данди «рядом с мальчиком»
-х(о)	хизай «за, позади»	ажо-х «около дерева»	ажо-х хизай «за деревом»

Из сказанного выше очевидно, что суффикс СЕРИИ 6 –х(о) развился из послелога хизай «позади» и, следовательно, исторически выражал семантику «за/позади». Позже суффикс СЕРИИ 6 стал приобретать семантику «рядом», вытесняя из этого домейна суффикс –де, который стал уже использоваться для выражения семантики комитативности, а также семантики «рядом» в составе одушевленных имен существительных.

Ц. Барамидзе

ОЦЕНОЧНЫЙ МОМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

(Тбилиси, Грузия)

В докладе рассмотрены исторические и современные аспекты языковой ситуации на Северном Кавказе. Выявлены проблемы сохранения языкового разнообразия Кавказа, необходимость его защиты. Дана попытка определить жизнеспособность и уровни угроз для этих языков согласно существующей на сегодняшний день реальной языковой ситуации. Выявле-

ны основные штрихи языковой политики Северного Кавказа, как части единой языковой политики Российской Федерации. Согласно этой политике, начиная с 80-х годов в регионе прекратилось обучение на родном языке. По новой языковой политике в Российской Федерации укрепились права русского языка, как государственного. Сформировался односторонний билингвизм. Решать судьбу национальных языков было предоставлено республикам. Именно поэтому мы считаем, что эстимационный (оценочный) компонент должен сыграть решающую роль в регулировании языковой ситуации.

Исходя из новых статистических данных, рассмотренных в статье, проанализировано значение оценочного компонента в вопросе жизнеспособности миноритарных языков. Выявлено несоответствие между юридическими и реальными ареалами функционирования национальных языков.

В докладе дана попытка определения уровней существующих угроз, стоящих перед жизнеспособностью национальных языков. Вопрос непрерывности передачи языка из поколения в поколение рассмотрен на основании статистических данных. Выявлены языки, находящиеся под явной угрозой.

Жизнеспособность и угрозы, стоящие перед северо-кавказскими языками, определены по критериям, определение которых по-отдельности согласно их статистическим данным не является достаточным для оценки состояния языка. Только при условии согласования всех критериев станет возможным определение ареала жизнеспособности языков и ареала функционирования языка.

В докладе показаны меры, которые необходимо провести для сохранения жизнеспособности этих языков и выявлена решающая роль оценочного момента.

Галбацова С.М.

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДОЛГ» В АВАРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ).**

(ИЯЛИ ДНЦ РАН, Махачкала)

В современной лингвистике под языковой картиной мира традиционно понимается совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретация новых знаний. При таком подходе язык может рассматриваться как определенная концептуальная система и как средство оформления концептуальной системы знаний о мире.

Под языковой картиной мира в лингвокультурологии понимается система ценностных ориентаций, закодированная в ассоциативно-образных комплексах языковых единиц и восстанавливаемая исследователем через интерпретацию этих ассоциативно-образных комплексов посредством обращения к обусловившим их знакам и концептам культуры.

Термин концепт в лингвистике и старый и новый одновременно. Сейчас в лингвистической науке можно обозначить три основных подхода к пониманию концепта, базирующихся на общем положении: концепт-то, что называет содержание понятия, синоним смысла.

Первый подход (представителем которого является Ю.С.Степанов) при рассмотрении концепта большое внимание уделяет культурологическому аспекту, когда вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними. Следовательно, концепт-это основная ячейка культуры в ментальном мире человека.

Второй подход к пониманию концепта (Н.Д.Арутюнова и ее школа, Т.В.Булыгина, А.Д.Шмелев и др.) семантику языкового знака представляет единственным средством формирования содержания концепта.

Сторонниками третьего подхода являются Д.С.Лихачев, Е.С. Кубрякова и др. Они считают, что концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения значения слова с личным народным опытом человека, т.е. концепт является посредником между словами и действительностью [Маслова 2005: 31].

Одним из ключевых в аварской языковой картине мира является концепт **долг**. Слово долг соотносится с аварскими словами «къарз», «борч», «налъи».

Къарз, как конкретный предмет, сопровождается антономически связанными глаголами **взял-отдай**//босанищ-къе в значении «определенного действия-возврата».

Борч представляет собой осознание личностью безусловной необходимости исполнения того, что заповедуется моральным идеалом, что следует из морального идеала. Долг человека- следовать по пути добродетели, делать добро другим людям по мере возможности, не допускать в себе порочности, противостоять злу.

Хварав вацасул лъимал хьихьизе дица дидаго т1адаб **борчлъун** рик1к1уна, Пат1имат, г1емер к1алъач1ого юц1ц1ун ч1а!

«Патимат, я считаю своим долгом воспитывать детей покойного брата, поэтому не разговаривай много!» (Шамхалов. Салтанат).

Къощуябго какги бан, Аллагъасда цебе т1адаб борчги т1убазабун, къват1ул хабар бичинч1ого щай мун ч1оларей?

« Исполни свой долг перед Аллахом- помолись в день пять раз и не сплетничай!» (Шамхалов.Салтанат).

Аварско-русский словарь под редакцией М.-С.Саидова **налъи** определяет как «долг, задолженность».

Дица налъуе босараб г1арацги г1олеб гьеч1о, дун лъил рагъдурхъе гьардесе иней?

« К кому я пойду просить:тех денег, которых я взяла в долг не достаточно» (Магомедов.Месть).

Интересным является тот факт, что слова долг и обязанность в аварском языке обозначаются словом «борч» и «къарз». Значения слов определяются

только в контексте. Борч и къарз определяются как налъи, т1адаб жо (досл. обязанная вещь или обязанность).

Мудрость и дух народа проявляется в его пословицах и во фразеологических единицах. Фразеологические единицы, обозначающие эмоциональные и интеллектуальные состояния человека, представляют интерес не только в собственном лингвистическом плане, но и в лингвокультурологическом, так как фразеологические единицы, обладающие высоким коннотативным потенциалом, являются хранителями культурной информации и представляют собой достаточно яркий фрагмент языковой картины мира [Солодуб 1990:61].В аварской языковой картине мира встречаются пословицы и фразеологические единицы, включающие в свой состав концепт **долг**.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ.

С концептом «налъи»:

1)налъуе къезе- дать в долг;

- 2)налъуе босизе- взять в долг;
- 3)налъукъе ккезе- влезать в долги;
- 4)налъукъа ворч1изе- избавиться от долгов;
- 5)налъи бец1изе- погасить задолженность.

С концептом «**къарз**» в аварско-русском фразеологическом словаре Магомедханов дает только одно фразеологическое выражение:

Къарзаль босизе- взять займы.

Дой мадугъаласул дое ана къарзаль цодагъаб г1арац босизе.

«Она пошла к соседу взять займы немного денег».

А с концептом «борч» не дается ни одно выражение.

ПОСЛОВИЦЫ.

Бец1идалила **налъи** к1очонеб, бикъидалила ургъел т1аг1унеб.

«Долг забывается при возврате, думки рассеиваются при совете (советоваться с людьми)».

Къарз васасеги гъабуге, гъоркъоблъи хунгут1изе.

«Чтоб с сыном поддерживать хорошие отношения- не бери у него займы».

Налъи бугев къурав, къо бугев бергъарав.

«Победитель тот, у кого нет долга».

Налъи гъабизе бигъаяб жо бугоан, бец1изе кколеб къо бук1унаребани.

«Брать долг было бы легким делом, если не приходилось бы его возвращать».

Налъуе босулареб раг1и бицунге.

«Не давай слово, которое не можешь сдерживать» (букв.не давай слово в долг).

Налъуца чи бечелъуларев, бичаль рукъ цебе т1олареб.

«От долгов человек не разбогатеет, как от рабства дом».

Г1акъилас ункъго жо гъит1инаблъун рик1к1унареб: ц1аги, унтиги, тушманлъиги, **налъи**ги.

Умный четыре вещи считает значительными: огонь, болезнь, вражда, долг».

Пословицы, поговорки, фразеологические выражения того или иного народа способствуют лучшему знанию языка и лучшему пониманию образа мыслей и характера народа.

Литература

1. *Аварские пословицы и поговорки*/Сост. З.Алиханов. Махачкала,1973.
2. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика. - Минск,2005.
3. *Маслова В.А.* Лингвокультурология.-М.,2004.
4. *Солодуб Ю.П.* Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объекта лингвистического исследования // *Филологические науки*,1999.-№1.
5. *Магомедханов М.М.* Аварско-русский фразеологический словарь.-М.,1993.

Денис Крэссель

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПАДЕЖНЫЕ РАМКИ В СЕВЕРНОМ ДИАЛЕКТЕ АХВАХСКОГО ЯЗЫКА.

(Лионский университет, Франция)

1. Введение

Ахвахский язык относится к андийской подгруппе аваро-андо-цезской группы нахско-дагестанских языков. Ахвахский язык имеет два диалекта: северный и южный. Северный диалект довольно однороден, а южный диалект состоит из трех говоров: ратлубского, тлянубского и цегобского [Магомедбекова 1967: 8]. В настоящей статье рассматриваются

глаголы северного диалекта ахвахского языка, употребляющиеся в исключительной падежной рамке.

2. Регулярные и исключительные падежные рамки в ахвахском языке

В ахвахском языке, как и в других дагестанских языках, валентность глаголов конкретизируется падежным оформлением аргументов и классно-числовым согласованием глагола с одним из аргументов. Как правило, конструкция ахвахских глаголов включает именную группу в номинативе, контролирующую выбор классно-числового показателя в глагольной словоформе. Этой именной группой в номинативе выражается единственный аргумент одноместных глаголов и пациенс прототипичных транзитивных глаголов (т.е. глаголов, обозначающих ситуации, контролируемые одним из партиципантов (агенсиом), и осуществление которых приводит к изменениям в состоянии другого партиципанта (пациенса)). Существуют однако исключения, т.е. конструкции, не включающие именной группы в номинативе, и в которых глагол не согласуется ни с одним именным членом конструкции. В таких конструкциях, все аргументы оформляются косвенными падежами, и если глагольная словоформа включает классно-числовой показатель, он неизменно в форме среднего (3-го) класса единственного числа.

3. Глаголы без аргументов

Ахвахский язык не имеет авалентных глаголов. Правда, глаголы, обозначающие метеорологические явления, обычно употребляются без никакого выраженного аргумента, но они также встречаются в конструкциях, включающих именную группу в номинативном падеже. С некоторыми метеорологическими глаголами, именной группой в номинативе является *дуна* 'мир' (1а) или *реше* 'небо', с другими, название метеорологического явления (1б).

- (1) а. *(Дуна) гьираххере* *годи.*
- мир   становится_пасмурным:PROG   COP:N
'Погода портится.'
- б. *(Ццла) ццлари.*
- дождь   дождить:PF
'Выпал дождь.'

Опущение именной группы в номинативе в конструкции метеорологических глаголов можно считать следствием ее низкой степени информативности.

4. Одноместные глаголы

Как правило, единственный аргумент одноместного глагола выражается именной группой в номинативе вне зависимости от ролевой семантики. Я нашел всего три одноместных глагола с падежной рамкой <ALL> или <LOC>.

4.1. Падежная рамка <ALL>

В этой рамке употребляется только глагол *ццланурульла* 'чувствовать острую боль'. Как видно из примера (2), именная группа, обозначающая страдающего человека, и именная группа, обозначающая место боли, одинаково оформляются аллативом.

- (2) *Дига* *ракъварога* *ццланере* *годи.*
- 1SG:ALL₁   сердце:ALL₁   колоть:PROG   COP:N
- 'У меня в сердце колет.'

4.2. Падежная рамка <LOC>

В этой рамке употребляются два глагола: *чцинурульла* 'чувствовать острую боль' и *къваральурульла* 'сузиться'. *Чцинурульла* 'чувствовать острую боль' употребляется только в исключительной падежной рамке <LOC> (3).

- (3) *РакIвароге чIинере годи.*
 сердце:LOC₁ колоть:PROG COP:N
 ‘У меня в сердце колет.’

Как видно из примера (4а), *кьваральурутьIа* ‘сузиться’ обычно употребляется в регулярной падежной рамке <NOM>; исключительная падежная рамка <LOC> встречается в сочетании с именем *мигIа* ‘нос’ (4б).

- (4) а. *Микъи кьваральегье годи.*
 дорога сузиться:ADV:N COP:N
 ‘Дорога сузилась.’
- б. *МигIахье кьваральегье годи.*
 нос:LOC₃ сузиться:ADV:N COP:N
 ‘Нос заложен.’ (букв. В носу сузилось)

5. Двухместные глаголы

Как правило, одна из двух ролей двухместного глагола оформляется номинативом, и формальные различия двухместных рамок касаются оформления второго аргумента: <ERG, NOM>, <DAT, NOM>, и т. д. Встречаются однако с небольшим числом двухместных глаголов следующие исключительные рамки: <ERG, GEN>, <ERG, LOC>, <ERG, ALL> и <ERG, ABL>.

5.1. Падежная рамка <ERG, GEN>

В этой рамке употребляется только глагол *хIалбихьилорутьIа* ‘пробовать’, заимствованный из аварского языка (5).

- (5) *Гьуссве дарутьльилли хIалбихьилари.*
 DIST:M:ERG лекарство:GEN попробовать:PF
 ‘Он попробовал лекарство.’

Падежная рамка этого глагола объясняется тем, что в аварском языке, *хIалбихьизе* ‘пробовать’ первоначально являлся сложным предикатом с буквальным смыслом ‘осматривать состояние чего-то’.

5.2. Падежная рамка <ERG, LOC>

В этой рамке употребляются следующие глаголы: *чIинорутьIа* ‘ужалить’ (6), *чIорутьIа* ‘обжечь’ (7), *кьIукьIудорутьIа* ‘стучать’, *кьIвакьIорутьIа* ‘стучать’, *кьелечIорутьIа* ‘кусать’ (8), *кьи^hкIонутьIа* ‘щелькнуть’, *кьитIорутьIа* ‘щипать’ (9).

- (6) *Диге кьижвалиде чIинари.*
 1SG:LOC₁ оса:ERG ужалить:PF
 ‘Меня ужалила оса.’
- (7) *Диге мицIцIиде чIари.*
 1SG:LOC₁ крапива:ERG обжечь:PF
 ‘Я обжегся крапивой.’
- (8) *Диге джибиде кьелечIари.*
 1SG:LOC₁ комар:ERG укусить:PF
 ‘Меня укусил комар.’
- (9) *Гьутьлье диге кьитIари.*
 DIST:F:ERG 1SG:LOC₁ ущипнуть:PF
 ‘Она ущипнула меня.’

5.3. Падежная рамка <ERG, ALL>

В этой рамке употребляется только глагол *эхьурутьIа* ‘смотреть’ (10).

- (10) *Иссиде телевизорильльига эхьаде.*

1PL:ERG телевизор:ALL₁
 смотреть:PF
 ‘Мы смотрели телевизор.’

5.4. Падежная рамка <ERG, ABL>

В этой рамке употребляется только глагол *кълела^HцлцунульIа* ‘пререкаться, порицать’ (11).

(11) *Илоде вашогуне кълела^Hцлцлене бикIвари.*
 мать:ERG сын:ABL₁ порицать:PROG быть:PF
 ‘Мать порицала сына.’

6. Трехместные глаголы

Как правило, как и у двухместных глаголов, одна из ролей трехместного глагола оформляется номинативом. Единственным исключением является глагол *мачунульIа*, который употребляется в регулярной рамке <ERG, ALL, NOM> со значением ‘рассказывать что-то’ (12а), но также в исключительной рамке <ERG, ALL, GEN> со значением ‘рассказывать о чем-то’ (12б).

(12) а. *Дига че чула мачани*
ди минарекIвассве.
 1SG:ALL₁ один вещь рассказать:PF 1SG:GEN
 муж:ERG
 ‘Мой муж рассказал мне что-то.’
 б. *Гьулльылди чела жольльи мачува*
дуга деде.
 DIST: N:GEN другой день:LOC
 рассказать:POT 2SG:ALL₁ 1SG:ERG
 ‘Об этом я тебе расскажу в другой день.’

Эта исключительная падежная рамка объясняется опущением главы номинативной именной группы: *рассказывать ~~раеказ~~ чего-то* ‘рассказывать о чем-то’.

7. Лексикализованные сочетания *имя+глагол* и исключительные падежные рамки

Как и в других дагестанских языках, многие предикаты выражаются в ахвахском яхыке не простыми глаголами, а лексикализованными сочетаниями *имя в номинативе+глагол*, например *комоки гурульIа* ‘помочь’, буквально ‘делать помощь’ (13).

(13) *Деде комоки гведе гьулльа.*
 1SG:ERG помощь делать:PF DIST:F:DAT
 ‘Я помог ей.’

Конструкция таких предикатов включает именной член в номинативе (имя, входящий в состав сложного предиката), но все партиципаны выражаются именными группами в косвенных падежах. Например, падежную рамку сложного предиката *комоки гурульIа* ‘помочь’ можно схематизировать как <ERG, DAT, nom>, где строчные буквы обозначают падежное оформление именного элемента сложного предиката. Следовательно, глаголы с исключительными падежными рамками могут возникать как результат слияния лексикализованного сочетания *имя в номинативе+глагол* в одну словоформу. Так, ‘поклониться’ может выражаться в ахвахском яхыке сложным предикатом *никва бухьIурульIа* или глаголом *никухьIурульIа*, представляющим собой результат слияния имени *никва* ‘клятва’ с глагольным элементом сложного предиката *бухьIурульIа*.⁴ Как видно из примера (14), конструкция сложного предиката *никва бухьIурульIа* <ERG, nom> включает

⁴ Существует в ахвахском языке глагол *бухьIурульIа* ‘пропадать’, но совпадение с глагольным элементом сложного предиката *никва бухьIурульIа*, наверно, случайна.

номинативный член (именный элемент сложного предиката), тогда как конструкция глагола *никухъIурулъIа* характеризуется исключительной падежной рамкой <ERG>.

(14)	<i>Гьуссве</i>	<i>никва бухъIари</i>	<i>гьечIе</i>	<i>беху-</i>
	<i>рулъIа.</i>			
	DIST:M:ERG	клятва N:дать:PF	отомщение	N:взять:INF
	~	<i>Гьуссве</i>	<i>никухъIари</i>	<i>гьечIе</i>
	<i>рулъIа.</i>			<i>беху-</i>
	DIST:M:ERG	поклониться:PF	отомщение	N:взять:INF
		‘Он поклонился, что отомстит.’		

Однако глаголы, возникающие как результат инкорпорирования имени в номинативе, не обязательно сохраняют исключительную падежную рамку, соответствующую их этимологии. В некоторых случаях можно полагать, что исключительная падежная рамка была регуляризирована путем изменения в падежном оформлении одного из аргументов. Примером такого процесса может служить глагол *гьа^HдахъурулъIа* ‘слушать’. Можно полагать, что этот глагол происходит от сложного предиката *гьа^Hдела рихъурулъIа* [уши держать] с падежной рамкой <ERG, ALL, ном>, буквально ‘держат уши в направлении чего-то’.⁵ В ахвахском языке, этот сложный предикат перестал употребляться в аналитической форме. Согласно его этимологии, ожидалась бы для глагола *гьа^HдахъурулъIа* исключительная падежная рамка <ERG, ALL>. Однако, как видно из примера (15), *гьа^HдахъурулъIа* употребляется в регулярной падежной рамке <NOM, ALL>.

(15)	<i>Гьуве</i>	<i>никвага</i>	<i>гьа^Hдахъари.</i>
	DIST:M	песня:ALL ₁	слушать:PF
		‘Он слушал песню.’	

8. Заключение

Примеры глаголов *никухъIурулъIа* и *гьа^HдахъурулъIа* иллюстрируют две противоположные тенденции в эволюции синтаксических свойств ахвахских глаголов. С одной стороны, инкорпорирование именного элемента сложных предикатов типа *имя в номинативе+глагол* порождает глаголы с исключительными падежными рамками. Но с другой стороны, существует тенденция к регуляризированию исключительных падежных рамок, и это наверно объясняет ограниченное число глаголов с исключительными падежными рамками в лексике ахвахского языка, несмотря на относительную продуктивность инкорпорирования именного элемента сложных предикатов.

Список сокращений

ABL: аблатив; **ADV**: адвербиальное согласование; **ALL**: аллатив; **COP**: копула (связка); **DIST**: дистальное указательное местоимение; **ERG**: эргатив; **F**: женский класс; **GEN**: генитив; **V**: локатив; **M**: мужской класс; **N**: средний класс; **PF**: совершенный вид; **PL**: множественное число; **PROG**: прогрессивный конверб; **SG**: единственное число.

Литература

- Магомедбекова З.М.*. Ахвахский язык (грамматический анализ, тексты, словарь). Тбилиси, 1967.
Магомедова П.Т., Абдулаева, И.А. Ахвахско-русский словарь. Махачкала, 2007.
Саидова П.А.. Годоберинско-русский словарь. Махачкала, 2006

⁵ Интересно отметить, что в годоберинском языке, ‘слушать’ выражается сложным предикатом *гьантIукIя рикки*, буквально ‘держат уши’ с падежной рамкой <ERG, LOC, ном> (в годоберинском языке, аллатив не обособляется от локатива) [Саидова 2006: 116].

Ландер Ю.А. (Институт востоковедения РАН, Москва),
 Меретукова З.Б. (Майкоп).

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СОПРЯЖЕННОСТЬ И АТРИБУТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ (АНДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ, АДЫГЕЙСКИЙ ЯЗЫК)

В настоящей работе мы пытаемся установить связь между явлениями, которые, на первый взгляд, никак между собой не связаны, в языках, принципиально различающихся между собой по структуре. Объектом исследования являются приименные атрибутивные конструкции — с одной стороны, в андийских языках (нахско-дагестанская семья) и, с другой стороны, в адыгейском языке (абхазо-адыгская семья). Нас будут интересовать распределение согласования в андийских атрибутивных конструкциях и позиция определения в посессивных конструкциях адыгейского языка. Как мы покажем, в основе наблюдаемых явлений лежит одна и та же характеристика определений, а именно их сопряженность с именем⁶.

Атрибутивные конструкции

При рассмотрении атрибутивных конструкций мы ограничимся конструкциями с прилагательными и посессивными конструкциями, оставляя за границами исследования в первую очередь относительные конструкции и конструкции с кванторными выражениями и с указательными местоимениями. Некоторые из наших выводов предположительно могут работать и для этих фрагментов грамматики, но они имеют и свои особенности.

Приименные посессивные конструкции понимаются нами максимально широко — как семантически немаркированные определительные конструкции, отражающие отношения между объектами (см. подробнее [Lander 2008]). Мы не пытаемся свести эти конструкции исключительно к отношению обладания; в посессивной конструкции отношение не уточнено, оно выводится из контекста или лексической семантики элементов словосочетания, но не из самой конструкции. Кроме того, в результате посессивными мы считаем и некоторые словосочетания, которые в описательной практике зачастую к этому классу не относятся. Например, русское *чугунный котел* трактуется нами как посессивное наряду со словосочетаниями вроде *его сестра*, поскольку оно тоже передает отношения между объектами (между сосудом и материалом, из которого он сделан). С типологической точки зрения такой подход вполне обоснован, поскольку отношения вроде ‘объект—материал’ передаются посессивными конструкциями во многих языках мира.

Тем не менее мы признаем, что *чугунный котел* — не прототипическая посессивная конструкция. Объясняется это тем, что прототипическая посессивная конструкция устанавливает референцию объекта обладания через его отношение с посессором, а словосочетания типа *чугунный котел* не устанавливают референцию, а лишь сообщают о некоторой характеристике референта. Прототипический посессор должен быть хорошо опознаваем, иначе отношения с ним не могут использоваться для идентификации объекта обладания. В приведенном непрототипическом сочетании материал выступает с этой точки зрения крайне непрототипическим посессором: он нереферентен (то есть не имеется в виду никакой конкретный объект действительности).

Выделение атрибутивных конструкций с прилагательными с типологической точки зрения не является тривиальной задачей из-за разнородности понятий, выражаемых прилагательными в языках мира. Тем не менее, исходя из списка «базовых» прилагательных, предложенного Р. Диксоном [Dixon 1977], по-видимому, можно считать, что наиболее каноническими прилагательными являются оценочные слова со значениями типа ‘большой’, ‘новый’,

⁶ Работа в значительной степени основана на исследовании, представленном в [Lander 2010].

‘хороший’ и т.д. В силу субъективности оценки конструкции с такими прилагательными, по-видимому, менее всего приспособлены для установления или даже ограничения референции определяемого — и в этом отношении они оказываются антиподами прототипических именных посессивных конструкций. Этот контраст можно представить в виде шкалы типов определений, на одном конце которой располагаются прототипические посессивные атрибуты, а на другой — определения, выраженные базовыми прилагательными. Модификаторы типа *чугунный* в ней, очевидно, занимают промежуточную позицию, как и многие другие классы непрототипических посессоров и непрототипических прилагательных. В результате эта шкала коррелирует с опознаваемостью модификатора, которая для посессора определяется через расположение на одной из так называемых иерархий топикальности: 1,2 лицо > 3 лицо; Местоимение > Собственное имя > Нарисательное имя; Личность (человек) > Неличность > Неодушевленность; [Определенность > Неопределенность] > Нереперентность; Исчисляемое > Неисчисляемое. Чем выше определение на этих иерархиях, тем оно более опознаваемо, тем скорее выступает в качестве более прототипического посессора и тем ближе к соответствующему полюсу шкалы.

Андийские языки: согласование в атрибутивных конструкциях

Именные группы в андийских языках характеризуются зависимостным маркированием в терминах [Nichols 1986]: синтаксические отношения в них маркируются не на главном, а на зависимом элементе конструкции. Во всех андийских языках некоторые прилагательные согласуются с определяемым. Далее, однако, нас будут интересовать преимущественно именные посессивные конструкции.

При описании посессивных конструкций андийских языков обычно выделяется два типа генитива/родительного падежа: так называемый «классный генитив», представляющий собой присоединение к посессору классно-числового показателя (КЧП), соответствующего объекту обладания, и «неклассный генитив», выраженный суффиксом, который М.Е. Алексеев [1988: 80] реконструирует для праандийского уровня как *-lu*. Оба показателя присоединяются к косвенной основе имени (если она имеется); ср. багвалинские примеры *ehun-dar-alu-b misa* [кузнец-PL-OBL.NPL-N дом] ‘дом кузнецов’ и *ila-lʒi-lʒ misa* ‘дом матери’ [мать-OBL-GEN дом] [Даниэль 2001: 140]⁷. Личные местоимения в функции посессора всегда принимают КЧП и далее не рассматриваются.

Андийский язык [Церцвадзе 1965; 1967]. Посессоры мужского класса независимо от числа маркируются КЧП, а все прочие — генитивом.

Ахвахский язык [Магомедбекова 1967]. Согласуются с объектом обладания по классу посессоры мужского класса в единственном числе и личные посессоры во множественном числе; при этом КЧП часто опускается⁸. Прочие посессоры оформляются генитивным суффиксом. Примечательно, что КЧП может присоединяться и к генитиву, в результате чего посессор становится нереперентным; ср. следующие примеры: *kaxoze-l'i q'uri* [колхоз-GEN поле] ‘поле колхоза’ vs *kaxoze-l'i-be q'uri* [колхоз-GEN-N поле] ‘колхозное поле’ [Магомедбекова 1967: 54].

Багвалинский язык [Гудава 1971; Даниэль 2001]. Судя по данным М.А. Даниэля, в говоре села Кванада помимо посессоров мужского класса единственного числа и личных посессоров множественного числа КЧП могут принимать некоторые топонимы (с. 149). Т.Е. Гудава сообщает, что в говоре села Тлисси КЧП могут присоединять и посессоры женского класса с косвенной основой на *-l:i* (с. 223).

⁷ В некоторых андийских языках имеется конструкция, в которой при множественном объекте обладания к группе посессора добавляется еще показатель множественного числа. Эта конструкция ниже не рассматривается.

⁸ Ср. [Кибрик, Кодзасов 1990: 264; Boguslavskaja 1995: 236—237]; А. Дирр в своей работе 1909 года также отмечает, что ахвахские посессивные местоимения не согласуются с вершинным именем.

Ботлихский язык [Гудава 1961; 1967]. Посессоры мужского класса единственного числа и личные посессоры множественного числа принимают КЧП. При этом, однако, Т.Е. Гудава отмечает, что иногда посессоры мужского класса единственного числа маркированы генитивным суффиксом вместо согласовательного показателя. Хотя автор трактует это как ошибку, наличие подобной вариативности в некоторых других андийских языках дает повод усомниться в таком нарушении презумпции правильности речи.

Годоберинский язык [Гудава 1967b; Саидова 1973; Kibrik (ed.) 1996]. В единственном числе согласование обнаруживается только у посессоров мужского класса, образующих косвенную основу суффиксом *-ǰ:u*. Во множественном числе КЧП принимают личные посессоры. Все прочие посессоры (в том числе и посессоры множественного числа с косвенной основой не на *-ǰ:u*) принимают генитивный суффикс, хотя А. Дирр [1909: 12] приводит для *ita* ‘отец’ как согласуемую, так и генитивную формы, ни одна из которых не задействует *-ǰ:u*. Согласовательный показатель имеет явную тенденцию к опущению. В годоберинском говоре, описанном в [Kibrik et al. (ed.) 1996], КЧП на посессоре обнаруживается и вовсе только при объекте обладания единственного числа неличного класса.

Каратинский язык [Магомедбекова 1971]. КЧП принимают посессоры мужского класса в единственном числе и личные посессоры множественного числа. Классное согласование иногда наблюдается и у посессоров женского класса — хотя, как отмечает Магомедбекова [1971: 1959], «в основном такое смешение свойственно детской речи».

Тиндинский язык [Гудава 1967c]. В целом, наблюдается обычная ситуация с маркированием КЧП посессоров мужского класса единственного числа и личных посессоров множественного числа. В то же время Т.Е. Гудава [1967c: 372] делает замечание о том, что использование генитивного суффикса для посессоров мужского класса «имеет случайный характер и противоречит обычной норме», которое дает повод предположить, что эта система допускает отклонения.

Чамалинский язык [Бокарев 1949]. При единственном числе посессора согласование встречается преимущественно у имен мужского класса, однако у них оно не обязательно и, судя по имеющимся данным, по крайней мере частично обусловлено близостью к посессивному прототипу. Так, употребление генитива вместо КЧП может свидетельствовать о потенциальности отношения (например, о предназначенности посессору, а не о реальном обладании), о нереферентности посессора. Вне мужского класса согласовательная модель обнаруживается у некоторых женских имен собственных. Во множественном числе дистрибуция согласовательной конструкции не вполне ясна: в частности, А.А. Бокарев сообщает, что во множественном числе имен, указывающих на женщин, встречаются как согласуемые формы, так и формы с генитивным суффиксом.

Итак, дистрибуция конструкции с согласованием в андийских языках не основывается (исключительно) на системе именных классов: во многих языках граница употребления этой конструкции не совпадает с границей классов. Ряд фактов указывает на то, что в основе распределения согласования лежит близость конструкции к посессивному прототипу и, в частности, топикальность посессора. Именно поэтому конструкция с согласованием обязательна для личных местоимений независимо от пола референта. С этим же связано и то, что имена собственные (и в частности, топонимы), которые располагаются высоко в иерархиях топикальности, иногда предпочитают конструкцию с согласованием. Наконец, чамалинские данные напрямую указывают на то, что выбор стратегии маркирования посессивной конструкции может зависеть от близости к посессивному прототипу.

Вместе с тем, тот факт, что в ахвахском языке нереферентные посессоры (кроме посессоров мужского класса) могут выбирать согласование в противоположность референтным бросает тень на эту корреляцию. Нам кажется очевидным, что появление согласования в таких формах может объясняться функциональной близостью их к прилагательным, которые тоже могут согласовываться. Соответственно, можно предположить, что предпочтения согласования возникают на разных полюсах атрибутивной шкалы и движутся к середине.

Адыгейский язык: позиция посессора

В адыгейских именных группах синтаксическое отношение маркируется на вершине, хотя именные зависимые могут быть оформлены падежным суффиксом. Многие определения (прежде всего нереферентные посессоры и прилагательные) образуют с вершинным именем комплекс, который по формальным критериям выступает как единое слово — в таком случае можно говорить об инкорпорации определения. Референтный посессор индексируется личным префиксом в именном комплексе объекта обладания, а также маркируется косвенным («эргативным») падежом (за исключением личных местоимений и в норме за исключением имен собственных и посессивов). Ср.: *а-хэ-мэ я-мыжъо-унэ-жъ* [TOT-PL-OBL:PL 3PL.PR+POSS-камень-дом-старый] ‘их старый каменный дом’.

Позиция именной группы посессора относительно объекта обладания может зависеть от ее типа. Покажем это на примере именных групп, которые содержат препозитивное относительное предложение⁹. Посессор-личное местоимение (не маркируемый падежом) обычно непосредственно примыкает к именному комплексу; ср. допустимость *Айтэч къыщэфыгъэ сэ с-и-пхъэкъычыр* [Айтэч им.купленная я 1SG.PR-POSS-трещотка-ABS] ‘моя трещотка, которую купил Айтэч’ при недопустимости аналогичной группы с посессором в начале **сэ Айтэч къыщэфыгъэ сипхъэкъычыр*. Что касается позиции прочих посессоров, то при оценке разных построений оценки носителей языка расходятся. Для некоторых носителей посессоры всегда следуют за относительным предложением и в этом случае. Для других посессоры, не выраженные личными местоимениями, предшествуют относительному предложению; ср. *Капльан / [мы клорэ бзыльфыгъэ-м] усабэ зышлагъэ икIалэр* [Капльан / этот идущий женщина-OBL стихотворение-много знающий POSS-парень-ABS] ‘ребенок Капльана / этой идущей женщины, который выучил много стихов’ при недопустимости (для этих носителей) **усабэ зышлагъэ Капльан / [мы клорэ бзыльфыгъэ-м] икIалэр*. Как показывают эти примеры, в таком случае позиция посессора не зависит ни от его маркированности / немаркированности падежом, ни от того, сколько слов включает его именная группа.

Объяснение адыгейской системы потребует от нас представления о снижении автономности модификатора, которое может проявляться в его фонологической неполноценности (модификатор образует с вершиной единое фонетическое слово или по крайней мере их сочетание следует морфонологическим правилам, не характерным для синтаксического уровня), морфологической неполноценности (отсутствие «ожидаемого» морфологического маркирования) и синтаксической неполноценности (строгие ограничения на позицию модификатора, неспособность к его ветвлению).

Адыгейская система, по-видимому, должна трактоваться следующим образом. Прилагательные и нереферентные посессоры входят в единый морфологический комплекс с вершинным именем, проявляя и фонологическую неполноценность (в норме они образуют с вершинным именем единое фонетическое слово и участвуют в чередованиях, типичных для адыгейской словоформы), и морфологическую неполноценность (так, нереферентные посессоры не маркируются падежом), и синтаксическую неполноценность (позиция этих модификаторов строго фиксирована, с некоторыми оговорками они не могут иметь собственные зависимые). Личные местоимения, в свою очередь, проявляют меньшую синтаксическую автономность нежели прочие референтные посессоры, поскольку они обязаны примыкать к вершине. В результате мы наблюдаем ту же картину, что мы видели для согласования в атрибутивных конструкциях в андийских языках: некоторый процесс задействует два полюса атрибутивной шкалы в большей степени, чем ее середину.

⁹ В адыгейском языке имеется и другой — причем более естественный — способ введения посессора при относительной конструкции. Семантическая вершина конструкции при этом находится внутри относительного предложения, а посессор в норме примыкает к ней. Таким образом все предлагаемые ниже примеры сообщают скорее о потенциальных построениях, нежели о наиболее оптимальных и регулярно используемых конструкциях.

Обсуждение

В [Lander 2010] было показано, что сходства в дистрибуции между снижением автономности определения (инкорпорацией в широком смысле) и атрибутивным согласованием типологически прослеживаются достаточно хорошо. Более того, в некоторых языках эти два процесса даже могут конкурировать друг с другом (не исключено, что именно так можно трактовать исчезновение или факультативность посессивного согласования в некоторых андийских языках — например, в годоберинском).

Объяснение этого сходства, предложенное в упомянутой статье, основывается на понятии сопряженности (*bindedness*), предложенном У. Фоли в работе [Foley 1980]. У. Фоли показал для ряда австронезийских языков, что разные определения обнаруживают разную степень сопряженности с вершиной именной группы, чем объясняется не только порядок слов в именной группе, но и маркированность / немаркированность определений. Как кажется, снижение автономности фактически тоже демонстрирует степень сопряженности определения и вершины. В таком случае оказывается, что разную сопряженность с вершиной могут демонстрировать не только разные функциональные типы определений, но и разные виды определений внутри одного типа (например, разные виды посессоров).

Если мы признаем, что снижение автономности модификатора указывает на его повышенную сопряженность с вершиной, можно предположить, что о том же свидетельствует и согласование определения. В [Lander 2010] предлагается точка зрения, в соответствии с которой согласование определения может описываться как инкорпорация модификатора в грамматический материал, представляющий вершину. Впрочем, любое конкретное решение этого вопроса, вероятно, требует принятия специфических теоретических допущений.

Сокращения в глоссах

ABS — абсолютив; GEN — родительный падеж; NPL — множественное число личных («разумных») классов; N — средний (неличный) класс; OBL — косвенная основа (в андийских языках) / косвенный падеж—«эргатив» (в адыгейском языке); PL — множественное число; POSS — посессивная деривация; PR — посессор; SG — единственное число.

Литература

- Алексеев М.Е.* 1988. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М.: Наука.
- Бокарев А.А.* 1949. Очерк грамматики чамалинского языка. М., Л.: АН СССР.
- Бокарев Е.А.* и др. (ред.) 1967. Языки народов СССР. Т. 4: Иберийско-кавказские языки. М.: Наука.
- Гудава Т.Е.* 1961. Склонение имен существительных в ботлихском языке // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков / Е.А. Бокарев (ред.). М.: Изд. АН СССР. С. 130—146.
- Гудава Т.Е.* 1967а. Ботлихский язык // Бокарев и др. (ред.)
- Гудава Т.Е.* 1967б. Годоберинский язык // Бокарев и др. (ред.)
- Гудава Т.Е.* 1967с. Тиндинский язык // Бокарев и др. (ред.)
- Гудава Т.Е.* 1971. Багвалинский язык. [На груз. языке с резюме на русск. языке.] Тбилиси: Мецниереба.
- Даниэль М.А.* 2001. Имя существительное // Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари / Ред. А.Е. Кибрик и др. М.: Наследие.
- Дирр А.М.* 1909. Материалы для изучения языков и наречий андо-дидойской группы. Тифлис.
- Кибрик А.Е., Кодзасов С.В.* 1990. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.: Изд. МГУ.
- Магомедбекова З.М.* 1967. Ахвахский язык. Тбилиси: Мецниереба.
- Магомедбекова З.М.* 1971. Каратинский язык. Тбилиси: Мецниереба.
- Саидова П.А.* 1973. Годоберинский язык. Махачкала.

- Церцвадзе И.И.* 1965. Андийский язык. [На груз. языке с резюме на русск. языке.] Тбилиси: Мецниереба.
- Церцвадзе И.И.* 1967. Андийский язык. // Бокарев и др. (ред.)
- Boguslavskaja O. Ju.* 1995. Genitives and adjectives as attributes in Daghestanian // Double Case: Agreement by Suffixaufnahme / Ed. F. Plank. Oxford etc.: Oxford University Press.
- Dixon, R.M.W.* 1977. Where have all the adjectives gone? // *Studies in Language*. Vol. 1.
- Foley W.A.* 1980. Towards a universal typology of the noun phrase // *Studies in Language*. Vol. 4.
- Kibrik A.E. et al.* (eds) 1996. *Godoberi*. München/Newcastle: Lincom Europa.
- Lander Yu.* 2008. Varieties of Genitive // *The Oxford Handbook of Case* / Eds. A. Malchukov, A. Spencer. Oxford etc.: Oxford University Press.
- Lander Yu.* 2010. Dialectics of adnominal modifiers: On concord and incorporation in nominal phrases // *Essais de typologie et de linguistique générale. Mélanges offerts à Denis Creissels* / Ed. Franck Floricic. Lyon: ENS éditions.
- Nichols J.* 1986. Head-marking and dependent-marking grammar // *Language*. Vol. 62.

Ландер Ю.А.

УДИНСКАЯ ЦЕПОЧЕЧНАЯ ДЕЕПРИЧАСТНАЯ КОНСТРУКЦИЯ.

(Институт востоковедения РАН, Москва).

1. Введение¹⁰. Хорошо известно, что нахско-дагестанские языки при передаче последовательности событий в рамках полипредикации предпочитают использовать так называемые деепричастные конструкции, в которых сказуемое одной или нескольких из клауз (условно — зависимой клаузы) представлено в форме деепричастия совершенного вида:

(1) Багвалинский [Казенин 2001: 558—559]

he:	s:e:	o-ba la	k'anc'uri-r-o,	halašabał
потом	вперед	этот-Н.PL=PTCL	прыгать-Н.PL-CONV	еле.еле
	b-iю		mašina	
	N-останавливаться		машина	

‘Потом они выскочили [букв.: выскочив], и машина еле остановилась’.

Такая «цепочечная деепричастная стратегия» широко распространена в языках мира, однако противопоставляет восточнокавказские (и шире — северокавказские) языки языкам «среднеевропейского стандарта», которые в аналогичной ситуации предпочитают сочинительные конструкции, с предикациями, возглавляемыми равноправными глаголами и факультативно соединяемыми сочинительным союзом. Напротив, в нахско-дагестанских языках использование сочинительного союза — часто явление периферийное.

Подобная широта функционирования цепочечных конструкций, по-видимому, сказывается и на ряде их формальных свойств, хотя наличие того или иного свойства в значительной мере разнится от языка к языку. Цель этой работы — анализ цепочечных деепричастных конструкций в ниджском диалекте удинского языка. Как будет показано, несмотря на принадлежность к нахско-дагестанской семье, удинский язык обнаруживает особенности, которые сближают ее с деепричастными конструкциями языков вроде русского.

¹⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 11-06-00481а. Даргинский материал собран при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-04-00228а. В работе использован корпус устных удинских текстов, собранных автором совместно с Д.С. Ганенковым и Т.А. Майсаком в 2002—2006 годах, опубликованные удинские тексты, а также тексты Майиса Кечаари, любезно предоставленные автором. Элицитированные примеры помечены обозначением {E}.

2. Свойства автономности клауз. Хотя сказуемое одной из предикаций в рассматриваемых построениях оформлено как зависимый глагол, который призван «привязывать» такую предикацию к главному предложению, две клаузы в восточнокавказских цепочечных деепричастных конструкциях нередко проявляют свойства семантической автономности друг от друга.

Во-первых, многие нахско-дагестанские языки не требуют наличия в деепричастной предикации участника, кореферентного какому-либо участнику других клауз конструкции, хотя такая кореферентность обычно желательна. Ср. пример выше, а также:

(2) Лезгинский [Haspelmath 1995: 432]

werč	haraj	aq:at-na	q:eciqh	kat-na
курица	крик	выходить-АОС	вне	бежать-АОР

‘Курица издала крик [букв.: крик выйдя] и побежала наружу’.

Во-вторых, как было показано на цахурском материале Я.Г. Тестельцом и К.И. Казениным [Testelet, Kazenin 2004], цепочечные конструкции могут иметь свойства сочинительных. Например, в некоторых случаях может запрещаться вынос составляющей из деепричастной предикации и вложение этой предикации в главное предложение, что типично для одной из частей сочинительной конструкции.

В некоторых языках деепричастия в комбинации со связкой участвуют в образовании финитных аналитических форм. Если связка оказывается факультативна или вовсе исчезает, граница между деепричастной предикацией и независимым предложением с «бывшей аналитической конструкцией» пропадает. Ср. следующие примеры из тантынского даргинского:

Тантынский даргинский

hili-hit:i	sa-j	ra	w-ibš:-ib-le	sa j
------------	------	----	--------------	------

3)

тот:О-за	сам-M=ADD	M-убегать.PF-PRET-CONV	COP=M
----------	-----------	------------------------	-------

‘...и сам за ней убежал’.

waʰh	se-li	r-ibš:-ib-le	wara	hit ?
------	-------	--------------	------	-------

4)

вах	что-ERG	F-убегать.PF-PRET-CONV=PTCL	тот
-----	---------	-----------------------------	-----

‘Вах, почему убежала она?’

При полном смешении финитных и нефинитных форм в отношении зависимых клауз можно говорить о *некатегориальном подчинении* — явлении, при котором подчиненность определяется не синтаксической категорией вершины, а другими свойствами конструкции [Ландер 2008]. Некатегориальное подчинение представлено, например, в лезгинском примере (2) выше, где зависимый статус подчиненной предикации определяется исключительно ее вложением.

С учетом сказанного следует принимать во внимание некоторую условность используемой нами терминологии: «деепричастные конструкции» не обязательно должны содержать специальные деепричастные формы глагола, а «зависимая предикация» и «главная предикация» теоретически могут иметь одинаковые формальные свойства.

3. Удинские цепочечные деепричастные конструкции: общие сведения. В цепочечных деепричастных конструкциях удинского языка зависимая клауза возглавлена глагольной формой, маркируемой суффиксом *-i*:

oq:-a	sak-i,	χog-p-i	bo ne s-i
-------	--------	---------	-----------

5)

низ-DAT	валить-АОС	тащить-LV-АОС	бросать=3SG=ST-АОР
---------	------------	---------------	--------------------

‘Повалил, протащил и бросил’.

Хотя в норме эта форма стоит в конце зависимой предикации, допускаются и предложения, в которых это не так:

- 6)   naʎni   tac-i   mask:v-in-a,   ke   q:äbäl-in-ä t:un
 вчера   уходить-АОС   Москва-О-DAT   сегодня   Габала-О-DAT=3PL
           har-i
           приходить-AOR
           ‘Вчера уехали в Москву, сегодня приехали в Габалу’. {E}

В описаниях удинской глагольной системы формы на *-i* представляются как формы деепричастий совершенного вида, которые при этом омонимичны финитным формам аориста и причастия совершенного вида/ прошедшего времени (см., например, [Майсак 2008]). Ср. примеры на употребление форм на *-i* в независимых предложениях («аорист», пример 7) и в относительных предикациях («причастие прошедшего времени», пример 8):

- 7)   sa   šamat: t:et:iʃa z   mand-i.
 один   неделя   RDP:там=1SG   оставаться-AOR
           ‘Там я оставался одну неделю’.
 8)   č:er-i   jönni   uʎq:-na   xod e   ak:-sa.
 плодоносить-AOP   хороший   орех-ATR   дерево=3SG   видеть-PRS
           ‘...видит хорошее ореховое дерево, которое плодоносило’.

В [Ландер 2008] была предложена точка зрения, согласно которой в деепричастных и относительных конструкциях используется та же форма, что и в независимых предложениях, а нефинитность зависимых предложений определяется не формой сказуемого, а отсутствием в них клитических показателей личного согласования. Таким образом здесь тоже имеет место некатегориальное подчинение.

Помимо независимых предложений, а также деепричастных и относительных конструкций форма на *-i* появляется и в других конструкциях — в конструкции с фазовыми глаголами окончания действия, в результативной конструкции, в конструкции со служебным словом *k:inä* ‘как’; см. [Ландер 2008].

4. Семантика. В норме цепочечные деепричастные конструкции описывают последовательность действий, которые при этом не обязательно должны примыкать друг к другу (см. пример 6 выше). Временная референция определяется только для главной предикации; соответственно, зависимая предикация, в принципе, может указывать на не свершившуюся ситуацию:

- 9)   gele   äräq:i jal   uʎk-i   šo   mašin-en   tak-al e
 много   водка=ADD   пить-AOC   тот:NA   машина-ERG   уходить-FUT=3SG
           ‘Даже если много водки выпьет, на машине поедет’. {E}

Предложения, предполагающие интерпретацию с временным пересечением или вложением двух ситуаций, часто оцениваются как невозможные (хотя и понимаемые); ср. (10). Тем не менее в текстах встречается значительное число цепочечных конструкций, в которых обозначенные ситуации не обязательно располагаются последовательно на временной оси (11)—(13). Цепочечные конструкции такого рода далее именуются спаянными.

- *q:av-irxо   oc:k:-i   t:alik:-e   xox ez b-i
 10)   посуда-PL   мыть-AOC   тарелка-DAT   разбивать=1SG=LV-AOR
           (Ожидалось: ‘Моя посуда, я тарелку разбил’.) {E}
           arc-en   käj   uʎk-en
 11)   сидеть-NORT   есть+АОС   пить-NORT
           ‘...давайте сядем, поедим (-i) и выпьем’.

- 12) šašk:oj-i   bava   a   usen-aχun   gele ne j ki
 Шашкой-GEN   отец   один   год-ABL   много=3SG=PST=COMP
 p:ur-i   tac-e ne j
 умирать-АОС   уходить-PERF=3SG=PST
 ‘Отец Шашкой уже больше года, как умер [букв. умер (-i) и ушел].’

- 13) qaj-bak-i   har t:un?
 возвращаться-LV-АОС   приходит+PERF=3PL
 ‘Они уже вернулись [букв.: возвратились (-i) и пришли]?’

Думается, впрочем, что в (11)—(13) речь идет не о двух ситуациях, пересекающихся во времени, а об одной, причем зависимый глагол лишь вносит некую характеристику ситуации, обозначенной главным глаголом. Возможность такой интерпретации подтверждается конструкциями с отрицанием. В удинском языке имеется несколько показателей отрицания с не вполне тривиальной дистрибуцией (см. частичное описание в [Майсак 2009]). В деепричастной предикации встречаются два маркера отрицания, которые имеют разные функции:

- 14) q:опав-χо   u   uk-es-t:-i   burmuχur-a   käj-i n
 гость-PL   есть-INF-CAUS-АОС   хаш-DAT   есть-AOR=2SG
 EG
 ‘Соседей не угостив [т.е. не дав им еду], ты хаш съел’. {E}

- 15) q:опав-χо   uk-es-t:-i-nut: burmuχur-a   käj-i n
 гость-PL   есть-INF-CAUS-АОС-NEG   хаш-DAT   есть-AOR=2SG
 ‘Соседей не угостив [т.е. до того, как они появились], ты хаш съел’. {E}

Если (14) легко трактуется как выражение последовательности двух ситуаций, в (15) (с суффиксальным отрицанием ‘без’), очевидно, зависимая предикация описывает лишь некоторую характеристику всей ситуации.

5. Кореферентность. В отличие от деепричастных конструкций во многих других нахско-дагестанских языках, удинские цепочечные деепричастные конструкции в значительной степени грамматикализовали требования к кореферентности. Так, следующее предложение, в которых у зависимой и главной предикаций отсутствует общий участник, признаются недопустимыми:

- 16) *doχt:ur   tac-i   χüjār-en   oIne-p-s-a
 доктор   уходить-АОС   девушка-ERG   плакать-LV-INF-DAT
 bur e q-i
 начинать=3SG=ST-AOR
 (Ожидалось: ‘Доктор ушел, и девочка начала плакать’.) {E}

Более того, неграмматичными оказываются и многие предложения, в которых имеется кореферентность участников:

- 17) *žanavar-en   mozi-n-a   car-p-i   zu   šo-t:-o
 волк-ERG   теленок-O-DAT   разрывать-LV-AOP   тот-NO-DAT
 bes iz b-i.
 убивать=1SG=LV-AOR
 (Ожидалось: ‘Волк теленка разорвал, я его убил’.) {E}

- 18) *ark:adij   kala-baj   šo-t:-o   k:ada-j   k:oj-a
 Аркадий   расти-LV+AOP   тот-NO-DAT   дядя-GEN   дом-DAT

ta t:un šer-i

уносить=3PL=ST-AOR

(Ожидалось: 'Аркадий вырос, и его отвезли к дяде'.) {E}

В действительности, в удинских цепочечных конструкциях в отношении кореферентности, как правило, могут участвовать только непереходное подлежащее (S) и эргативный агент (A) при переходном глаголе, независимо от того, в главной или зависимой предикации они находятся; ср.:

19) S=S

jan al gir-ec-i ta jan c-i
мы=ADD собираться-LV-AOC уходить=1PL=ST-AOR
'Мы собрались и пошли [на свадьбу]'.

20) A=A

eχ:t-i jaχ tāngä t:un taj
брат-LV-AOC мы:DAT деньги=3PL давать+AOR
'...они взяли и отдали деньги'.

21) S=A

gir-ec-i čoval-a šär: t:un c-i
собираться-LV-AOC воробей-DAT гнать=3PL=LV-AOR
'Собравшись, они прогнали воробья'.

22) A=S

šo:t-in äžuv-b-i t:e st:anc:i-n-a p:ap:-amun
DIST-NO-ERG сердиться-LV-AOC DIST станция-O-DAT достигать-TERM
cig e
спускаться+PERF=3SG

'Он рассердился [букв. гнев сделал] и, доехав до станции, вышел'.

Кореферентность всех прочих ролей при элицитации приводит к оценке конструкции как недопустимой. Впрочем, в корпусе текстов имеется один пример, в котором формально кореферентные участники в зависимой и главной предикациях отсутствуют вообще:

23)

išq:ar-en čara iram-ec-i, izi kala
мужчина-ERG выход иссякать-LV-AOC RFL:GEN большой
arak:-a šlam-k:-ala ne bak-i
бычок-DAT резать-LV-FUT2=3SG быть-AOR

'Мужик, не найдя выхода, решил зарезать своего большого бычка'.

При этом кореферентные участники могут быть выражены лексической именной группой или местоимением как в обеих предикациях, так и только в одной из них (причем в любой), а порою и вообще не получают выражения. В нашем корпусе, впрочем, если кореферентный участник выражается, он всегда выражается в деепричастной предикации. Возможность выразить в предикации любых участников указывает на то, что в этих случаях речь идет о полноценных предикациях, а не о глагольных группах или каких-либо еще типах составляющих помимо клаузы.

6. Подчиненность. В этом разделе будет показано, что цепочечная конструкция по большей части проявляет свойства подчинения, а не сочинения.

Иллокутивная сила. Части сочинительной конструкции, в отличие от зависимых предикаций, могут иметь собственную иллокутивную силу [Pullum 2004; Verstraete 2005]. В удинском языке у деепричастной предикации, на первый взгляд, может иметься собственная иллокутивная сила, которая, впрочем, дублируется с главного предложения.

Так, в (24) императивная конструкция, на первый взгляд, требует выполнения двух действий, а в (25) запрашивается информация как о первой, так и о второй предикации.

24) hindišk:a kâji, fi uIв-a
индюшка есть+АОС вино пить-ІМР
'Индюшку покушай, вина выпей'. {E}

25) car-ec-i bar-ala te ne ?
разрушаться-LV-АОС рассыпаться-FUT2 NEG=3SG
'Не разрушится, на части не распадется?'

Примечательно, однако, что все эти примеры содержат спаянные конструкции, в которых речь не идет о предшествовании одной ситуации другой. Исходя из этого, можно предположить, что в (24)—(25) речь фактически идет об одной ситуации, предполагающей два действия.

В этой связи примечательно, что в нашем корпусе текстов конструкция вроде (24) не встречается ни разу — вместо этого употребляется несколько императивных форм. Ср. также следующий пример, демонстрирующий, что и в такой конструкции кажущееся присвоение собственной иллокутивной силы зависимому предложению не всегда возможно:

26) fi uIв-i äraq:i a uIв-a
вино пить-АОС водка NEG пить-ІМР
'Выпив вина, водку не пей'. / *'Не пей ни вино, ни водку'. / *'Пей вино, не пей водку'. {E}

Таким образом в этом отношении цепочечная конструкция скорее показывает свойства подчинительной.

Островные ограничения и их отсутствие. Начиная с классической диссертации [Ross 1967] в литературе признается, что предикации, участвующие в сочинительной конструкции, обычно являются «синтаксическими островами»: в отношении их составляющих не работает ряд синтаксических операций — например, они не выступают в качестве мишеней релятивизации и к ним не может быть задан вопрос. (27) показывает, что главное предложение в цепочечной конструкции может содержать вопросительное слово. Это говорит в пользу того, что оно синтаксическим островом скорее не является.

27) aj kalna, jeq:-e xašIoj boç-i ja-jnak: uIq:eIn-in
VOC бабушка мясо-GEN суп варить-АОС мы-BEN кость-GEN
xašIoj he-t:-ajnak: un bar-e?
суп что-NO-BEN=2SG класть.внутри-PERF

'Бабушка, сварила суп из мяса, а нам почему налила суп из костей?'

Сложнее обстоит дело с релятивизацией. Относительные конструкции на основе участников зависимой предикации построены быть не могут. Ср. недопустимость (28):

28) *uIв-i u muIqe bak-ala fi-n-e bez
пить-АОС радостный быть-FUT2 вино-O-DAT я:GEN
p:ar:a ne häzir-b-e
отец=3SG готовить-LV-PERF

(Ожидалось: 'Вино такое, что его выпив, я радуюсь, приготовил мой отец'.)

{E}

В то же время, судя по предварительным данным, сложности вызывает и построение относительной конструкции на основе актанта главной предикации цепочечной конструкции. Так или иначе, вопрос о релятивизации требует дополнительного исследования.

Семантика вложения цепочечной конструкции. Вложение сочинительной

конструкции, очевидно, должно приводить к тому, что все участвующие в ней предикации должны иметь одинаковую семантическую функцию. Как показывает (29), для цепочечной деепричастной конструкции это, в принципе, не верно: в то время как вторая предикация ('пить водку') здесь выступает в качестве сентенциального актанта предиката 'не должен', первая не может выполнять аналогичную функцию.

- 29) fi uIv-i äräq:i uIv-sun ba te ne k-o šo
 вино пить-АОС водка пить-MSD быть=NEG=3SG=ST-POT тот+NA
 'Выпив вина, он не должен пить водку'.
 *'Он не должен пить вино и пить водку'. {E}

Следует заметить, что предложения, в которых валентность вышестоящего предиката, на первый взгляд, заполняется одновременно обоими участниками деепричастной конструкции все же встречаются; ср.:

- 30) žamaat-en bur e q-sa käj uvI-s-a
 народ-ERG начинать=3SG=LV-PRS есть+АОС пить-INF-DAT
 'Люди начинают пировать [букв.: есть и пить]'.

- 31) taran-a sa vi bijä bak-amun oc:k:-i
 живот-DAT один день вечер быть-TERM мыть-АОС
 ҳар-k:-a n gäraj.
 скрести-LV-SUBJ=2/3SG нужно
 'Желудок накануне вечером нужно помыть и вычистить'.

- 32) čur nan sa za bart-i tav-a nan?
 хотеть=2PL=LV+PRS я:DAT оставлять-АОС уходить-SUBJ=2PL
 'Хотите оставить меня и уйти?'

Такая интерпретация, впрочем, объясняется тем, что либо перед нами спаянная конструкция (30), либо выполнение действия, выраженного в «главной» предикации рассматриваемой конструкции, может имплицировать и выполнение действия, выраженного деепричастной предикацией (31); для (32) допустимы обе трактовки. Если в таком случае оба действия находятся в ассерции высказывания, эта импликация делает зависимую предикацию семантически равноправной «главной» предикации. Но если деепричастная предикация находится в пресуппозиции, данный эффект не наблюдается — так, в (33) речь не идет о желании закончить школу:

- 33) išk:ol-a k:al-p-i čärk:-i doxt:ur
 школа-DAT учиться-LV-АОС заканчивать-АОС доктор
 bak-sun ez čur-e-sa.
 быть-MSD=1SG хотеть-LV-PRS
 'Закончив школу, я хочу стать врачом'.

Анафора и кванторные группы. При сочинении предикаций кванторная именная группа может иметь в своей сфере действия только один конъюнкт и не может выступать антецедентом анафоры (местоименной или нулевой) из другого конъюнкта. Поэтому, например, русское предложение *Каждому_i вручили орден, и он_{j/*i} произнес благодарственную речь* не может иметь интерпретацию, при которой местоимение *он* связано кванторной группой — указывает на описанного в первом конъюнкте получателя ордена. Как показывает (34), в удинской цепочечной конструкции кванторная группа из зависимой предикации может связывать анафору в главной предикации, что указывает на то, что эта конструкция — подчинительная:

- 34) här boIq:-a jem tad-i iz
 каждый свинья-DAT продукты давать-АОС RFL:GEN
 ga-n-u z bad-i
 место-O-DAT=1SG проводить-AOR

‘Каждой свинье еду дав, в загон [букв.: на свое место] отвел’. {E}

Порядок слов. В сочинительных конструкциях, передающих последовательность действий, расположение предикаций в норме иконично отображает порядок ситуаций. Подчинительные конструкции, напротив, нередко иконичности не требуют. В удинской деепричастной конструкции постпозиция зависимой предикации, описывающей предшествующее действие, даже изредка встречается в текстах (35), хотя при элицитации оценивается как неестественная (36):

- 35) har-i jan här-t:-in samal leq: eIχ-t:-i
 приходить-AOR=1PL каждый-NO-ERG немного мясо брать-LV-АОС
 ‘...мы вернулись, каждый немного мяса взял’.

- 36) ^{??}k:oj-a tac-e ne äči-p-i
 дом-DAT уходить-PERF=3SG танцевать-LV-АОС
 ‘(Он) пошел домой, потанцевал’. {E}

Кроме того, подчинительные конструкции, как правило, допускают вложение зависимой предикации, то есть окружение ее материалом главной клаузы. При элицитации удинских цепочечных деепричастных конструкций подобное вложение признается невозможным (37), тем не менее в корпусе письменных текстов оно встречается (38)—(39) (см. также пример 23 выше):

- 37) [k:ada-n q:onaχ-χo ak:-i] qaj-baj
 дядя-ERG гость-PL видеть-АОС возвращаться-LV+АОС
 ta ne c-i
 уходить=3SG=ST-AOR
 *k:ada [q:onaχ-χo ak:-i] qaj-baj
 дядя гость-PL видеть-АОС возвращаться-LV+АОС
 ta ne c-i
 уходить=3SG=ST-AOR
 ‘Дядя гостей увидел и пошел назад’. {E}

- 38) murad išq:ar-en [č:äp:k:in žä tac-i] me
 Мурад мужчина-ERG тайно=АТТ уходить-АОС этот
 vološI-na χod-in tum-a cap e ne üše
 ольха-АТР дерево-GEN корень-DAT косить=3SG=LV:PRS ночью
 ‘Ночью мужик Мурад тайком пошел и расчистил место под отхой’.

- 39) t:raχt:orist:-en [lac-i] ač:I-es e b-i
 тракторист-ERG подниматься-АОС теряться-INF=3SG=LV-AOR
 t:raχt:or-a
 трактор-DAT
 ‘Тракторист залез и заглушил трактор’.

7. Выводы. Итак, цепочечная деепричастная конструкция в удинском языке по многим (хотя и не по всем) параметрам проявляет свойства подчинительной. С этим коррелирует и то, что она накладывает достаточно жесткие ограничения на кореферентность ак-

тантов в главной и зависимой предикациях: непереходный субъект или агенс при переходном глаголе одной предикации должен быть кореферентен непереходному субъекту или агенсу другой предикации.

Вовсе не характерное для эргативных нахско-дагестанских языков объединение в один класс (фактически в категорию подлежащего) непереходного субъекта и агенса переходного глагола для удинского языка не так удивительно. С этими же актантами в удинском языке происходит и согласование по лицу и числу. В отличие от многих других языков семьи [Кибрик 2003], только эти актанты выступают в качестве контролера в рефлексивной конструкции. Кроме того, сам удинский язык — несмотря на то, что он сохранил эргативный падеж — по существу эргативным не является: в канонических переходных конструкциях с референтным пациенсом именная группа последнего оформляется не подобно непереходному субъекту (как это имеет место в эргативных языках), но получает особое маркирование дательным падежом. Такая перестройка восстанавливаемой для нахско-дагестанских языков эргативной системы привела к тому, что пациент переходного глагола и непереходный субъект более не подпадают под одну категорию, и, соответственно, «открыла дорогу» к формированию категории подлежащего, аналогичной той, что наблюдается в аккумулятивных языках. Наблюдаемое в цепочечных конструкциях требование кореферентности, возможно (хотя и не обязательно), — лишь следствие этого.

Примечательно, что в ходе исследования обнаружилось, что некоторые выявленные при опросе носителей правила в текстах выполняются не всегда. Это может свидетельствовать о том, что грамматические свойства цепочечной конструкции не вполне стабильны. Возможность таких выводов лишней раз доказывает, что корпусное исследование и элицитация вовсе не противостоят друг другу, как иногда считается, но дополняют друг друга.

Сокращения в глоссах

ABL — аблативный падеж; ADD — аддитивная частица; AOC — аористная форма в деепричастной функции; AOP — аористная функция в причастной функции; AOR — аорист; ATR — атрибутивный показатель; ATT — аттенуатив; BEN — бенефактив; CAUS — каузатив; COMP — подчинительный союз; CONV — деепричастие; COP — связка; DAT — дательный падеж; ERG — эргатив; F — женский класс; FUT — будущее время; FUT2 — второе будущее время; GEN — родительный падеж; H — личность; HORT — хортатив; IMP — императив; INF — инфинитив; LV — служебный глагол; M — мужской класс; MSD — масдар; N — средний (неличный) класс; NA — номинализация (абсолютив); NEG — отрицание; NO — номинализация (косвенные формы); O — косвенная основа; PERF — перфект; PF — совершенный вид; PL — множественное число; PRET — претерит; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; RDP — редупликация; RFL — рефлексив; SG — единственное число; ST — отделенная часть лексической основы; SUBJ — конъюнктив; TERM — терминатив; VOC — вокатив.

Литература

- Казенин К.И. 2001. Деепричастные конструкции // А.Е. Кибрик и др. (ред.). Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. М.: Наследие. С. 554—594.
- Кибрик А.Е. 2003. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя.
- Ландер Ю.А. 2008. Причастные конструкции или некатегориальное подчинение // М.Е. Алексеев, Т.А. Майсак (отв. ред.). Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. М.: Academia. С. 54—95.
- Майсак Т.А. 2008. Глагольная парадигма удинского языка (ниджский диалект) // М.Е. Алексеев, Т.А. Майсак (отв. ред.). Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка. М.: Academia. С. 96—161.
- Майсак Т.А. 2009. Синтаксис и семантика в распределении показателей отрицания (на материале удинского языка) // Н.Д. Арутюнова (ред.) Логический анализ языка. Ассерция и негация. М.: Индрик. С. 480—495.
- Haspelmath M. 1995. Contextual and specialized converbs in Lezgian // M. Haspelmath,

- E. König (eds). *Converbs in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin, New York. P. 415—440.
- Pullum G.K. 2004. Clausal coordination of nonidentical illocutions // *Language Log*, March 12, 2004. [<http://itre.cis.upenn.edu/~myl/language-log/archives/000580.html>]
- Ross J.R. 1967. *Constraints on Variables in Syntax*. Ph.D. diss., MIT.
- Testelets Y.G., Kazenin K.I. 2004. Where coordination meets subordination. *Converb constructions in Tsakhur (Daghestanian)* // M. Haspelmath (ed.). *Coordinating Constructions*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. P. 227—239.
- Verstraete J.-Chr. 2005. Two types of coordination in clause combining // *Lingua*. Vol. 115. P. 611—626.

Магдилова Р.А.

КОНЦЕПТ *ДЕКЪ* «ДОРОГА» В АРЧИНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА.

(ДГУ, Махачкала)

В лингвистической науке последних лет утверждается признание, что исследование лишь формальной структуры языка и его коммуникативной функции неоправданно ограничивает реальное место языка в процессе культуросоциализации. Языковая картина мира стала одной из наиболее актуальных тем отечественного языкознания, так как язык является зеркалом культуры, отражает не только реальный мир, реальные условия жизни человека, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, традиции, обычаи, систему ценностей, видение мира.

Одна из важнейших категорий, отражающих картину мира нации - это категория пространства, ориентация, определение места человека в нем, его членение. Особое место в структуре концепта «пространство» занимает движение/перемещение в нем. В представлении о пространстве «дорога», «путь» являются его основным элементом.

Объектом настоящего исследования являются лексемы и фразеологические единицы, репрезентирующие концепт *декъ* «дорога» в арчинском языке.

В сложной многоуровневой структуре концепта *декъ* «дорога» находят отражение древние, философско-религиозные представления прямой линии, черты, ассоциативный и метафорический уровни мировидения. Основными лексическими репрезентантами концепта *декъ* «дорога» являются слова *шагъра* и близкий по смыслу заимствованная лексема *сапар* «путь». *Шагъра* дорога в арчинском языке ассоциируется с широкой главной дорогой. В древности - это широкая, большая дорога для знатных людей, дорога по которой передвигался шах. Если дорога осмысливается как весьма конкретный объект, линия, по которой перемещаются, в пределах которого совершаются какие-либо действия, то *сапар* «путь» - это чаще направление, траектория движения. Лексема *сапар* имеет более отвлеченный характер. С этим понятием в арчинском языке связано значение конца жизненного пути человека, например: *Дозуб сапарлитик ухъа* «в большой путь отправился (в значении умер)». Лексема *шагъра* в сочетании с лексемой *декъ* образует фразеологизированную единицу, имеет сочетательную связь с адъективом *гьартитуб шагъра декъ* «широкая дорога».

В картине мира арчинцев понятие дороги – *декъ* связано с богатым полисемантизмом. При репрезентации этого концепта получают отражение лучших качеств горцев, таких как гостеприимство, щедрость, коммуникабельность, приветливость.

Как мы понимаем, закрепление ассоциативных признаков в значении слова, т.е. возникновение коннотаций - процесс культурно-национальный, он не подчиняется логике здравого смысла. Почему такие качества как *щедрость*, *гостеприимство* ассоциируются с *дорогой* не совсем понятно.

На наш взгляд, в далеком прошлом для арчинцев, проживавших высоко в горах, где практически отсутствовали нормальные дороги, хорошая, широкая дорога имела большую ценность. Скорее поэтому, самое главное для жизнедеятельности человека в условиях бездорожья - *дорога* чаще всего метафоризируется, т.е. переносится на характер человека с позитивным и негативным оттенком. В таком переносе проявляется эмоциональный характер восприятия образа дороги, например: этнофразеологизмы *декъ гьартиту* означает «тот, у кого широкая дорога (= щедрый на подарки)», *Декъ гьартитур ло ди Хадижат* «Щедрая на подарки девушка есть Хадижат». Ср. в рус. яз. *широкая душа* «щедрый человек»; *декъ бехас* букв. «вернуть дорогу» (= *отблагодарить кого-нибудь*); *Декъ бехас охъит1ав аха* «Надо же пойти, чтобы вернуть дорогу (в значении *отблагодарить, вернуть долг*)», *декъ абас* «сделать дорогу» *Ненибуву декъ абас кват1* «мы тоже должны сделать дорогу (букв. *сделать подарок, отблагодарить*)»; *декъ бит1иту* «у кого нет дороги» (= *скупой, жадный человек*), *декъ бит1утут ари* «дело, в котором нет дороги» (*плохо поступить по отношению к кому-либо*).

Необходимость обозначения признака гостеприимства, который является самой яркой чертой характера горского народа, манифестируется с помощью фразеологизма с лексемой *декъ* «дорога»: *декълит абчас* «хорошо угостить, быть гостеприимным, достойно провожать».

Создание новой семьи для человека означает начало самого главного и важного этапа жизненного пути. В менталитете горцев крепкая хорошая семья имеет первостепенное значение. У арчинцев начало семейной жизни репрезентируется в благопожеланиях с данной лексемой: *дозуб декъ* «большая дорога», в связи с этим в языке возникло благопожелание *дозуб декълин т1алекмул ка* «Пусть повезет на большой дороге».

Исключительно важным концептом *декъ* «дорога» является в фольклорно-мифологической традиции. В сказках арчинцев описываются две иногда и три дороги, одна из которых правильная, но полная опасностей, другая - неправильная, но в которой много соблазна. Перед персонажем сказок всегда есть выбор. Положительный герой сказок совершает хорошие деяния и достигает желаемого результата, когда он идет по правильной дороге «*т1алитуб декълит*», отрицательный герой всегда идет по неверной дороге «*къатуб декълит*» и погибает. Также в своем жизненном пути у каждого человека всегда есть выбор, т.е. две дороги «*къвебу декъ би*» (= две дороги есть), человек сам является хозяином своей судьбы; плохая дорога, с плохими деяниями принесет ему гибель, а хорошая дорога, достойный путь даст ему славу, победу, на основе фольклора возникло ряд фразеологизмов и благопожеланий с похожей семантикой: *къвебу декъ би* «две дороги есть», *т1алитуб декълит верхъа* «иди по правильной дороге», *къатут адам декъук цархарги* (благопожелание) «пусть в твоём жизненном пути плохой человек не встретится», *декъ баккус абас* «быть предводителем», *т1алитуб декъ баккус абас* «показать верный, правильный жизненный путь», *т1алитуб декълит гьерхъас* «идти по правильной дороге»: *Т1алитуб декълит верхъ-омч1иц къаши кувшот1у* «По равильной дороге, если пойдешь не ошибешься».

Фразеологизмы арчинского языка с понятием «дорога» в большей степени связаны с общечеловеческим знанием о свойствах реалий, но учитывая, что эти фразеологизмы основаны на образно-метафорических признаках, то вполне справедливо было бы сказать, что они участвуют в формировании языковой картины мира и различаются в культурно-национальном отношении: *декъ дальи бекес* «дорогу бить» (= *ходить тяжело ступая*), *декъ басас* «дорогу держать» (= *устроить засаду*), *декъ бул1мус* «дорогу тянуть» (= *идти вперед, идти не оглядываясь*), *декъ бирккус* «дорогу искать» (= *искать выгоду*), *декъ бит1у* «дороги нет» (= *нет дела, не твое дело*), *декъ берк1ас* «дорогу собирать» (*ходить очень медленно*) и др.

В арчинском языке отмечено несколько топонимических единиц с концептом «дорога»: *Хъонуб декъ* (букв. *местность, отрезок дороги – Злая дорога*), *Гъаттиртен декъ* (букв. *дорога, по которой идет крупнорогатый скот*), *Ларгай декъ* «петляющая дорога».

Магомедов М.А.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ (МИКРОТОПОНИМА) *МАКЪАСДА*
«МАТЛАС»

(*ИЯЛИ ДНЦ РАН, Махачкала*)

Топонимия (от греч. **τόπος** – место и **όνιμα** – имя, название) – это совокупность топонимов (географических названий) какой-либо территории.

Топонимическая этимология обычно имеет дело с отысканием соответствия топониму в области нарицательной лексики и зависит от изученности словарного состава языка в его апеллятивной части, от надежности лексикологических источников.

Исходя из величины объектов, устанавливают два главных яруса топонимии:

- 1) макротопонимия – название крупных или созданных человеком объектом и политико-административных объединений
- 2) микротопонимия – индивидуализированные названия малых географических объектов, особенностей местного ландшафта.

Топонимия юго-западного Дагестана в ареале проживания аварцев, а именно Хунзахского, Унцукульского, Гумбетовского и в определенной степени Гергебильского, Шамилевского и Гунибского районов в значительной своей части составляет собственные имена, значение которых непонятно носителям аварского языка и этимологизируются при помощи материала андийских языков, а не при помощи аварского языка.

Чтобы определить происхождение топонима(микротопонима) **Макъасда** «Матласда», которое находится на территории сел. Сиух Хунзахского р-на, нужно знать, что на данной территории (как и на всей отмеченной выше) имеет место топонимия андийских языков, что подтверждается даже при поверхностном знакомстве с данными названиями. Ближайшие соседи из представителей андийских языков для данной территории – это каратинцы и ахвахцы. Значит, скорее всего, данное слово можно этимологизировать при помощи материала данных языков, хотя не всегда подобные поиски венчаются успехом. Но в каратинском находим **микъІа** (-НилІи /-лІи) *бот.* щиповник; **микъІалІи чѣ** чай из щиповника; **микъІалІи жажа** а) куст щиповника б) колючка щиповника; **микъІа бакІарилѳрульІа** собирать ягоды щиповника. В ахвахском представлена форма **микъѣ** (-НилІи / -лІи) таволга; **микъѣлІи гвиде иВе хъачІо** метлу мы делаем из таволги; *ратл.* **микъели**, *тл.* **мекъел**(ср. авар. **пенкъели** в том же значении, т.е. «таволга»).

Аблаутное чередование (чередование корневых гласных при словоизменении) широко распространено как в аварском, так и в андийских языках(напр. авар. **бетІер** «голова» мн. число **бутІрул**; ахв. I кл. **вокъІад-о** «пришел»(ед. ч.) –**бекъІ-и-д-и**(мн. ч.) и т.д.

Отсюда следует, что **Макъасда** представляет собой форму непрямой основы, которая в прямой основе должна иметь гласный **и**. На основе вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что топоним **Макъасда** означает «место, где растет таволга» (или щиповник, если судить по каратинскому языку). На самом деле, в этом месте растет данный кустарник, из которого раньше делали, в основном, ручки для плетей.

В аварской форме **пенкъели** с аналогичным значением, видимо, произошло оглушение начального **б**.

Литературы

- Абдуллаев И.Х.* К истории ойконима **Дусрах** // Дагестанская ономастика. Махачкала, 1996.
Агларов М.А. Андийцы. Махачкала, 2002.
Никонов В.А. Этнонимы // Этнонимия. М., 1970.

Магомедова Х.М.

ОБРАЗНАЯ СТРУКТУРА ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК АВАРСКОГО ЯЗЫКА.

(ИЯЛИ ДНЦ РАН, Махачкала).

Широкое применение особых выразительных средств в пословице не случайно. Пословица есть вид устной народной поэзии. Это обстоятельство заставляет некоторых лингвистов сомневаться в принадлежности пословиц к фразеологии языка. Типично в этом отношении высказывание финского языковеда Л. Хакулинена, который пишет: «Пословицы, как и загадки, являются произведениями народной поэзии и, следовательно, вообще не относятся к составным элементам самого языка».

С нашей точки зрения, пословица должна рассматриваться как в фольклоре, так и во фразеологии. К фольклору пословица относится по своему происхождению. Однако, принимая во внимание широкую употребительность пословицы, ее функционирование в словарном составе языка как одного из важных элементов эмоционально-экспрессивной речи, оценочную функцию, которая свойственна ей, как и ряду других групп идиоматики, а также и то, что пословицы каждый раз воспроизводятся в речи, а не создаются в ней вновь, будет правильным рассматривать пословицу в составе фразеологических единиц.

Пословицы представляют собой очень древний слой фразеологии. В пословицах находит обобщение жизненный и социально-исторический опыт народа; их меткость, доходчивость объясняет популярность этой группы идиоматики. Однако сфера применения пословиц, по сравнению со многими другими фразеологическими единицами, значительно уже. Связано это с тем, что пословицы как эквивалент фразы, как целое суждение с поучительным смыслом, нуждаются в соответствующем контексте, а не включаются в предложение в качестве его части как другие фразеологические группы.

Выразительной функции пословиц способствуют весьма широко используемые особые художественные средства. Этими средствами являются характерные для пословиц и поговорок краткость, образность, ритм, рифма, параллелизм.

Краткость является, как известно, важнейшим стилистическим законом пословицы. Именно краткость придает ей народность и отличает ее от сентенции, являющейся литературным вариантом пословицы. Ср., например, такие предельно краткие, меткие пословицы, которые в нескольких словах дают обобщение богатого жизненного опыта народа: *ХьуцI льяльаге!* «Не поливай болото!»; *Цеве вильа нахъеги валагье!* «Иди вперед, но и назад оглядывайся!»; *Кьолаго босе, кьабулаго льялуте!* «Дают – бери, бьют – беги!»; *КьулчIизе кIолареб жо хIанчIуге!* «Не укуси то, что не можешь проглотить!»; *Гьурул рагIале цвечIого хьитал рахъуге!* «Пока не достигнешь берега реки, не разувайся!»; *ГьацIулъе цIанги баге, цIамулъе ракъги баге!* «Не сыпь в мед соль и соль – землю»; *Гьебуда зар баге, зазида хIетIе чIоге!* «Не ударь кулаком в шило, не наступай на колючку!» и др.

Образность присуща аварским пословицам и поговоркам, хотя и не является их обязательным атрибутом. В корпусе паремий аварского языка представлены как полностью образные, частично образные, так и необразные выражения. Образный перенос может носить как метонимический, так и метафорический характер. Образные фразеологические единицы относятся к различным видам метафоры. Метафора используется для обозначения определенной совокупности речевых действий. В. Н. Телия считает, что метафора самым непосредственным образом связана с человеческим фактором: «... благодаря нему в языковых средствах запечатлевается все то национально-культурное богатство, которое накапливается языковым коллективом в процессе его исторического развития» [Телия 1983: 173].

В процессе фразеологизации пословица, во-первых, наделяется метафоричностью и резко меняет свои грамматические признаки, во-вторых, в коммуникативно-функциональном плане приобретает не свойственное породившему ее предложению побудительное или оценивающее значение.

Очевидно, сравнение и метафора не подчинены особым кодовым правилам, включая компоненты текста фразеологических единиц в синтаксические отношения «по смыслу». Конструкции текста, формально правильные, обособляются в образе-источнике и в образе-мишени, распадаясь на микротексты каждый со своим стабильным лексико-грамматическим составом.

Образный перенос в поговорках аварского языка опирается, в том числе на обозначение абстрактных понятий и человеческих отношений, наименованиями неодушевленных предметов или животных, а также на персонификацию предметов и абстрактных понятий. Компонентами образных пословиц и поговорок часто выступают зоосемические наименования, наименования предметов быта, например: *хлама* «осел» (*Хамие хIалтIи камуларо*. «Осел без работы не остается»); *кет* «кошка» (*ТечIони катиццаги хъат балеб*. «Если не оставлять в покое и кошка царапается»); *борохъ* «змея», *цер* «лиса» (*Борхъихъего шурицулев, царахъего гаргалев*. «Как змея ползущий, как лиса говорящий»); *сум* «соломинка» (*Сумал чIалу гъабуге*. «Не делай из соломинки бревна» = «не делай из мухи слона»); *хъарбуз* «арбуз» (*Цо хъатикъ кIуго хъарбуз ккоге*. «В одной руке два арбуза не держи») и т. д.

Распространенным способом создания образности в пословицах и поговорках аварского языка служит параллелизм, организующий двухчастные пословичные структуры. М. Ш. Рамазанова, исследуя фразеологию аварских народных сказок, выделяет «несколько разных видов пословиц-параллелизмов по свойствам составляющих его частей. В первом из них первая часть параллелизма представляет собой метафорическую пословицу, т. е. пословицу с образной мотивировкой общего значения; вторая часть – пословицу с прямой мотивировкой общего значения, связанной по смыслу с первой. А второй текст пословицы-параллелизма конкретизирует смысл образа» [Рамазанова 2009: 8]. Например:

Мискинлъи рогъо гуро, бечельи гъунар гуро. «Бедность не позор, богатство не подвиг»; *Жавгъар кисинибги тун, капек балагъуге!* «Оставив в кармане жемчуг, не ищи копейку!».

Выразительность и экспрессивность пословиц и поговорок усиливается наличием у многих из них фонетических и морфологических особенностей, а также специальных речевых средств организации их структуры. Одним из таких средств является рифма. Рифмующиеся компоненты, как правило, смысловые центры пословиц и поговорок, например:

УргъичIого вагъани, вагъичIого хола. «Если драться не подумав, умрешь не подравшись»; *РагIи Iарац буго, гIин тIами месед буго*. «Слово – серебро, молчание – золото»; *МальчиIеб гъабуге, гъикъичIеб бицунге!* «То, что не просят – не делай, то, что не спрашивают – не говори!» и т. д.

При исследовании паремий необходимо коснуться проблемы фразеологических синонимов, которая начинает в настоящее время привлекать все более пристальное внимание исследователей. Развитие фразеологии, как лингвистической дисциплины, должно было рано, или поздно подвести исследователей к научному обобщению явлений фразеологической синонимии и полисемии наблюдаемой в языковой практике различных языков, а также и к явлению фразеологической деривации.

До последнего времени фразеологическая синонимия, а также и полисемия аварского языка чаще всего просто фиксировались большинством фразеологических словарей аварского языка. В настоящее время делаются первые попытки проникнуть в сущность этих явлений. В первую очередь это относится к фразеологической синонимии.

Прежде всего, необходимо определить понятия фразеологического синонима, типы фразеологических синонимов, а также характерные особенности, отличающие фразеологическую синонимию от синонимии лексической.

Подобно явлению в лексике, когда два слова с различной языковой оболочкой имеют одинаковое или близкое предметно-логическое содержание, так и во фразеологии наблюдаются устойчивые словосочетания, значение которых либо полностью совпадает, либо показывает определенные семантические или стилистические оттенки. В этом легко убедиться, если сравнить, например, следующие паремиологические единицы аварского языка: *КIал богIое те!* «Рот оставь для пищи!» (в смысле : «Молчи!») = *РагIи Iарац буго, гIин тIами*

месед буго. «Слово – серебро, молчание – золото»; *МагIарда чан букIаго, чурун хьаг цIеда лъоге!* «Пока тур в горах, не ставь кастрюлю на огонь» = *Хьархьиль гIанкI букIаго, цIеда гуреги лъоге!* «Пока заяц в кустах, не ставь кастрюлю на огонь» и т.д.

Несмотря на различие образа, который лежит в основе двух последних паремий, обе они по значению совершенно одинаковы и в равной мере служат для обозначения суждения «не опережай события».

Фразеологические синонимы могут быть у всех видов экспрессивной фразеологии. Они могут быть, например, у пословиц, выражая в данном случае одинаковое суждение: *Кисса катие бахъухъ*. «Откуда кошке халва» = *КвинчIо катицца бахъухъ* «Не съела кошка халвы».

Источники фразеологических синонимов разнообразны. Подавляющее большинство их возникает в результате метафорического переосмысления свободных словосочетаний. Фразеологические единицы, возникающие в результате метафорического переосмысления свободных словосочетаний, обладают повышенной эмоциональностью, этому способствует яркая образность, присущая словосочетаниям данного вида.

Ряд пословиц и поговорок представлены в аварском языке несколькими вариантами. Вариативность – это фундаментальное свойство языковой системы, и функционирования всех единиц языка, в том числе пословиц и поговорок. Понятие варианта, как известно, опирается на философские категории общего и отдельного сущности и явления. Вариант – то отдельное, которое, кроме общего, инвариантного, содержит свойственное только ему и отличающее его от других вариантов единичное [Абрамов 2003: 197].

Языковая вариантность паремий может быть представлена на всех уровнях языка: фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом. В паремиях аварского языка представлено фонетическое, морфологическое, лексическое и комбинированное варьирование.

Наименьшее распространение в паремиях аварского языка получило фонетическое варьирование. Это объясняется самой природой литературного языка, его тенденцией сохранить чистоту своей фонетической системы от всяких «посягательств» со стороны диалектов [Гюльмагомедов 1990: 49].

Фонетические варианты обусловлены отчасти существующими в аварском языке проблемами орфографии, например: пословица: *Росольлъе унти я базарганассул гьирацца бачIунеб, я гьардухъанассул къвачIицца бачIунеб* «В село болезнь проникает или через товар торговца или через мешок попрошайки» представлена также фонетическим вариантом: *Росольлъе унти я базарганассул гьирацца бачIунеб, я гьардухъанассул къвачIицца бачIунеб*.

Морфологическое варьирование в паремиях аварского языка представлено преимущественно в именных и глагольных компонентах. Наиболее распространенный тип морфологического варьирования – это варьирование глагола-сказуемого, который может быть представлен как финитной формой, так и инфинитной (причастием), например: *Нусалда бичIиIизе ясалда абулеб*. «Чтобы невестка поняла, говорят дочери». Вариант: *Нусалда бичIиIизе ясалда абула*. *Колол гьойда хIапизе лъалареб*. «Хуторской пес не умеет лаять». Вариант: *Колол гьойда хIапизе лъаларо*. *ГьетIараб тIилалълъул битIараб рагIад букIунаро*. «Кривая палка не дает ровную (прямую) тень». Вариант: *ГьетIараб тIилалълъул битIараб рагIад букIунареб*.

Форма глагола-сказуемого может быть представлена, наряду с выше приведенными, и в цитатной форме (с частицей *-ила*), например: *Мадугъалассул хIелеку хъазлъун бихъулебила*. Варианты: *Мадугъалассул хIелеку хъазлъун бихъулеб*. *Мадугъалассул хIелеку хъазлъун бихъула*. «Соседский петух кажется гусем».

Гораздо реже среди паремий встречаются единицы, варьирующиеся в падежных формах имен, как правило, в формах локативных падежей, например: *Цо хъатикъ* (лок. 4) *кIиго хьарбуз ккоге*. Вариант: *Цо хъатиниб* (лок. 5) *кIиго хьарбуз ккоге*. «В одной руке два арбуза не держи».

Варьирование именного компонента может быть представлено субституцией слово-

форм по категории падежа (заменой формы именительного падежа формой звательного падежа), например: *Гьекьолдухъан хъизаналълье тушманав*. Вариант: *Гьекьолдухъан хъизаналълье тушман*. «Пьяница семье враг».

Варьирование именного компонента может быть представлено также разными вариантами формы одного и того же падежа, например: *Гьересси бищунго гЕмер ани, лъабго къол нухаль уна*. *Гьересси бищунго гЕмер ани, лъабго къойил нухаль уна*. «Самый длинный путь для лжи – путь длиной в три дня». *РагІалалдасса ракъан лълъикІаб* (нухлул). *РагІалдасса ракъан лълъикІаб*. «Чем окраина (край), лучше основание (у дороги).

Этот тип морфологического варьирования тесно примыкает к фонетическому варьированию, поскольку речь идет о разных фонетических вариантах морфем (алломорфах): формант родительного падежа -л (вариант -йил) *къол* = *къойил* – родит. пад. слова *къо* «день».

Во втором примере редукция представлена не в структуре морфемы, а в структуре основы слова *рагІал* «край, окраина».

Лексические варианты – это самый распространенный тип варьирования фразеологизмов. Например:

ВатІан цІунун хварав чи хабаль чІаго вукІуна. «Человек, который погиб, защищая Родину, и в могиле жив»; *ВатІан цІунун хварав чи, хварав чи гуро*. «Человек, который умер, защищая родину, вечно живой (не умирает)».

В данных паремиях при разном лексическом составе передается одна и та же семантика: «Смерть за Родину дает бессмертие».

Наблюдения показывают, что изменения лексического состава фразеологизмов различаются по следующим показателям:

а) синонимия б) антонимия в) расхождения в количестве компонентов, их «вычеркивание» в тексте фразеологических единиц.

Расширение контекста фразеологизма не всегда связано с противопоставлением, но почти всегда ведет к уточнению посессивных отношений, указывая на индивидуальную принадлежность признака.

В структурно-грамматической организации компонентов паремий аварского языка решающую роль играют слова-антонимы, например: *Бадиве веццуге, нахъасан какуге!* «В глаза не хвали, за глаза не хули!». *Щаялъе гІилла – щайго*. «Причина почему – потому»; *КІал бугев – чода, чу бугев – лъелго*. «Краснобай (языкастый) на коне, хозяин коня – пешком»; *ГІорцІарассда вакъарав лъларо*. «Сытый не знает (не понимает) голодного»; *Цояв гІорцІун веццълула, цогідав – вакъун*. «Один слеп от сытости, другой – от голода» и т. д.

Аварский язык располагает богатым выбором средств оформления антонимичных паремииологических единиц. В них всегда присутствует контраст сопоставляемых признаков. Контраст по смыслу возможен при тождестве строения пары сопоставляемых фразеологических единиц и тождестве компонентов по составу. Контраст по смыслу может быть организован с помощью отрицания, с помощью противопоставления значения лексических единиц.

Как отметил А. Г. Гюльмагомедов, лексическое варьирование фразеологизмов вызвано двумя факторами:

- 1) конкретизацией речевого оборота более абстрактного смысла;
- 2) повышением или снижением эмоциональной окрашенности фразеологических единиц, которая реализуется ситуативно.

И первый, и второй фактор лексического варьирования фразеологических единиц присутствует и в аварском языке.

Наряду с фонетическими, морфологическими, лексическими вариациями, может быть представлено также и варьирование количественно-компонентной характеристики паремий. Данный тип варьирования может быть рассмотрено как структурно- синтаксическое варьирование, поскольку речь идет об изменениях в структуре пословичного предложения. Однако ряд ученых (Н. М. Шанский, А. В. Кунин, В. Н. Телия) выделяют количественно-компонентное варьирование в самостоятельный тип фразеологического варьирования. Принято различать два вида варьирования – сокращение лексического состава в результате эл-

липсиса и расширения его за счет восполнения сокращенных структурных компонентов.

Структурные синонимы, как можно предполагать, возникают двояким путем. С одной стороны, здесь происходит совпадение в структуре двух самостоятельных фразеологических единиц, возникших независимо друг от друга. С другой стороны, в структурной синонимии наблюдается вариация внутри одной и той же фразеологической единицы.

Литература

Абрамов Б. А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков. – М., 2003.

Гюльмагомедов А. Г. Дагестанская фразеология как объект общей фразеологии (Учебно-методические материалы к спецкурсу «Актуальные проблемы общей и дагестанской фразеологии»). – Махачкала, 1990.

Рамазанова М. Ш. Фразеология аварских народных сказок: Автореф. дис ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2009.

Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1983. – С. 173-204.

Маллаева З.М.

ТИПОЛОГИЯ ДЕЙКТИЧЕСКИХ СИСТЕМ АВАРО-АНДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ.

(ИЯЛИ ДНЦ РАН, Махачкала).

В дагестанских языках Д. С. Ганенков выделяет два основных типа показателей INTER: классифицирующий и семантически мотивированный. Классифицирующий тип показателей INTER представлен среди дагестанских языков в аварском, большинстве андийских языков, в цезском и арчинском языках. В языках с классифицирующим вариантом локализации INTER «сочетаемость показателя INTER очень ограничена; она возможна только при лексемах, обозначающих аморфные массы и совокупности, и, напротив, такие лексемы сочетаются только с локализацией INTER, но не с локализацией IN. Иными словами **выбор локализации, указывающей на внутреннюю область ориентира, в этих языках действительно задается типом объекта (аморфная масса или полый контейнер)**. Ограничения здесь настолько сильны, что формы локализации INTER от названий полых контейнеров или формы локализации IN от названий аморфных веществ просто отсутствуют. Тем самым можно говорить о регулярной (и семантически мотивированной) дефектности именных парадигм» [Ганенков 2005: 16].

В аварском языке падеж интерэссив показывает нахождение предмета внутри сплошного ориентира, внутри аморфной массы. Количество слов, образующих интерэссив в аварском языке ограничено. Это слова, обозначающие:

1) сплошную массу: *хлурульль* «в пыли», *бидульль* «в крови», *ральдалльль* «в море», *глазульль* «в снегу», *рахьдалльль* «в молоке», *нахульль* «в масле», *хларцульль* «в грязи», и т.д.;

2) слова, обозначающие собирательное единство: *хьархьазульль* «в кустах», *харильль* «в траве», *кьурабалльль* «в скалах», *зазильль* «в колючках», *тлогьольль* «в цветах», *рехьальль* «в стаде», *наккдалльль* «в соломе», *росульль* «в селе», **но шагьаралда** «в городе»;

3) непредметные существительные: *макьильль* «во сне», *хлалтлульль* «в работе», *берталльль* «на свадьбе», *питнадульль* «в ссоре», *хиялалъульль* «в мысли» и т.д.;

4) названия частей тела (соматизмы): *реКельль* «в сердце», «в душе», *ботІрольль* «в голове», *гьурмалль* «в лице», *хьолболль* «в боку», *каранльль* «в груди», *чохь-ольль* «в животе», *гьаналль* «в мясе», *бидульль* «в крови», *чорхолль* «в теле» и т.д.;

5) слова, обозначающие одежду: *ратІлилль* «в одежде», *саглилль* «в шубе», *хьиталль* «в обуви», *буртинадульль* «в бурке» и т.д.

Слова, обладающие лексической семантикой времени, в форме интерэссива выражают промежуток времени, в течение которого происходило действие, например:

Дир школа бухІана сардилль кулаказ. (Р. ХІамзатов)

«Мою школу сожгли **ночью** кулаки».

Интерэссив в сочетании с некоторыми глаголами может выразить абстрактные значения: *цидалль вукІине* «быть в гневе», *унтульль загІунав* «в болезни слабый (хилый)», например:

Пикруялда кІалъани, рагІульль мекъи кколаро.

букв. «на мысли если говорить, в словах не ошибешься»

«Если говорить, поразмыслив, не ошибешься»;

ГьацІульль хІе камулареб, хІалтІульль гьалатІ камулареб.

«В меде не без воска, в работе не без ошибки».

В данных примерах имеет место метафорический перенос.

Часто в аварском языке интерэссив употребляется в идиоматических выражениях:

бидульль гьанкъизабизе «потопить в крови», *бидульль къалам ччузе* «написать от души, искренне» (букв. «обмакнуть перо в кровь»), *гІадалль жо базе* «вылететь из головы», букв. «по голове ударить»; *гІадалль магІ чІвазегІанги* «неприятно = не по душе», букв. «будто гвоздь в голову вбить»; *гІадалль тІил къабураб гІадин* «резко», «внезапно», букв. «будто по голове палкой ударили»; *рагІи ботІрольль квезе* «запомнить», «не забывать», букв. «слово в голове держать», например:

Соналдасса нахъе дур рагІуги ботІрольль ккун, тІокІаб ургьелги гьечІого ватІларшша бригадир (Ф. Галиева). «Можно подумать у бригадира нет других забот, как помнить со вчерашнего дня о твоих словах». *Бицана совет власть бидульль гьанкъизабизе вачІунаго гьесулгун ккарал захІматал рагъазул.* (ХІ. П. Парипов) «Рассказал про тяжёлые бои с ним, когда он хотел потопить в крови советскую власть».

Гьелъул тарихалда хъвана дол соназ

Хасаб тІамач васаз бидульль къалам ччун. (ГІ. Даганов)

«В ее историю в те годы

Особую строку написали ребята от души (букв. «макнув карандаш в кровь»)».

Имя существительное в интерэссиве в идиоматических выражениях, как правило, представлено соматизмом. Чаще всех соматизмов употребляется слово *раКІ* «сердце», например: *реКельль бакІ кквезе* «занимать мыли, сердце», букв. «занимать место в сердце»; *реКельль восизе* «понравиться», «приятись (быть) по душе», «приятись по сердцу», букв. «сердцем взять»; *реКельль гьиз гьечІев* «простой», «наивный», «честный», букв. «в сердце грязи не имеющий»; *реКельль илбис гьечІев* «без задних мыслей», «с открытым сердцем», букв. «в сердце дьявола не имеющий»; *реКельль кквезе* «запомнить», букв. «на сердце держать»; *реКельль къазе* «переживать», «не выходить из головы», букв. «в сердце застрять»; *реКельль нус гІадин* «как нож в сердце»; *реКельль ракъа бугев* «храбрый», «отважный», «смелый», букв. «в сердце кость имеющий»; *реКельль хеч къазе* «задеть за живое», букв. «сердце штыком проткнуть»; *реКельль чаран лъурав* «мужественный», «храбрый», «отважный», «смелый», букв. «в сердце сталь положивший». В данных идиоматических выражениях имеет место метафорический перенос, в основе абстрактных выражений лежит семантика пространственной локализации. «Такие отступления от пространственной семантики регулярно включаются в общую систему; однако есть и непредсказуемые отклонения. В этом случае локативная форма утрачивает семантическую разложимость и выступает в непространственной функции уже не как непространственное упот-

ребление данного падежа или данной локализации, а как связанное употребление обоих значений этих категорий. Такого рода идиоматические сочетания морфем приобретают особый статус и должны рассматриваться отдельно от значений пространственных падежей» [Тестелец 1981: 78].

Литература:

Ганенков Д.С. Контактные локализации в нахско-дагестанских языках и их типологические параллели: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005.

Тестелец Я. Г. О нелокативных значениях форм пространственного склонения в дагестанских языках // Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках: IX региональная научная сессия по изучению системы и истории иберийско-кавказских яз. – Тез. докл. – Махачкала, 1981. – С. 77-79.

Маллаева З.М.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНТЕРЭССИВА АВАРСКОГО ЯЗЫКА В ИДИОМАТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЯХ.

Пространство – это форма существования материи. Все, что мы видим, существует только в пространстве. Однако, в зависимости от того, что оказывается в фокусе внимания: 1) само пространство или 2) объекты в нем, различают два понимания пространства. В первом случае пространство отвлечено от человека, это классическое понимание пространства по Ньютону – мир воспринимается, как он есть, безотносительно субъективного человеческого отношения к нему.

Во втором случае пространство «одушевлено» присутствием человека – это понимание пространства по Лейбницу – в центре внимания оказывается не само пространство, а объекты в нем. Здесь, в зависимости от личностных установок человека, в центре его внимания могут оказаться разные объекты.

Восприятие ситуации в разных ракурсах зависит не только от субъективных установок человека, но и от идиоэтнических особенностей восприятия пространства. В зависимости от субъективных установок и от идиоэтнических особенностей, каждый язык располагает целым набором фонетических, морфологических, синтаксических и лексических средств, выражающих локализацию и передвижение объекта в пространстве. На лексическом уровне языка, одним из таких средств является указательное местоимение. В большинстве индоевропейских языков представлен минимальный набор указательных местоимений, который различает локализацию объекта в сфере говорящего – «это» и вне сферы говорящего – «то». Это говорящего играет в индоевропейских языках основополагающую роль.

Менее эгоцентричная дейктическая система представлена в дагестанских языках, которые представляют большой интерес с точки зрения выражения пространственной семантики указательными местоимениями. Многообразие и своеобразие указательных местоимений в дагестанских языках давно привлекали внимание лингвистов. Однако эти исследования носили характер частных проявлений специфики того или иного отдельного языка. В данной статье предполагается дать сравнительный анализ дейктических местоимений аваро-андийских языков, с точки зрения выражения ими семантики локализации объекта в пространстве относительно участников акта речи. Для наиболее адекватного описания пространственной семантики указательных местоимений

бесписьменных андийских языков нами была разработана методика выявления указательных слов по следующим параметрам:

I. Расположение объекта в пространстве относительно участников речи: 1) локализация в сфере 1 лица; 2) локализация в сфере 2 лица; 3) локализация вне сферы коммуникантов;

II. Удаленность объекта от участников речи по горизонтали:

1) вне сферы 1 лица; а) далеко от 1 лица; б) очень далеко от 1 лица;

2) вне сферы 2 лица; а) далеко от 2 лица; б) очень далеко от 2 лица;

3) вне сферы коммуникантов; а) далеко от коммуникантов; б) очень далеко от

коммуникантов;

III. Удаленность объекта от участников речи по вертикали:

1) выше 1 лица; 2) выше 2 лица; 3) выше коммуникантов; 4) выше и дальше 1 лица; 5) выше и дальше 2 лица; 6) выше и дальше коммуникантов; 7) ниже 1 лица; 8) ниже 2 лица; 9) ниже коммуникантов; 10) ниже и дальше 1 лица; 11) ниже и дальше 1 лица; 12) ниже и дальше коммуникантов;

Таким образом, теоретически возможно функционирование 24 указательных местоимений, различающих ту или иную степень удаленности объекта от коммуникантов в пространстве. Данная модель ориентирующих значений указательных местоимений была разработана на основании учета всех указательных местоимений по всем дагестанским языкам. Для каждого конкретного языка применялся метод аппликации на данную модель.

В результате анализа собранных (как методом опроса информантов-носителей языков, так и привлечением из научной литературы) указательных местоимений по всем андийским языкам выявилось следующее: 1) полная модель ориентирующих значений указательных местоимений не представлена ни в одном из аваро-андийских языков; 2) в каждом языке представлен редуцированный в той или иной степени вариант данной модели. Среди аваро-андийских языков наиболее расчлененной системой указательных местоимений располагает каратинский язык. Здесь представлено одиннадцать указательных местоимений, выражающих пространственную локализацию объекта относительно коммуникантов: 1) *hab* «этот» в сфере говорящего (1 лица), без конкретизации пространственного расположения по вертикали; 2) *hob* «тот» в сфере говорящего (2 лица), без конкретизации пространственного расположения по вертикали; 3) *hadib* «этот» в сфере говорящего (1 лица) на одинаковом уровне с коммуникантами; 4) *wudib* «тот» в сфере слушающего (2 лица) на одинаковом уровне с коммуникантами; 5) *гьальиб* «этот» в сфере говорящего (1 лица) выше коммуникантов; 6) *wul'ib* «тот» в сфере слушающего (2 лица) выше коммуникантов; 7) *hagib* «этот» в сфере говорящего (1 лица) ниже коммуникантов; 8) *wugib* «тот» в сфере слушающего (2 лица) ниже коммуникантов; 9) *hugub* «тот» ниже и дальше коммуникантов; 10) *hudub* «тот» на одинаковом уровне и дальше коммуникантов; 11) *hul'ub* «тот» выше и дальше коммуникантов.

Оба участника акта речи, как говорящий (1 лицо), так и слушающий (2 лицо), одинаково значимы для выражения семантики пространственной локализации и располагают одинаковым количеством указательных местоимений. Пространственную локализацию в сфере первого лица, т.е. говорящего выражают четыре указательных местоимения: *hab*, *hadib*, *hal'ib*, *hagib*. Общим для этих местоимений является то, что они указывают на объект, расположенный в сфере первого лица (говорящего). Различаются эти указательные местоимения тем, что выражают различное расположение по вертикали: без конкретизации, на одинаковом уровне, выше и ниже уровня говорящего, соответственно. Столько же указательных местоимений выражают пространственную локализацию в сфере второго лица (слушающего): *hob*, *wudib*, *wul'ib*, *wugib*. Их объединяет также то, что все они указывают на объект, расположенный возле второго лица и различают их различная локализация по вертикали. Объекты, расположенные вблизи коммуникантов, различают локализацию относительно участников акта речи. Объекты, удаленные от

коммуникантов, такой корреляцией не располагают, они различают локализацию только по вертикали: *hugub* «тот» ниже, *hudub* «тот» на одинаковом уровне, *hul'ub* «тот» выше.

Различное расположение возле участников акта речи передается корреляцией гласных: *-a-* – сфера говорящего; *-o-*, *-u-* – сфера слушающего.

Различная локализация по вертикали передается корреляцией согласных: *-d-* – одинаковый уровень, *-l'* – выше, *-g-* – ниже участников акта речи.

Одинаковая восьмичленная дейктическая система представлена в чамалинском, багвалинском и тиндинском языках: четырехчленная горизонтальная и четырехчленная вертикальная.

Горизонтальная система представлена двумя сферами: сферой говорящего и сферой слушающего и каждая сфера располагает двумя местоимениями, например:

чам.: в сфере говорящего – *ab* «это (рядом)», *adab* «это (вдали по горизонтали)»; в сфере слушающего – *ob* «то (рядом)», *udab* «то (вдали по горизонтали)»;

багв.: в сфере говорящего – *ab* «это (рядом)», *adab* «это (вдали по горизонтали)»; в сфере слушающего – *ob* «то (рядом)», *odob* «то (вдали по горизонтали)»;

тинд. : в сфере говорящего – *ab* «это (рядом)», *adab* «это (вдали по горизонтали)»; в сфере слушающего – *ob* «то (рядом)», *odab* «то (вдали по горизонтали)».

Вертикальная система также располагает двумя сферами, каждая из которых представлена двумя местоимениями, например:

чам.: в сфере говорящего – *azhab* «это, (ниже)», *a'lab* «это, выше»;
в сфере слушающего – *uzhab* «то (ниже)», *u'lab* «то, выше»;

багв.: в сфере говорящего – *wib* «это, (ниже)», *alhab* «это, выше»;
в сфере слушающего – *web* «то (ниже)», *olhob* «то, выше»;

тинд. : в сфере говорящего – *ag'ab* «это, (ниже)», *a'lab* «это, выше»;
в сфере слушающего – *og'ab* «то (ниже)», *o'lab* «то, выше»;

Восемь указательных местоимений, различают удаленность от 1 и 2 лица прямо по горизонтали, вниз, вверх и без конкретизации удаленности. В морфологической структуре указательных местоимений *a* выражает сферу 1 лица, *o*, *u* – сферу 2 лица; *-da-* локализацию на одинаковой плоскости с коммуникантами; *-la-* (багв. – *-lha-*) локализацию выше коммуникантов. Локализацию ниже коммуникантов выражают: *-zh-* (чам.), *-y'* (тинд.).

Указательные местоимения, выражающие локализацию объекта ниже говорящего в багвалинском языке не вписываются в общую систему и представлены коррелятами: *web* и *wib*, обнаруживая общность с каратинским языком.

Андийский, ботлихский и годоберинский языки располагают пятичленной системой указательных местоимений, такой же, как и аварский язык. Пятичленная система указательных местоимений в данных языках состоит из трехчленной горизонтальной и двучленной вертикальной. Пространственную ориентацию по горизонтали выражают указательные местоимения, передающие три степени удаленности от говорящего и слушающего: 1) в сфере говорящего: ав., ботл., годоб. *hab / ab*; анд.: *hob / honob* «это»; 2) в сфере слушающего: ав., анд., ботл., годоб. *heb* «это / то»; 3) в отдаленности как от говорящего, так и от слушающего по горизонтали: ав. *dob* (*hadab, hudub*); анд. *hedeb* (*hidib, indib, hundob*); годоб. *hadab* (*hudob*) – в скобках даются диалектные варианты.

Пространственную ориентацию по вертикали выражают указательные местоимения, передающие две степени удаленности от коммуникантов, при этом разграничение сферы говорящего и слушающего нерелевантно. Расположение объекта выше уровня коммуникантов передают указательные местоимения: ав. *lob* (*hal'ab, hol'ob*); анд. *hel'eb* (*hi(n)lib, hu(n)lob*).

Расположение объекта ниже уровня коммуникантов передают указательные местоимения: ав. годоб. *yob* (*hay'aib, ho'yob*); анд. *hegeb* (*hi(n)gib, hu(n)gob*).

В ахвахском языке, в отличие от всех аваро-андийских языков, в ауслауте указательных местоимений представлен не классно-числовой показатель, а гласный *-e*: *ha-b-e* «этот» в сфере 1 лица; *ha-b-e* «тот» (в сфере 2 лица); *hudu-b-e* «тот, дальше» и т.д.

Градация по горизонтали в ахвахском совпадает с аварским, андийским, ботлихским и годоберинским языками, и представлена тремя указательными местоимениями, т.е. различается сфера 1 лица (*ha-b-e*); сфера 2 лица (*hu-b-e*) и удаленность от коммуникантов (*hu-du-b-e*). Градация по вертикали представлена четырьмя местоимениями и различает сильную и слабую удаленность объекта от коммуникантов вверх и вниз: *hal'ebe* «то, наверху»; *hul'ube* «тот, выше»; *hagebe* «то, внизу», *hugube* «то, ниже».

Как видим, в андийских языках дейктическая система более развита, чем в аварском языке, поскольку здесь каждый уровневый член состоит из ряда единиц. Дейктическая система андийских языков менее эгоцентрична, поскольку сфера второго лица в ряде андийских языков столь же значима для выражения пространственной локализации и располагает таким же количеством указательных слов, как и сфера первого лица.

Указывая на тот или иной объект, указательные местоимения фиксируют его пространственную локализацию. Поэтому выражение пространственной локализации является общим свойством указательных местоимений. Но разные языки, даже близкородственные, обнаруживают разнообразие в выражении пространственной ориентации.

Для большинства дагестанских языков характерна пятичленная дейктическая система аварского языка с тремя указательными местоимениями горизонтальной локализации и двумя – вертикальной:

а) горизонтальная локализация:

Hab (ab) «этот» (в сфере говорящего, вдали от адресата).

Heb (eb) «этот/тот» (вдали от говорящего, в сфере адресата).

Hadab (dob) «тот» (вдали от коммуникантов, на одинаковой с ними плоскости).

б) вертикальная локализация:

Lob (hal'ab) «тот» (вдали от коммуникантов, выше их).

Yob (hay'ab) «тот» (вдали от коммуникантов, ниже их).

Указательные местоимения в аваро-андийских языках различаются не только по типу указания, но и по наличию – отсутствию объекта в поле зрения (по видимости-невидимости). Указательную функцию в структуре данных местоимений выполняет спирант *h*. Почти все указательные местоимения в андийских языках и все указательные местоимения в аварском языке представлены двумя вариантами: с элементом *h*- в структуре местоимения и без *h*-. Например, в чамалинском языке имеются следующие указательные местоимения: 1) *ab (ha^hb)* – в сфере 1 лица без конкретизации расположения по вертикали «этот»; 2) *ob (hu^h-b)* – в сфере 2 лица без конкретизации расположения по вертикали «этот / тот»; 3) *adab (ha^hda^hb)* – в сфере 1 лица на одной плоскости с ним «тот»; 4) *udab (hu^hda^h-b)* – в сфере 2 лица на одной плоскости с ним «тот»; 5) *azhab (ha^hzha^hb)* – внизу в сфере 1 лица «этот»; 6) *uzhab (hu^hzha^hb)* – внизу в сфере 2 лица «тот, ниже»; 7) *al'ab (ha^hla^hb)* – наверху в сфере 1 лица «этот, выше»; 8) *ul'ab (hu^hla^hb)* – наверху в сфере 2 лица «тот, выше». Примечательно, что во всех случаях наращения *h*- гласные в структуре указательных местоимений назализуются. Аналогичные указательные частицы в составе указательных местоимений ахвахского и каратинского языков выделяет З.М. Магомедбекова [1967: 76; 1971: 104].

Элемент *h*- выполняет указательную функцию не только в андийских языках, но и в целом ряде других языков. Так, Л.И. Жирков [1924: 134] полагает, что *h//ha* в начале указательных местоимений аварского языка *haw, hew, hayaw* «является элементом специально указательным». Как правило, указательные местоимения с элементом *h* в анлауте указывают на видимый объект, а указательные местоимения без *h* – на невидимый объект, например:

Hab «этот» (в сфере говорящего, видимый);

Ab «этот» (в сфере говорящего, невидимый);

Heb «этот / тот» (вдали по горизонтали от говорящего, в сфере слушающего, видимый);

Eb «этот / тот» (вдали по горизонтали от говорящего, в сфере слушающего, невидимый);

Hadab «тот» (вдали от говорящего и слушающего по горизонтали, видимый);

Dob «тот» (вдали от говорящего и слушающего по горизонтали, невидимый);

Ha'ab «тот» (вдали от говорящего и слушающего по вертикали, выше их, видимый);

Lob «тот» (вдали от говорящего и слушающего по вертикали, выше их, невидимый).

Hayab «тот» (вдали от говорящего и слушающего по вертикали, ниже их, видимый).

Yob «тот» (вдали от говорящего и слушающего по вертикали, выше их, невидимый).

Например: *Hab mina dir bugo*. «Этот мой дом» (букв.: «этот (близко от меня, видимый) дом мой есть»). *Heb mina dir guro*. «Это не мой дом» (букв.: «этот / тот (дальше от меня по горизонтали, близко к адресату, видимый) дом не мой есть»). *Lob mina dir wasasul bugo*. «Это дом моего сына» (букв.: «этот (вертикально отдаленный от меня и адресата, выше нас, невидимый) дом моего сына есть»). *Hayab mina dir inssul bugo*. «Это дом моего отца» (букв.: «этот (вертикально отдаленный от меня и адресата, ниже нас, видимый) дом моего отца есть»). Когда в контексте речи безразлично пространственное расположение предмета, то обычно употребляются видимые и «нейтральные» указательные местоимения: *hab, heb, dob, yob, lob*.

Очевидно, указательные местоимения со спирантом *h* исторически возникли раньше. Обусловлено это, на наш взгляд, тем обстоятельством, что пространственная дифференциация первоначально была бы просто невозможна без наличия предмета в поле зрения. Ориентации человека в окружающем его в реальном мире осуществляется через глаза. Именно в зрительном восприятии отражается удалённость и протяженность предметов, которые подлежат к языковому выражению. И, наверное, уже потом, при появлении способности к абстрагированию, возникли соответствующие местоимения без спиранта *h* местоимения, указывающие на предмет, находящийся вне поля чувственного восприятия.

Наречия места также передают все выше упомянутые семантические оттенки пространственной локализации, поскольку они образованы от соответствующих указательных местоимений, ср. ав.: *hab* > *hanib* «здесь» (в сфере говорящего); *heb* > *henib* «здесь» (в сфере адресата); *dob* > *doba* «там» (вдали от говорящего и адресата, на одной плоскости с ними); *lob* > *loba* «там» (вдали от говорящего и адресата, выше от них); *yob* > *yoba* «там» (вдали от говорящего и адресата, ниже от них).

Чамалинский язык обнаруживает самую богатую (среди аваро-андийских языков) систему форм местоименных наречий, выражающих локализацию и двигательные значения объекта относительно дейктического центра. Количество местоименных наречий по диалектам чамалинского языка колеблется от тринадцати до пятнадцати (для сравнения: в аварском таких наречий – пять), например: 1) *a^h* (All. *aal, aaj*, El. *aanoo*) «здесь (вообще) (в сфере говорящего)»; данному наречию гакваринского диалекта в гигатлинском соответствует наречие *hanna*; 2) *ak,aa^h* (All. *a'la, a'al*; El. *ak,ano*) «здесь (в сфере первого лица, в непосредственной близости от него)»; 3) *ada^h* (All. *adi, adal*; El. *adanoo*) «здесь (в сфере 1 лица, на одной плоскости с собеседником)»; 4) *adak,a^h* (All. *ada'la, ada'al*; El. *adanoo*) «здесь (в конкретном месте, в сфере 1 лица, на одной плоскости с собеседником)»; 5) *azha^h* (All. *azhi, azhal* El. *azhanoo*) «здесь (вообще, в сфере 1 лица, ниже собеседников); 6) *azhk,a^h \ azhak,a^h* (All. *azha'la, aschl'al*; El. *azhk,anoo*) «здесь (в конкретном месте, в сфере 1 лица, ниже собеседников)»; 7) *al'k,a^h \ al'ak,a^h* (All. *al'al'a, al'al'al*; El. *al'k,anoo*) «здесь (в конкретном месте, в сфере 1 лица, выше собеседников)»; 8) *u^h* (All. *ooj, ool*; El. *unoo*) «там (вообще), в сфере 2 лица»; (гигатлинский диалект – *hunna*); 9) *ok,a^h* (All. *o'la, o'al*; El. *ok,anoo*) «там (в конкретном месте, в сфере 2 лица)»; 10) *uda^h* (All. *udi, uddal*; El. *udanoo*) «там (вообще, в сфере 2 лица, на одной плоскости с собеседниками)»; (гигатлинский

диалект – *hudanna*); 11) *ud(a)k,a^h* (All. *udl'a, udl'al*; El. *udk,anoo*) «там (в конкретном месте, в сфере 2 лица, на одной плоскости с собеседниками)»; 12) *uzh(a)k,a^h* (All. *usch'l'a, uschl'al*; El. *uzhk,anoo*) «там (в конкретном месте, в сфере 2 лица, ниже собеседников)»; 13) *ul'a^h* (All. *uli, ul'al*; El. *ulanoo*) «там (вообще, в сфере 2 лица, выше собеседников)»; 14) *ul'(a)k,a^h* (All. *ul'a'l'a, ul'a'l'al*; El. *ul'k,anoo*) «там (в конкретном месте, в сфере 2 лица, выше собеседников)» [см. Магомедова 1990: 101-102].

Это только наречия в форме локатива. Каждая из этих форм образует также формы направительного и исходного значений, передающих двигательные значения объекта, т.е. количество местоименных наречий, включая ориентирующие значения, доходит до сорока пяти.

В целом во всех аваро-андийских языках в системе наречий представлены следующие концепты локализации: 1. Локализация «близко от говорящего» – представлена во всех аваро-андийских языках; 2. Локализация «близко от адресата» – представлена во всех аваро-андийских языках; 3. Локализация «далеко от говорящего по горизонтали» – представлена во всех аваро-андийских языках; 4. Локализация «далеко от адресата по горизонтали» – представлена в чамалинском и каратинском языках; 5. Локализация «выше говорящего» – представлена во всех аваро-андийских языках; 6. Локализация «выше адресата» – представлена в чамалинском и каратинском языках; 7. Локализация «выше ориентира» – представлена во всех аваро-андийских языках; 8. Локализация «на, над ориентиром» – представлена во всех аваро-андийских языках; 9. Локализация «ниже ориентира» – представлена во всех аваро-андийских языках; 10. Локализация «под ориентиром» – представлена во всех аваро-андийских языках; 11. Локализация «перед ориентиром» – представлена во всех аваро-андийских языках; 12. Локализация «за ориентиром» – представлена во всех аваро-андийских языках; 13. Локализация «внутри ориентира» – представлена во всех аваро-андийских языках; 14. Локализация «вне ориентира» – представлена во всех аваро-андийских языках; 15. Локализация «в центре ориентира» – представлена во всех аваро-андийских языках; 16. Локализация «на периферии, на краю ориентира» – представлена во всех аваро-андийских языках; 17. Локализация «рядом с ориентиром» – представлена во всех аваро-андийских языках; 18. Локализация «далеко от ориентира» – представлена во всех аваро-андийских языках; 19. Локализация «вокруг ориентира» – представлена во всех аваро-андийских языках; 20. Локализация «между двумя ориентирами» – представлена во всех аваро-андийских языках.

Кроме семантики локализации объекта относительно ориентира, действительные наречия выражают также следующие двигательные (ориентирующие) значения: а) приближение объекта к той или иной точке на поверхности ориентира; б) удаление объекта с соответствующей точки ориентира; в) приближение в сторону той точки локализации объекта на ориентире; г) удаление со стороны локализации объекта на ориентире; д) движение через точку локализации объекта на ориентире.

Следовательно, все концепты локализации могут увеличиться от трех до пяти раз (в зависимости от представленности той или иной семантики в языке).

Система наречий во всех аваро-андийских языках, соответствует системе указательных местоимений, т.е. они обнаруживают не только материальную (общность основ), но и семантическую общность.

Систематизация пространственных (локализация и ориентация) значений, выражаемых наречиями, выявляет строгую бинарную лексико-семантическую оппозицию: «здесь – там»; «над – под»; «внутри – вне», «впереди – позади», «рядом – вдали», «выше – ниже», «близко – далеко», «приближение – удаление» и т.д.

Исследование вопросов выражения семантики пространства указательными местоимениями дагестанских языков (особенно бесписьменных) актуально не только потому, что здесь представлены многочисленные и разнообразные действительные системы, но и потому, что носители этих языков (число которых постоянно уменьшается), покинув родные села в горах и, переехав в города, перестают различать градацию указательных слов по

вертикали. Они пользуются преимущественно указательными местоимениями с семантикой «этот» и «тот». Этот факт обычно рассматривается как дополнительный аргумент в пользу признания мнения об обусловленности семантической специфики указательных местоимений, дифференцированно выражающих разноплановость пространственных направлений, ландшафтом места проживания носителей этих языков. Хотя не менее важным фактором является, на наш взгляд, и влияние русского языка, который не различает такой градации в семантике указательных местоимений.

Литература

1. Жирков Л.И. Грамматика аварского языка. – М., 1924.
2. Магомедова П.Т. К характеристике дейктических систем чамалинского языка // Выражение пространственных отношений в языках Дагестана. – Махачкала, 1990 – С. 100-108.
3. Магомедова П.Т. Чамалинский язык // Языки Дагестана. – Махачкала-Москва, 2000 – С. 468-480.
4. Магомедбекова З.М. Ахвахский язык. – Тбилиси, 1967.
5. Магомедбекова З.М. Каратинский язык. – Тбилиси, 1971.
6. Церцвадзе И.И. Андийский язык. – Тбилиси: Изд-во АН ГССР

Жереми Паскерио

НЕПРОСТРАНСТВЕННЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПАДЕЖЕЙ В КАРАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

(Лионский Университет, Франция)

0. Введение

Настоящий доклад является частью исследования употреблений пространственных падежей (Pasquereau: 2010) в каратинском языке (андийский). Здесь мы обращаем внимание на непространственные употребления, т.е. метафорические и грамматические. Следует уточнить, что временные употребления не приняты во внимание в силу того, что либо метафора легко выводится, либо лексикализация не допускает такого вывода. В соответствии с решениями, принятыми в (Pasquereau : 2010), термин «конфигурация» определяет значения, выражаемые разными сериями пространственных падежей, т.е. отношение между ориентиром и объектом. Сокращение «CGF» обозначает соответствующие показатели. Хотя каждая серия обычно названа и обращена согласно своего исходного (реконструированного) значения (КОНТ, ИНТЕР, СУБ, ...), здесь предпочтительны более нейтральные названия. Мы показали, что одна серия обычно использована для кодирования разных конфигураций: например CFG₅ –хь- обозначает пространственные конфигурации, которые в (Тестелец: 1980) относятся к категориям, описанным следующими сокращениями : ДИС, АПУД, ПОС₁, ПОС₂ и ПОСТ.

В целом каратинский язык имеет восемь показателей конфигурации и три пространственных падежа. Оба типа показателя свободно сочетаются хотя есть и несколько ограничений: у CFG₁ и CFG₅ нет формы аллатива, у CFG₄ нет ни локатива, ни эллатива.

	CFG ₁	CFG ₂	CFG ₃	CFG ₄	CFG ₅	CFG ₆	CFG ₇	CFG ₈
LOC	-чІо	-кьІа	-а	X	-хъ	-и	-лїи	-кьи
ALL	X	-кьІа-р	-а-р	-ха-р-	X	-и-р	-лїи-р	-кьи-р
ABL	-чІо-гал	-кьІа-гал	-а-гал	X	-хьи-гал	-и-гал	-лїи-гал	-кьи-гал

1. CFG₁ - чІо-

1.1. Этот показатель задаёт обладание:

- локативный падеж обозначает настоящего посессора.
- элативный падеж обозначает исходного посессора, « ретроспективного посессора» (Кибрик: 2001, 227).

- (1) ди-чІо гІарсе б-икІ-о-хорор
ден-а гьа-б хьване
1sg₀-CFG₁[LOC] деньги N-быть-PF_PTCP-COND 1sg-ERG
DEM-N конь
б-агь-ас б-икІва
N- покупать-FUT N-быть[PF]
Если б у меня были деньги я купил бы эту лошадь.

- (2) вугу-щү-чІо-гал б-эхьв-а дий-а
гІарсе
DEM-M₀-CFG₁-ABL N-приходить-PF 1sg₀-DAT деньги
От него получил я деньги.

1.2. CFG₁ также используется в специфической андийским языкам конструкции: конструкции с « внешним посессором » (Ганенков : 2005, 200).

- (3) чами цїайрекварол идаб бищди-чІо
гьан-лїи?
сколько хозяйство₀:INT COP:N POS.2pl₀-CFG₁[LOC] село₀-CFG₇[LOC]
Сколько хозяйств в вашем селе ?

1.3. Локатив этой серии имеет другие употребления, относящиеся к личной сфере участника. Этим участником является:

- лицо или объект мира, к которому приписывается свойство, черта характера.

- (4) суле гьачле ду-чІо
совесть COP;NEG 2sg₀-CFG₁[LOC]
Нет у тебя совести.

- одушевлённый участник прицелён предметом.

- (5) печил хIава̄ ди-чIо
 печь:ERG жечь[PF] 1sg₀-CFG₁[LOC]
Печь обожгла меня.

- одушевлённый участник, заражённый болезнью.

- (6) ди-чIо х̄варх̄вал ид̄йа
1sg₀-CFG₁[LOC] насморк СОР
Я страдаю насморком.

1.4. Элатив употребляется для кодирования:

- агенса, ответственность которого минимизируется («The Involuntary agent construction» (Haspelmath : 1993, 291)). Смотрите раздел «Агентивные употребления: конструкция с ненамеренным агенсом» в (Ганенков: 2005, 214) для обширного описания семантики этого употребления.

- (7) чорпа хиги бих̄у ди-чIо-гал
 суп сзади N:оставаться:PF 1sg₀-CFG₁-ABL
У меня (в тарелке) остался суп.

- (8) кекъемхва бахъе^h ди-чIо-гал
 гьоб а^hльер
 говорить:N:PF_CVB вырваться:PF 1sg₀-CFG₁-ABL DEM:N слово
У меня вырвалось это слово.

- источника информации при глаголах, выражающих разглашение информации (х̄а̄ль̄а «просить», б̄ӣа̄ль̄а «знать»).

- (9) дийа гийе^hчIе гьощу-чIо-гал х̄а̄ль̄а
 1sg:DAT сметь:PF:NEG DEM:M -CFG -ABL просить:INF
Я не посмел у него попросить.

- темы при глаголах речи и ментального состояния. (Ганенков: 2005, 212)

- (10) ди-чIо ка̄а-гал х̄абар ит̄йа ид̄йа
1sg₀-CFG₁[LOC] он-ABL слух пускать:PF СОР
Обо мне пустили слух.

- нежелательного участника ситуации при глаголах вида б̄а̄ль̄г̄ва̄ль̄а «утаивать», б̄екъе̄щ̄а̄ль̄а «прятать» и т.д. Ганенков (2005, 210) отмечает, что «Локализация КОНТ в соответствии со своей пространственной семантикой используется для обозначения нежелательного участника в тех случаях, когда речь идёт об избежании контакта между объектом и ориентиром».

3.1. Показатель –а- присоединяется к абстрактным ориентирам, обозначающим деятельность, душевное состояние, которое референт номинативной имённой группы:

- испытывает (LOC).
- испытает (ALL).
- испытал (ABL).

(15) хьогьоб   бетГерахъй-а   идйа   гьобай
 хороший:N   жизнь₀-CFG₃[LOC]   COP   DEM:H⁺
Они хорошо живут.

(16) риша^Hхъерв-а-р   гГедегГайхва   идйа ден
работа₀-CFG₃-ALL   спешить:PF_CVB\F   COP   1sg
Я спешу на работу.

(17) сапарй-а-гал   бачГуда   бахъва
поездка₀-CFG₃-ABL   Н⁺:пусто   Н⁺:приходить:PF
Из поездки вернулись пустые.

3.2. Показатель –а- также используется для кодирования образа действия.

(18) лазатй-а   цГаре зарагъуб   лъе^Hй
удовольство₀-CFG₃[LOC]   пить:PF   холодный:N   вода
С удовольствием выпил холодной воды.

3.3. Аллатив этой серии ещё имеет следующие употребления, в частности:

- цель поиска.

(19) ищи   х̄йх̄ицв-а-р   баъа^H
 1pl   шишки₀-CFG₃-ALL   N:ходить[PF]
Мы ходили за шишками.

- адресат речи.

(20) ден-а бас-ан   гьО-щв-а-р
 1sg-ERG   рассказывать-PF   DEM-M₀-CFG₃-ALL
Я рассказал ему.

- результат превращения.

(21) миса   петерй-а-р   с̄орабхва
 идйа
 дом   постоялый двор₀-CFG₃-ALL   вращаться:N:PF_CVB   COP
Дом превратили в постоянный двор.

3.4. Эллатив этой серии используется в ряде более или менее ожидаемых случаев:

- причина или источник проявления абстрактных понятий (ощущения, мысленные и социальные представления, ...).

- (22) цеб анл̄г̄ерв-а-гал байбих̄б̄ ищиб даг̄ба
 один:N слово -CFG -ABL начинать[PF] 1pl:N ссора
С одного слова началась наша ссора.

- медиатив (с помощью чего).

- (23) рел̄г̄ерв-а-гал ид̄я д̄йя г̄угуй
 походка -CFG -ABL COP 1sg :DAT DEM:F
Я её узнал по походке.

3.5. Эллотив серии на –а- является возможным средством кодирования эталона сравнения при сравнительных конструкциях (см. 1.5.).

- (24) г̄ач̄вада решин̄л̄г̄ил г̄ьрк̄ланв ид̄я г̄ьов д̄ий-а-гал
 девять год:N :ERG старше:M COP
 DEM:M 1sg -CFG -ABL
Он старше меня на девять лет.

3.6. Глагол *к̄ьорал̄ьа* управляет дативом но в следующем примере, он управляет аллативной формой серии на –а-.

- (25) дува̄-р мик̄и г̄еделал к̄ьорас̄
 2sg :CFG -ALL немного вещь:Q хотеть:FUT
Мало ли чего ты пожелаешь ?

Конечно, этот показатель имеет ещё другие употребления, и в этом коротком докладе мы решили не показывать те, которые сильно связаны с моделями управления глаголами.

4. CFG₄ – ха-

Эта конфигурация кодирует цель, т.е. участника, который не является пациентом, но к которому направляется действие другого участника. Точнее, этот показатель кодирует, что цель действия является:

- одушевлённым участником которому передаётся обладание.

- (26) ди-ха-р х̄ввани б̄-ек̄-а
 1sg-CFG₄-ALL лошадь N-давать-IMP
Дай мне лошадь.

- реципиентом.

- (27) ден-а ва̄ц̄о-ха-р каг̄ьат х̄вар-е
 1sg -ERG брат -CFG -ALL письмо писать-PF
Я написал брату письмо.

- лицом, на которого обращено внимание.

- (28) цей йашел̄ьи-ха-р хийал бикIва
 один:F девушка:F -CFG -ALL увлечение N:быть[PF]
Он был увлечен одной девушкой.
 - экспериенцером.

- (29) с̄имилолI рокьIар х̄аре гьошу-ха-р
 желудок:GEN болезнь подниматься:PF DEM:M -CFG -ALL
Он заразился брюшным тифом.

5. CFG₅ – хь-

5.1. Локатив этой серии употребляется для того, чтобы:

- маркировать объект, получаемый вместо другого, «обменный эквивалент» по словам Даниэля (Кибрик: 2001, 223). Тот же показатель существует в ахвахском и задаёт это значение (Creissels: 2009, 25).

- (30) хьвани-хь ичва хис̄ал̄ьа
лошадь-CFG [LOC] кобыла обменивать:INF
Обменять кобылу за коня.

- (31) вашашул бичIа̄б машина-хь ден гьерцIал̄ьа
 мальчик:M :ERG N:ломать;PF_PTCP:N машина-CFG [LOC] 1sg возмещать
 воқ̄у
 M:должен:PF
Мне пришлось возместить машину, которую сын испортил.

- кодировать посессор.

- (32) месдо-хь кьани гIарсе ида
Месдо-CFG [LOC] много денги COP
У Меседа много денег.

5.2. CFG₅ задаёт цель «при глаголах активного чувственного восприятия и активной интеллектуальной деятельности» (Тестелец: 1980, 47). Типично используются в этом контексте глаголы: *бокIал̄ьа* «смотреть на X», *рокьи бек̄вал̄ьа* «влюбляться в X» (букв. найти любовь), *бека^hл̄ьа* «ждать X», *урх̄ьал̄ьа* «скушаться по X» и т.д.

- (33) рақIва цIагьида ид̄яа диб гьугушо-хь
 сердце гореть:IPF COP 1sg0[GEN]:N DEM:M₀-CFG₅[LOC]
У меня душа болит за него.

- (34) ден гьинда-гIаги месдо-хь вокинда
 1sg когда-INDEF Месдо-CFG [LOC] M:смотреть:IPF

Я всегда смотрю на Меседо.

6. CFG - и-

Мы не нашли никаких примеров этого показателя с непространственным значением.

7. CFG - ли-

7.1. Эта серия используется метафорически в следующих случаях:

- ориентируемый объект - пребывает в каком-то состоянии (LOC).

- скоро

найдётся в нём (ALL).

(35) макьу-ли ден ерта^нтидйа вукIуда
 сон-CFG [LOC] 1sg летать:IPF M:быть:IPF
Во сне я часто летаю.

(36) миса гедайгил шураб гьанеда гваьи-ли-р
 бакIара
 дом строить:IPF:SPCVB все:N село:INTS помощь-CFG -ALL собираться[PF]
 бикIва
 N:быть[PF]
Во время строительства дома всем селом собрались на помощь.

- ориентируемый объект принимает участие в какой-то ситуации.

(37) гьов льябда рагьи-ли рагьеда
 вукIа
 DEM:M три война -CFG [LOC] воевать:IPF M:быть[PF]
Он участвовал в трёх войнах.

7.2. Локатив этой серии также используется в ряде примеров для обозначения:

- точки попадания двигающегося предмета о неодушевлённый ориентир.

(38) дена дучIo гьадоъа-ли анча
 торчIанс̄
 1sg:ERG 2sg :CFG [LOC] голова-CFG [LOC] камень уда-
 рять:FUT
Я тебя ударю камнем по голове.

- один из элементов умножения.

(39) боъода-ли и^нштуда кьабайбар кIийацIада
 бикIуда

четыре-CFG [LOC]   пять   умножать:COND   двадцать
 N:быть:IPF
Если четыре умножить на пять, будет двадцать.

8. CFG - кьи-

Непространственное употребление этой конфигурации задаёт ситуацию, в которой ориентируемый объект находится под господством кого-то, или под влиянием какого-то душевного состояния.

(40) с̄ими-кьи   вуса   вукахорор
 г̄а^нк̄а̄с̄   вука
гнев-CFG [LOC]   M:находиться:PF   M:быть:IRRCOND   душисть:FUT
 M:быть[PF]
Если бы попался под горячую руку, задушил бы.

(41) г̄ов   дич̄о   х̄ьату-кьи   ид̄я
 DEM:M   1sg :CFG [LOC]   рука-CFG₇[LOC]   COP
Он у меня в руках.

9. Заключение

И так мы показали, что шесть (из восьми) показателей имеют продуктивные «абстрактные» употребления. Значение выводится более или менее легко в зависимости от того, где находится употребление на метафорическом масштабе. Это исследование утверждает значительность этого аспекта непространственных падежей, который был замечен в других дагестанских языках.

Литература

Creissels, D. 2009. *Non-spatial functions of spatial forms in Northern Akhvakh*. Presentation given at a workshop in Helsinki.

Haspelmath, M. 1993. *A Grammar of Lezgian*. Berlin, New-York: Mouton de Gruyter.

Kibrik, A.E (ed). 1996. *Godoberi*. Newcastle: Lincom Europa.

Pasquereau, J. 2010. *Spatial forms of nouns in Karata: spatial and non-spatial uses*. Master's thesis.

Кибрик, А.Е. (р.с.). 2001. *Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари*. Москва: Наследие.

Ганенков, Д.С. 2005. *Контактные локализации в нахско дагестанских языках и их типологические параллели*. Московский государственный университет.

Магомедбекова, З.М. et al. 1971. *Каратинский язык : грамматический анализ, тексты, словарь*. Тбилиси: Мецниереба.

Магомедова, П.Т. Халидова, Р.Ш. 2001. *Каратинско-русский словарь*. Санкт-Петербург ; Махачкала.

Тестелец, Я.Г. 1980. *Именные локативные формы в дагестанских языках*. Московский государственный университет.

Саидова П.А

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКИ АВАРО-АНДИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

(ИЯЛИ ДНЦ РАН, Махачкала)

Обособление аварского языка с его многочисленными диалектами и говорами и родственных языков андийской и цезской подгруппы, их дифференциация является результатом распада одной более или менее однородной языковой единицы. Анализ лексико-грамматической системы позволяет выделить эпоху общности языков аваро-андо-цезской группы.

Словарный состав каждой подгруппы языков, являясь в основе своей более или менее однородным, в дальнейшем претерпел значительные изменения.

Сопоставительного и сравнительно-исторического характера в плане установления звукосоответствий и некоторых фонетических явлений в подгруппе андийских языков сравнении с некоторыми аварскими формами нашли свое освещение в известных работах Т.Е. Гудава и Ш.И. Микаилова.

Наше исследование предполагает подробное сравнительное исследование лексики восьми андийских языков и аварского языка с данными всех его диалектов и говоров, составляющих более тридцати языковых единиц.

Языки андийской подгруппы сохранили больше сходства с аварским языком, нежели цезские языки.

С этой точки зрения интерес представляет выделение собственно андийского, собственно аварского и общеаваро-андийского словарного фонда.

Сопоставительная характеристика лексического материала языков андийской подгруппы и аварского языка с привлечением данных диалектов позволяет установить общий аваро-андийский лексический фонд, который является наиболее древним пластом словаря эпохи аваро-андийской общности. Нередко древние формы, утерянные современным аварским языком, сохранились в его диалектах и в языках андийской подгруппы.

Общий лексический фонд включает в себя слова, обозначающие жизненно-важные понятия, как части тела, названия животного мира, термины, выражающие родственные отношения и др.

В ряде случаев наблюдается частичное или полное переосмысление лексических единиц, в результате чего образовались семантические варианты. Например: слово **кара** в андийских языках обозначает – «волос», а в некоторых диалектах аварского языка это – «чуб».

Аварское **рисскІи, рисси** «пищевод» в ботлихском **ресси**, в каратинском **рассел** означает «горло». Аварское **рачІчІ** «хвост» отождествляется с названием грубого волоса, шерсти, а в его диалектах и во всех языках андийской подгруппы представлена другая основа – **магъ, мигъе**. В анцухском и закатльскоам диалектах аварского языка слова **маль, мат, махъ** обозначает – «копыта». Во всех остальных диалектах и андийских языках это название ногтя. Перенос этих названий для обозначения копыта – вторично.

Слово **риха** «овца» представлено только в андийских языках. В аварском корневая основа сохранилась в выражении **рихада ине** «пасти» (не только овец). Можно предположить, что аварское **рехъен** (диал. **рехъин, рихен, рехен, рехем**) «отара, стадо мелкого рогатого скота» образовано от первоосновы **риха**.

Аналогичных примеров можно привести множество.

Наблюдения над частью лексики, касающейся частей тела человека, позволили выделить пласт собственно андийского словарного фонда, куда относятся следующие названия:

живот – *тинд., чам., ххи^нта, багв., кар. бакІвал, ахв., ботл. река, год. рекя, анд. рика, река, гъвагъвачи;*

кровь – *ботл.*, *год.* **гъири**, *анд.* **гъин**, **гъини**, *кар.* **гъери**, **гъини**, *ахв.* **гъини**, *багв.* **гъер**, *тинд.* **гъери**, *чам.* **гъири**, **эй**, **Ў**;

легкие – *чам.* **хусси**, **хунссир**, **хунсси**, *багв.* **гъунссер**, *тинд.* **Ххунссар**, **ххвинссар**, **ххвинссир**, *кар.* **хъунссер**, **хӀуннцир**, *ахв.* **хху"ссе**, *ботл.* **хъунссир**, *год.* **ххунссир**;

нога – *багв.* **ква"ща**, **щункӀа**, **сӀсӀикӀа**, *тинд.* **бегвалӀи**, **беголӀ**, **ква"ща**, *чам.* **ква"сса**, **гъаб**, **гъабу**, **коша**, *кар.* **цӀцӀекӀа**, **щункӀа**, *ахв.* **цӀцӀекӀа**, *ботл.* **цӀекӀа**, *анд.* **чукӀа**, **чӀекӀа**, *год.* **щункӀа**;

рука (кисть) – *ботл.* **реъа**, *анд.* **рела**, **рикъӀа**, **рекӀа**, *кар.* **рел'а**, **рекъӀа**, *ахв.* **рекъӀа**, *багв.* **рела**, **лела**, *тинд.* **рела**, *чам.* **йела**, **рела**, *год.* **лела** и др.

К аваро-андийскому лексическому пласту относятся такие слова, как, например:

бровь – *ав.* **къенссер**, **кӀ'ессер**, **кк'ессер**, **къинсир**, **эсер**, *анд.* **къӀенци**, **къӀенссири**, **ленссиб**, *ахв.* **къессе**, **къӀессер**, *ботл.* **къинссир**, *багв.* **къессем**, *год.* **къинссир**, *кар.* **къибсер**, **къинссер**, **эллх**, *тинд.* **къенссер**, **арахун**, **алахвин**, *чам.* **къессал**;

зуб (коренной) – *ав.* **гӀус**, **гӀесо**, **гӀуш**, **гӀисо**, **гӀос**, *ахв.* **ису**, **гъвецӀци**, *багв.* **ису**, **исв**, **салв**, *год.* **сукӀи**, *кар.* **ису**, **иси**, **сакъу**, *тинд.* **кожу**, **салу**, *чам.* **кож**, **салв**, **хваб**;

ноготь – *ав.* **маль**, **малгъ**, **мал**, **мат**, **махъ'**, **маш**, *анд.* **мулъа**, *ахв.* **милӀо**, *багв.* **мулъ**, **милгъв**, **нигъв**, *год.* **лъумул**, *кар.* **мулъу**, *тинд.* **милъу**, *чам.* **маль**, **лъум**, **лъу"й**;

нос – *ав.* **мегӀер**, **шумуш**, **хумех**, **хонех**, **щущикъалал**, **шумеш**, **хамах**, **ххумахх**, **гъумух**, **гъумуш**, *анд.* **магъар**, *ахв.* **мигӀа**, *багв.* **мегӀер**, **мигӀар**, *кар.*, *год.* **мигӀар**, *тинд.* **мийар**, *чам.* **мӀй**, **мара**;

лоб – *ав.* **нодо**, *анд.* **гъонно**, *ахв.* **нидо**, *багв.* **гъандв**, **гъакъа**, *ботл.* **гъанда**, *год.* **гъанла**, *кар.* **гъандо**, **гъа"ду**, *тинд.* **гъакъа**, **акъа**, *чам.* **гъакъа**, **гъакъ** и многие другие.

Приведем несколько примеров из собственно аварского пласта лексики: живот – **чехъ**, затылок – **гъванща**, **гъвансса**, кровь – **би**, локоть – **гӀукӀрукъ**, **гъино**, **гъодомекъел**, **зиникӀ**, **зокӀно**, губе – **кӀветӀ**, **кӀотӀ**, **кӀетӀ**, глаз – **бер** и т.д.

Подробный перечень пластов лексики аваро-андийского, собственно андийского и собственно аварского уровней будет представлен в последующих публикациях. Данное сообщение только коснулось этой важной проблемы и наметило параметры предстоящих исследований.

Сиражудинов Р. М.

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДОБЕРИНСКОМ ЯЗЫКЕ

(ДГУ, Махачкала)

Парадигма в широком смысле - любой класс лингвистических единиц, противопоставленных друг другу и в то же время объединенных по наличию у них общего признака или вызывающих одинаковые ассоциации, чаще всего — совокупность языковых единиц, связанных парадигматическими связями. В более узком значении - система форм одного отдельного слова, ср. *тӀубанда хвабу*, *гъанатӀалу хвабу гъинцу* «настежь»; *гъукъада*, *гъуб гъицибуссу*, *инттола* «настолько»; *беекъуда*, *беекъибу хӀалахъи*, *беекъвалу* «насухо»; *битӀи буккиссу гъикъибу хӀалахъи* «наудачу».

Парадигматические отношения в лексике годоберинского языка, как и других нахско-дагестанских языках проявляются в трех направлениях: 1) объединение грамматически однородных слов, имеющих семантическую общность. В значениях слов одной лексической парадигмы обнаруживаются не только общие семантические черты, но и дифференцирующие признаки; 2) связанность отдельных значений многозначного слова; 3) семантическая совокупность словообразовательных парадигм, делящихся на отглагольные, десубстантивные, деадъективные и деадвербиальные.

Анализ материала подтверждает мнение лингвистов, характеризующих синонимы как слова, разные по звуковой форме, но тождественные или близкие по значению,

употребляющиеся для обозначения одного и того же понятие. Синонимы в исследуемом языке, как и других дагестанских языках, могут различаться между собой либо оттенками значения в пределах данного понятия, либо экспрессивно-эмоциональной окраской, либо употреблением в определенных стилистических условиях, в определенных сочетаниях с теми или иными словами, ср. миркаллада инкар игъу, тлубанда данди бакъу «наотрез»; данди бакъу инкар игъи «наотрез отказаться»;

бакъу бакъвалу, цердуди цебе бакъу бакъвалу «наперебой»;

себаккуда, гъичли себе, гъичлисе «наперед»; данди багъу, глассалда, глассахъи, дандису данди «наперекор»; ийахъиссу, эби мусулару, эби микъилару «откуда»; иквामуйсхъиру, иквamuрахъалдару «справа»; гъутто, гъутто бегъва, инто-инто бегъва «столько».

Синонимичность этих слог была бы невозможна без общего для всех них значения, ср. боинцима, бегъва, боамуциму, квалъи «немного»; бекъа, ракъудара тламичла, бекъа, гъабсагладлада, гледегил игъу «немедленно».

Выбор слов из синонимического ряда зависит, с одной стороны, от стиля речи, и с другой - от определенного признака предмета. Это обстоятельство, естественно, ограничивает сферу употребления синонимичных слов, ср. котте-котте, кланци бакъанальди «понемногу»; котте-котте, котте-коттебикку, гладатла «по-немногу».

Это разные слова с определенными номинативно-лексическими значениями, однако в некоторых случаях они легко могут заменять друг друга, поскольку обладают смежными значениями, ср. ийахъи, ийахъихху «куда»; ийахъи букладъарала «куда-нибудь»;

Возникновение синонимов за счет внеязыковых факторов происходит путем заимствования слов из других языков. Как известно, в лексическом составе современного годоберинского языка имеется большое количество заимствований из арабского, персидского, русского (а через русский язык - интернациональных слов) и других языков. Процесс усвоения лексических заимствований нередко сопровождается параллельным употреблением собственно и заимствованных слов, близких по значению. Исходя из этого, синонимы языка делятся на определенные группы, ср. це-цеб микъилли, анщи-анщи, бакъу-бакъу, «иногда»; гъикъиру, квалъи-квалъибикку, бигъа игъу «исподволь»; гъикъиру бигъа игъу хладурльи «готовиться исподволь»; гъикъи-гъикъиру, къунсурдила рукллану рокъукъи куцахъи «исподлобья»; гъикъи-гъикъуру гъалици «глядеть исподлобья»; гъикъиру бакъашалу, хъуйла бета, гъантуклала рикку, цехлеб даанла биичла, балъго гъикъиру «испод-тишка»; балъго гъикъиру мухуигъи, балъго хвархвада балъи, цехлердура биичла балъго, лъехъидала басинчла, лъерадала бии бештичла «действовать исподтишка»; тлорда, тлорда данди баху, данди бечан «итого».

Употребление переносного значения слова как источник новых синонимов

Образование синонимического ряда как прямым, так и переносным значением слова: хладлада, къувати икку «силком»; цлакъго гъилару бикку, цлакъда цликлан «слишком»; лъибичла, вас-васдичла «смело»; тлуйи, хашда, хашда къадарда, тлуйида «плохо»; квалъи, квалъи-квалъи «мало».

Такое употребление переносного значения довольно часто встречается в фольклоре и разговорной речи. Это вызвано необходимостью экспрессивного выражения той или иной мысли.

Таким образом, приведенные примеры показывают развитие новых синонимических рядов на основе переносности значения.

Образование синонимического ряда переносными значениями слова: *цеб микъилли, цин бахъараб цлияб жо* «однажды»; *загъирда, хвабу, тлатан, биатада букла: гладатла, гъакъада, лъибичлада, раклавцинклилъу, хвабу* «открыто»; *ийахъиру, эби мусулару, эби микъилару* «откуда».

Итак, возникновение синонимов за счет внеязыковых и внутриязыковых факторов способствует не только обогащению лексического состава, но и совершенствованию

стилистических возможностей исследуемого языка языка, ср. гьера; гьелье; гьаб заманала, гьаб къарула «ныне».

Синонимичные наречия образуются либо морфологическим расширением слов, либо путем сложения двух полных синонимов или же близких по значению слов. Характерной особенностью синонимичных наречий является наличие в них обобщающего собирательного значения, вырастающего из соединения названий конкретных предметов и явлений действительности, ср. г1едег1амухьи, хехаб куцила, хехаб куцила «наскоро»; х1алакку, г1едег1амахьи, хьатамасан, гьилару ардахьи «наспех»; т1убанда хвабу, гьанат1алу «на-стежь».

Компонентами большинства синонимичных наречий выступают слова, относящиеся к различным другим частям речи. Помимо слов заимствованного происхождения в образовании наречий существенную роль играют исконные слова, ср. беххилалгьихьи, бегьва заманалгьи, беххила заманал1и «долго», т1умагьу, кьуччаларуда, кьейи бул1еди, мах1и бухинч1а ц1ати «дотла».

Многие полагают, что смысловые отношения между синонимами носят чисто лингвистический характер, тогда как между словами, являющимися члe-нами тематических групп, существуют экстралингвистические отношения. В то же время известно, что синонимические отношения - это частный случай, от-ветвление тематических связей, ср. 1. инкья, инкьяла; цеб микьил1и «как-то раз»; цеб микьил1и гьодов ищиха ва «как-то он зашел к нам»; индахьида, цеб заманала, цеб заманал1и «когда-то»; це-цеб мусула, гьуди-гьава, мусу-мусула, ийахьи-ийахьила «кое-где»; х1аллади, бещулди, беч1уха г1акьубахьи «кое-как»; х1алади бац1анта бавк1а ищхьа. «кое-как добирались домой».

Первые лексемы можно условно считать абсолютными, т.е. заменяемыми во всех мыслимых сочетательных конструкциях синтаксиса, синонимы последнего ряда являются относительными по степени своей синонимичности, так как включают в свое семантическое поле и другие сем.

В нем, например, существуют многочисленные синонимические ряды, составные элементы которых восходят к разным говорам и диалектам или являются арабскими и русскими лексическими заимствованиями и так называемыми стимулированными образованиями типа миркал1и инкар игьу, данди букьу «наотрез»; банди букьу инкар игьи «отказаться наотрез»; ссебалгьуда, гьич1и ссеба, ссеба-ссеба «наперед»; данди багьу, г1аксалда, дандиссу данди «наперекор».

Потребность в синонимах обусловлена, по всей вероятности, тем, что в подобных словах отражаются субъективные, лишенные полной определенности и точности представления (например, о быстроте, многочисленности, величине, красоте и т.п.). Поэтому слова, входящие в число подобных синонимов, могут казаться недостаточно «совершенными», выразительными обозначения-ми тех или иных представлений, понятий, а это, в свою очередь, вызывает по-требность в новых синонимах, ср. к1атан, х1адур(да) «начеку»; ц1инк1и игьу (хьварди) 2.гьач1алу, т1убанда «начисто»; биич1а, хабаригуч1а балгьо «невзначай»; нигати ивуч1а, ургьинч1а «невольно».

Поэтому группы, или ряды, синонимов здесь могут быть довольно мно-гочисленны, как, например, ряд слов, характеризующих положительное или отрицательное качество или свойство предмета. Она проявляется, в частности в появлении одинаковых производных значений экс-прессивно-оценочного характера у ряда слов, как с различными, так и с близкими или одинаковыми производящими значениями, среди такого рода синони-мов много заимствований, носящих экспрессивно-оценочный характер, ср. бук1и буккиха, бук1и буккатабу кьаг1идахьи (куцахьи), мустах1икьяб куцахьи «путем»; х1алади, кутакилгьи, кьуватихьи «силой».

Следует также отметить, что нередко семантика заимствований меняется по сравнению с их прототипами в том плане, что в ней появляется характеризующий, оценочный момент, отсутствующий в значениях в языке-источнике, или, по крайней мере такой момент может быть значительно усилен в семантике заимствованных слов, ср. гьува,

гъуди, гъудикква,гъудильу «там»; гьилару ватлалъичла, тлуванда гьила вугъу «упорно»; къадарда, тлууйида «хуже».

Литература.

Гаджиева Д.Р. Имя прилагательное в аварском языке. Махачкала, 1979.

Мадиева Г.И. Авар мац 1. ч. 1. Фонетика, лексика, морфология. Махачкала, 1965.

Саидов М-С. Д. Аварско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1967.

Сиражудинов Р.М. Сравнительный анализ имен прилагательных в аваро-андийских языках: Автореф. дис...канд. филол. наук. Махачкала, 2006.

Сулейманова Д.И.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ БОТЛИХСКОГО ЯЗЫКА).

(ИЯЛИ ДНЦ РАН, Махачкала).

Основными отраслями хозяйственной деятельности ботлихцев являлись полеводство, садоводство, животноводство, домашние ремесла и т.д. Растения играют важную роль в жизни людей, в их хозяйстве, пище, народной медицине и т.д. Они имели широкое употребление и в жизни ботлихцев.

1. Земледельческая терминология.

Земледельческая лексика имеет большое значение для изучения истории и культуры ботлихцев. Она позволяет определять вклад народа в развитие материальной и духовной культуры ботлихцев.

1.1. название земли, почвы

В ботлихском языке для обозначения понятия «земля» используется *уници*. Все земельные угодья ботлихцев делятся на несколько видов:

- а) *бекъихаб муса* «пашня» (прил. *бекъихаб* «пахотный» + сущ. *муса* «место»)
- б) *хандир* «сенокос»
- в) *рухъу* «леса»
- г) *ахи* «сад»

1.2. термины, связанные с уходом за землей: *киля* «навоз», *ээчулги шила* «птичий навоз» (сущ. *ээчулги* «курицы» + сущ. *шила* « навоз» (в значении птичий)), *гьигьирай* «поливаться», *хханххуци* «взрыхлять».

1.3. термины, связанные с пахотой: *рекъар* «вспашка, пахание», *баранлъиссуб рекъар* «осенняя вспашка» (прил. *баранлъиссуб* «осенняя» + сущ. *рекъар* «вспашка»), *ребулъиссуб рекъар* «весенняя вспашка» (прил. *ребулъиссуб* «весенняя» + сущ. *рекъар* «вспашка»), *рекъарлъи кампани* « посевная кампания» (прич. *рекъарлъи* «посевная» + сущ. *кампани* «кампания» (заимств. из русс.яз., ср. русс.: кампания)).

1.4. наименование сельскохозяйственных орудий.

По определению Н.И. Вавилова, «в процессе вековой практики горцы создали не только сорта важнейших культурных растений, но и большое количество оригинальных земледельческих орудий, многие из которых до сих пор находят широкое применение, особенно в горах» [Вавилов 1936:83-84] :

а) *гачла* «мотыга», *гачла лабдай* «мотыжить» (сущ. *гачла* «мотыга» + гл. *лабдай* «ударить»), *гачла лабдайр* «мотыжение»(сущ. *гачла* «мотыга» + сущ. *лабдайр* «удар»)

б) *перцџџу* «соха»

в) *кџванкџа* «вилы»

г) *газа* «грабли»

д) *куртџа* «топор», *куртџиди хџабдай* «рубить топором» (сущ. *куртџиди* «топором» + гл. *хџабдай* «рвать»)

1.5. названия зерновых культур:

- *хџуни* «зерно, семя, семена», *хџунилџи* «семенной», *хџуни билай* «обсеменить» (сущ. *хџуни* «зерно» + гл. *билай* «бросить»), *хџуни чибди* «высемениться» (сущ. *хџуни* «зерно» + гл. *чибди* «прыскать»). Также это словосочетание имеет и переносное значение: *хџуни чибди* «заниматься многоженством»;

- *кџеру* «пшеница», *кџеру бакџарайхо гџекџа* «жнец» (сущ. *кџеру* «пшеница» + прич. *бакџарайхо* «собирающий» + сущ. *гџекџа* «человек»), *кџерулџи гџани* «пшеничный хлеб» (прил. *кџерулџи* «пшеничный» + сущ. *гџани* «хлеб»), *кџерулџи хџвахџу* «пшеничная мука» (прил. *кџерулџи* «пшеничный» + сущ. *хџвахџу* «мука»);

- *пурџина* «ячмень», *пурџиналџи* «ячменный» (заимств. из ав. яз., ср.: ав. *пурџина*);

- *бичџин* «рожь»;

- *ниха* «овес»;

- *поло* «рис», *пололџи* «из риса»;

- *кџиџи –кџваџи* «конопля»;

- *гџали* «фасоль, бобы», *гџалилџи* «фасолевый, бабовый», *гџалилџи чурпа* «фасолевый суп» (прил. *гџалилџи* «фасолевый» + сущ. *чурпа* «суп» (заимств. из ав. яз., ср.: *чурпа*)).

2. Названия культурных растений

Флора во всех языках отражает разные стороны окружающей их носителей действительности. По утверждению В.И.Абаева «элементы языка отражают элементы объективной деятельности..., мир языка есть не что иное, как своеобразная переработка в общественном сознании мира реалий» [Абаев 1968:35]

С давних времен ботлихцы широко используют культурные растения, среди которых можно выделить овощные, плодово-ягодные культуры и различного рода травы. Среди плодово-ягодных и овощных культур у ботлихцев широкое распространение получили абрикосы, яблоки, груши, сливы, персики, шиповник, лук, чеснок и ряд других культур. Разнообразно представлена терминология, связанные с названиями плодово-ягодных культур. Скудна терминология названий цветков.

2.1. Названия деревьев.

Для обозначения понятия «сад» в ботлихском языке используется единый термин *ахи*. Обобщающее понятие «фрукт» обозначается словом *бехџи*, которое используется только во множественном числе.

Среди разнообразных названий фруктов особое место занимают яблоки, груши, абрикосы.

Среди этих разнообразий представлены слова, разные по семантике, структуре и происхождению. Преобладающее большинство названий сортов яблок, груш, абрикосов представляют собой различные двучленные и редко трехчленные термины-словосочетания, в которых определяемым словом выступает родовое название фрукта, а определением – слова, выражающие вкус, цвет, величину, форму, место, откуда был завезен сорт, имя человека, который вывел данный сорт.

Понятие «яблоня» передается сочетанием названия плода в родительном падеже со словом *руша* «дерево»: *инчу* «яблоко» > род.п. *инчулџи* + *руша* «дерево», букв. «яблока дерево»

В с. Ботлих выращивают множество сортов яблок, выведенные в разных странах. Нами зафиксировано и несколько сортов названий зарубежных и российских сортов. Фонетический облик многих названий изменился, но некоторые названия сохранились в своем первоначальном звучании. Первоисточником для перехода названий зарубежных сортов в ботлихский язык явился, несомненно, русский язык: *шапран инчу* «шафран», *сибиринка инчу* «семе-

ренка», *дилишес* «дилишес», *цлер инчу* «мегенец» (*цлер* заимствовано из ав.языка + *инчу* «яблоко»). Структуру мякоти данного сорта представляет собой структура льда после таяния, отсюда и название).

Имеются популярные местные сорта, выведенные ботлихцами:

- *кьапк1у инчу*. Сорт назван по прозвищу мужчины Кьапк1у, который его вырастил.

Сорт приплюснутых яблок желтого цвета;

- *генезиб инчу*. Сорт назван по имени человека, который их вывел. Сладкие яблоки желто-красного цвета;

- *кампит инчу*, букв. конфета-яблоко. Название дано по вкусу. Яблоки желтого цвета, ароматные и очень приятные на вкус. Образовано сложением имени существительного с родовым названием фруктов в форме единственного числа.

Также существует сорт яблок, образованный сочетанием имени прилагательного и названия яблока: *ц1ц1унк1к1и инчу*. Название по форме, чему ботлихцы дают такое объяснение: прил.*ц1ц1унк1к1и* «острый» + сущ. *инчу* «яблоко». Яблоки продолговатые и заостренные к верхушке.

Распространены сорта, привезенные из соседних районов:

- *г1орусалуб инчу*. Название сорта дано по месту, откуда завезена культура. По сведениям старожилів села, этот сорт был привезен в сел.Ботлих из сел.Орота Шамильского района. Яблоки желтого цвета с красноватым оттенком;

- *хвасар инчу*. Сорт первой помологии, входящий в международный каталог. Старожилы села предполагают, что молодой саженец этого сорта был привезен из сел. Хаджалмахи Левашинского района, отсюда следует и название. Зимний сорт, на вкус кислые, по цвету красные, компот из этих яблок помогает при простуде.

Общим названием груши в ботлихском языке является *гыгьу*.

Названия сортов груш различны. Многие из названий подчеркивают форму и место, откуда был завезен сорт.

Различают следующие сорта груш:

- *алагир*. Это зимний сорт груши французского происхождения, который имеет название «Кюре». Был вывезен из г. Алагир Северной Осетии в середине 50-х годов колхозом «Ботлихский». Впоследствии сорт и получил это название;

- *генусалуб гыгьу*. Сорт груши первой помологии. Выведен из с.Гимри Унцукульского района. Сорт распространен в с. Ботлих еще до Совесткой власти. Селение Гимри на ботлихском языке имеет название *Генуб*. Название сорта исходит от названия селения. Сорт сочных груш с грубой крепкой кожицей;

- *ахихъанацуб гыгьу*. Сорт груш первой помологии, выведенный непрофессиональным селекционером по имени Раджабдбир по прозвищу *ахихъан*, ав.яз.- садовод. Образовано это название сложением имени существительного с родовым названием фрукта в форме единственного числа;

- *г1азаб гыгьу*. Сорт груши второй помологии. Сорт назван по имени человека Г1аза, который их вывел в конце XIX века. Сочные, с длинной плодоножкой и гранями крупных размеров груши;

- *чупаниб гыгьу*. Сорт груши второй помологии, выведенный, по утверждению старожилів села, ботлихцем Чупаном. Исходным материалом послужила дикая груша. У этого сорта при созревании мякоть темнеет;

- *эх1елашуб гыгьу*. Имеется предположение, что сорт выведен ботлихцем по прозвищу Эх1елав. По своим вкусовым качествам напоминает дикую грушу. Ботлихцы использовали этот сорт груш для лечения желудочно-кишечного тракта;

- *хайдакъ гыгьу*. Сорт, видимо, завезен из Кайтагского района. Ботлихцы Кайтагский район называют *Хайдакъ район*. Сорт мелких груш;

- *аржиншай гыгьу*. Ботлихский редкий местный сорт, отличающийся особенными вкусовыми качествами, и не имеющий аналогов. Образовано следующим сложением: сущ. *аржин* «рай»(в данном случае изменен фонетический облик существительного *арджан*

«рай») + сущ. *шай* «запах» + сущ. *гыгьу* «груша», букв. запаха рая груша;

- *щогьальи гыгьу*. Это французский сорт груши «Мускат», иначе ее называют грушей-королевой. Это очень маленькие груши. Кожица у них желтоватая, с маленькими коричневыми крапинками. Мякоть у них белая, кремовая, нежная, с ярко выраженным мускатным вкусом. Образовано сочетанием имени прилагательного с существительным: прил. *щогьальи* «черепичный(но в данном случае это прилагательное обозначает коричневый цвет) + сущ. *гыгьу* «груша».

Названия некоторых местных сортов груш связаны с собственными именами: *дибириб* <Дибир (мужское имя), *гьайирбегиб* < Гьайирбег (мужское имя), *гелегаб* < Гелега(мужское имя), *атабегиб* < Атабеги (мужское имя), *муццллу* < Муццллу(прозвище). По всей вероятности, сорт назван по имени человека, который их вывел.

В ботлихском языке понятие « абрикос» передается термином *к1к1урк1к1ун*.

Понятие «абрикосовое дерево» передается сочетанием названия плода в родительном падеже со словом руша «дерево»: *к1к1урк1к1ун* «абрикос» > род.п. *к1к1урк1к1уналги* + *руша* «дерево», букв. «абрикоса дерево».

Различают следующие сорта абрикосов:

- *к1иришиб* *к1к1урк1к1ун*. Сорт, выведенный жителем с. Ботлих по прозвищу К1ириши, отсюда и название данного сорта. Мелкий сорт, предназначенный для сушения;

- *к1иллю ирха* *к1к1урк1к1ун*. Дикий сорт абрикосов, также предназначенный для сушения. Образовано сочетанием имени существительного с прилагательным и названием абрикоса: сущ. *к1иллю* «щека» + прил. *ирха* «красный» + сущ. *к1к1урк1к1ун* «абрикос», букв. щека красный абрикос. На солнечной стороне имеет красноватый оттенок, отсюда и название данного сорта;

- *гьаза* *к1к1урк1к1ун*. Среднеазиатский сорт абрикоса «Ахрори». По сведениям старожилов, он был привезен в с. Ботлих человеком по имени *Гьаза*. Размер плодов средний, окрас светло-желтый, имеет большой карминовый румянец;

- *х1анап* *к1к1урк1к1ун*. Узбекский сорт, привезенный в село человеком по имени Х1анап. Плоды вышесредние, неправильной приплюснутой округлой формы, желтовато-кремовые с красным румянцем на большей части плода.

Многие из названий деревьев в ботлихском языке образуются описательно. В них первым компонентом выступает название вида дерева в полной форме родительного падежа, а вторым компонентом - слово руша как словообразовательный элемент с семантикой «дерево»: *коконалги руша* «сливовое дерево» (прил. *коконалги* «сливовый» + сущ. *руша* «дерево»; заимств. из ав. яз., ср.: кокон), *х1ава инчулги руша* «айвовое дерево» (прил. *х1ава инчулги* «айвовый» + сущ. *руша* «дерево»), *ничалги руша* «персиковое дерево» (прил. *ничалги* «персиковый» + сущ. *руша* «дерево»), *к1к1урк1к1уналги руша* «абрикосовое дерево» (прил. *к1к1урк1к1уналги* «абрикосовый» + сущ. *руша* «дерево»), *чираналги руша* «дуб» (*чиран* «дуб»), *гьадилги руша* «липовое дерево» (прил. *гьадилги* «липовый» + сущ. *руша* «дерево»), *маххилги руша* «береза» (прил. *маххилги* «березовый» + сущ. *руша* «дерево»), *бигьарилги руша* «сосна» (прил. *бигьарилги* «сосновый» + сущ. *руша* «дерево»), *гьилалги руша* «тополь» (прил. *гьилалги* «тополевый » + сущ. *руша* «дерево»), *гьуркьалги руша* «орех» (прил. *гьуркьалги* «ореховый» + сущ. *руша* «дерево»), *жагалги руша* «вишня» (прил. *жагалги* «вишневый» + сущ. *руша* «дерево»; заимствов. из ав. яз., ср.: *жага*), *карулги руша* «тутовник» (сущ. в род.п. *карулги* «тутовника» + сущ. *руша* «дерево»; заимствов. из ав.яз., ср.: кару).

2.2. Название кустарников и ягод

Понятие кустарник в ботлихском языке передается термином *гьак1ва*.

Сани «барбарис», *гьаркьи* «малина», *пичас инчу* «боярышник», *паркьи* «земляника», *к1ищу* «шиповник», *ч1ч1атлу* «ежевика», *гьарц1и* «облепиха», *к1кик1и* «виноград», *к1ик1илги* *гьадик1вал* «виноградная лоза» (прил. *к1ик1илги* «виноградный» + сущ. *гьадик1вал* «лоза»).

2.3. Названия огородных культур

Из огородных культур наиболее распространенными были лук, чеснок, перец, свекла, выращиваемые с давних времен почти на всей территории Северного Кавказа. А появление картофеля является событием поздним. Данная культура была заимствована горцами от русских переселенцев, о чем свидетельствует, в частности, ее русское название *картушка*.

Понятие «огород» передается термином *агород* (заимствов. из русс.яз., ср.: русс.: огород), *кланчи* «лук», *ачу кланчи* «зеленый лук» (прил. *ачу* «зеленый» + сущ. *кланчи* «лук»), *ражи* «чеснок» (заимствов. из ав.яз., ср.: ав.: ражи), *пурч* «перец» (заимствов. из ав.яз., ср.: ав.: пурч), *таргин* «свекла, бурак», *памидор* «помидор» (заимствов. из русс.яз., ср.: русс. помидор), *тлабтлалу* «огурец», *лама тлур* «морковь» (заимствов. из ав.яз., ср.: ав.: ламатлур), *букья ламатлур* «редька» (прил. *букья* «горький» + сущ. *лама тлур* «морковь»), *баглажан* «баклажан» (заимствов. из русс.яз., ср.: русс. баклажан), *ридиска* «редиска» (заимствов. из русс.яз., ср.: русс. редиска).

2.4. Названия бахчевых культур

Названия всех бахчевых культур в ботлихском языке являются заимствованными из аварского языка: *хъабахъи* «тыква» (ср.: ав. хъабахъ), *пастлан* «дыня» (ср.: ав. пастлан), *хъарпуз* «арбуз» (ср.: ав.: хъарпуз).

2.5. Названия травянистых растений

Растительный мир земли обнаруживает крайнее разнообразие. Помимо культурных растений в жизни дагестанских народов большую роль играли различные травянистые растения.

В ботлихском языке понятие «трава» передается самостоятельным словом *гъунчла*. Кроме своего основного значения «трава», слово *гъунчла* выражает также и другое понятие – «сено».

В значении «съедобная трава» употребляется термин «маква-рекулъа билайхаб *гъунчла* (сущ. *маква – рекулъа* «в еду» + прич. *билайхаб* «бросаемый» + сущ. *гъунчла* «трава», букв. в еду бросаемая трава). Вот некоторые из них:

- *бегъара* «крапива», *бегъаралъи* «крапивный», *бегъара буклаб къаркъа* «чуду из крапивы» (сущ. *бегъара* «крапива» + прич. *буклаб* «вложенный» + сущ. *къаркъа* «лепешка»), *бегъаради къамкъади* «кусаться, жечь (о крапиве)» (сущ. *бегъаради* «крапивой» + гл. *къамкъади* «кусаться»);

- *бечлеръа* *гъунчла* «чабрец»;

- *мучари* «тмин, укроп» (заимств. из ав. яз. ср.: мучари);

- *инчитла* «мята», *инчитлалъи тлаглам* «мятный вкус» (прил. *инчитлалъи* «мятный» + сущ. *тлаглам* «вкус»; заимствов. из ав.яз., ср.: тлаглам).

Литература

- Азаев Х. Г.* Ботлихский язык / Языки Дагестана. - Махачкала-Москва, 2000.
Азаев Х. Г. Лексика и словообразование ботлихского языка: АКД. Тб., 1975.
Азаев Х. Г. Русские заимствования в ботлихском языке / Семантика языковых единиц разных уровней. Вып. 7. – Махачкала, 2000.
Алексеев М. Е. Ботлихский язык / Языки народов России. Красная книга. - М., 2002.
Гасанова А. М. Названия деревьев, кустарников и трав в ботлихском языке / Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Названия деревьев, трав, кустарников. - Махачкала, 1989.
Гасанова А. М. Соматическая терминология ботлихского языка // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Соматические термины. - Махачкала, 1986.
Гудава Т. Е. Основные морфологические категории ботлихского языка: ТКД. Тб., 1948. – 12 с. (груз.).
Магомедов М. А., Атаев Б. М. Языковая ситуация в Ботлихском районе Дагестана: к методике исследования // Полевая лингвистика. – М., 2007. С. 80-82.
Халидова Р. Ш. Аваро-андийские языковые контакты. Махачкала, 2006.
Языки Дагестана, Махачкала – М., 2000.

Халидова Р.Ш.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИАЛЕКТОВ КАРАТИНСКОГО ЯЗЫКА.

(ДГПУ, Махачкала)

Бесписьменный каратинский язык относится к андийской подгруппе аваро-андо-цезской группы дагестанских языков. Он делится на два диалекта: собственно каратинский и тукитинский. Собственно каратинский диалект сильно дифференцирован, в него входят говоры: анчихский, арчийский, каратинский, маштадинский, нижеэнхелинский, рацитлинский, рачабалдинский, чабакоринский. Наиболее сильно выделяется анчихский говор.

Каратинцы живут в десяти селах Ахвахского района: Карата, Арчо, Анчих, Рачабалда, Маштада, Чабакоро, Рацитль, Нижнее Энхело, Тукита. В Хасавюртовском районе находится населенный пункт Тукита, в котором живут тукитинцы-переселенцы.

Первые отрывочные сведения по каратинскому языку приводятся в известной работе Р. Эркерта (1895). А.М. Дирр дает лексический и фразовый материал по каратинскому языку (по данным речи селения Карата). Тукитинскому диалекту посвящена статья А.А. Бокарева «Наречие аула Тукита» (1938 г.).

В 1971 г. опубликована монография З.М. Магомедбековой «Каратинский язык», в которой дается системный анализ фонетики и морфологии языка. В вышедшем 2001 г. в «Каратинско-русском словаре» П.Т. Магомедовой, Р.Ш. Халидовой впервые собран и систематизирован лексикон языка. В книге О.Д. Чанаханова «Тукита» (2005) дается историко-географический очерк о тукитинцах, а также словники тукитинского диалекта (Тукитинско-русский словарь и Тукитинско-русский фразеологический словарь). Вопросы фонетики, грамматики и лексики каратинского языка нашли свое отражение в ряде работ исследователей языка: Кураева М.Н. (1995), Пахрудинова Р.О. (2004), Халидова Р.Ш. (2006).

В кавказском языкознании существует традиционное деление дагестанских языков на языки, наречия, диалекты, говоры. Но вместе с тем в последнее время некоторые исследователи, подвергая сомнению традиционное деление, выдвигают новые положения о классификации дагестанских языков (ср. кубачинский, хайдакский, хваршинский и инхокваринский, хиналугский).

Так, А.А. Магометов по лингвистическим особенностям кубачинский диалект (сильные отличия от других даргинских диалектов: степень отличия столь значительна, что кубачинскую речь представители других диалектов не понимают) рассматривает как отдельный язык. Или же С.М. Темирбулатова и М.-С.М. Мусаев хайдакский диалект считают самостоятельным языком и для этого вводят специальный термин *язык-диалект*.

Если же остановиться конкретно на языках андийской подгруппы, то здесь мы обнаруживаем следующую картину. Андийские языки близкородственны между собой, но вместе с тем внутри выделяются 3 подгруппы: андийский-ботлихский-годоберинский, тиндинский-чамалинский-багвалинский и каратинский-ахвахский. Родство внутри первыми двумя подгруппами значительное. А на уровне каратинского и ахвахского языков наблюдаются существенные различия. Ахвахский язык делится на северный и южный диалекты, а в каратинском языке выделяются собственно каратинский и тукитинский диалекты.

В вышеназванных диалектах каратинского языка, с одной стороны, сохранились наиболее архаичные черты (в большей части в тукитинском), а другой стороны, - развиваясь самостоятельно, они приобрели инновационные черты. Тукитинский настолько обособился, что носители двух диалектов не могут свободно общаться друг с другом. Носители тукитинского диалекта (например, автор книги «Тукита» О. Чанаканов) утверждают, что имеющиеся в языке (имеется ввиду в тукитинском диалекте) отличия на уровне фонетики, морфологии и лексики, дают право говорить о том, что это не диалект, а самостоятельный язык.

Проведенный нами сравнительный анализ диалектов позволяет выделить наиболее существенные отличительные черты между ними в области фонетики, морфологии и лексики.

Отличия в области морфологии

1. Основным средством выражения множественного числа в тукитинском диалекте являются суффиксы, которые довольно близки к суффиксам собственно каратинского диалекта, однако они имеют ряд особенностей. В целом различие между диалектами в образовании множественного числа заключается не столько в наличии материально разных суффиксов, сколько в неодинаковости их применения.

цликлаби (цликли), вахъеби (вашай), гъанибади (гъаналди)

2. В тукитинском диалекте выделяют пять основных падежей: абсолют, эргатив, генитив **I** и **II**, датив, аффектив, а в собственно каратинском отсутствует последний падеж. Эргатив образуется посредством аффикса -д, а в собственно каратинском -л; формант генитива **II** в каратинском -л1, в тукитинском -л. (при этом собственно каратинский -л1 имеет параллели в ряде андийских языков, а тукитинский -л в андийских языках стоит особняком); в тукитинском датив имеет суффикс -лъа, который, в отличие от собственно каратинского аффикса, не совпадает ни с одним показателем локативных падежей. В тукитинском наряду с остальными падежами наличествует и аффективный падеж с суффиксом -ба (**б** - классный показатель), который соответствует собственно каратинскому дативу.

3. Гораздо больше особенностей в тукитинском диалекте, в котором ряд падежных окончаний сильно отличается от собственно каратинских. По обозначаемыми ими пространственными отношениями локативные падежи в тукитинском диалекте объединяются в семь серий (в собственно каратинском восемь серий) с показателями **л1, кь1, ла (л'а), ч, х, хь, и**. Они имеют более стройную систему, а в собственно каратинском многие серии не сохранили полностью все падежи.

4. В числительных система счета собственно каратинского диалекта отличается от тукитинского: в собственно каратинском десятичная (десятиричная), в тукитинском - вегизимальная (двадцатеричная). В тукитинском количественные числительные передаются без ауслатной частицы -да: *клекли* «два» (ср. собств.-кар. *к1еда*). Образование названий десятков в тукитинском диалекте отличается от собственно каратинского. В каратинском они образуются от основы числительного, обозначающего единицы и плюс слово *гъац1ада* «десять», при этом начальное **гъ** опускается, ср.: *лъабац1ада* «тридцать», *гъач1вац1ада* «девятьсто». В тукитинском такие числительные строятся по следующей модели: 1) числительные 2, 3, 4 плюс *къинду* «двадцать»: *к1е+къинду* «40», *лъаби+къинду* «60», *боъу+къинду* «80»; 2) числительные 50, 70, 90 + слово *белли* (со значением «кончив») + числительное *гъац1а* «10»: *к1екъиндул белли гъац1а* «50».

б. Местоимения тукитинского диалекта имеют некоторые отличительные особенности. В тукитинском диалекте наблюдаются некоторые изменения в основе и аффиксах личных местоимений: а) в местоимениях меняется гласный основы (ср. *ден* - *дини* «я», *мен* - *мини* «ты»). Вопросительные местоимения со значениями «кто» и «что» сильно отличаются от собственно каратинских. В именительном падеже вместо *гъеме* и *гъеде* выступает основа **чу-**, которая маркируется классными показателями: *чу-в* «кто» I кл., *чу-й* «кто» II кл., *чу-б-и* «что» III кл..

7. Тукитинские глаголы имеют три основных времени: прошедшее, настоящее (общее) и будущее. Прошедшее время в основном образуется с помощью суффикса **-и**, который соответствует собственно каратинскому **-е**, а также посредством аффикса **-а** и **-у**. Выделяют две формы настоящего времени: настоящее общее органического образования с суффиксом **-да**, **-ида** и настоящее конкретное (описательное), образующееся от органических форм настоящего времени с прибавлением вспомогательного глагола *эгу* «есть». Будущее время регулярно образуется с помощью суффикса **-асс**, и его образование в целом не отличается от других диалектов и говоров каратинского языка.

Выделяются следующие описательные временные формы: настоящее конкретное, прошедшее несовершенное, прошедшее несовершенное заглазное, будущее надлежащее, прошедшее надлежащее, прошедшее заглазное надлежащее, прошедшее совершенное, давнопрошедшее совершенное, прошедшее заглазное. Они образуются посредством сочетания смыслового глагола и вспомогательных глаголов *букледу* «быть, существовать», *эгу* «есть». Основной глагол выступает в форме настоящего общего, инфинитива, деепричастия прошедшего времени. Повелительное наклонение образуется посредством двух аффиксов (при переходных глаголах) и **-би** (при непереходных глаголах). В собственно каратинском диалекте соответственно **-а**, **-и**.

Суффиксом образования запретительного наклонения в тукитинском диалекте выступает **-а-сси-би** (собственно каратинский показатель прохибитива **-и-биссе** с его вариантами **-у-биссе**, **-у-миссе**, **-и-миссе**).

В собственно каратинском условное наклонение образуется посредством суффикса **-бар** от основы глагола прошедшего времени, а в тукитинском же аффиксом условного наклонения выступает **-н**. Вопросительное наклонение образуется присоединением вопросительной частицы-аффикса **-чи** к утвердительной и отрицательной форме глагола.

В образовании каузатива в собственно каратинском и тукитинском диалекте наблюдаются некоторые расхождения: в собственно каратинском в качестве аффикса каузатива выступает **-а**, в тукитинском **-ал**, который присоединяется к глагольной основе, а остальные форманты разных времен и наклонений следуют за ним. Тукитинскому диалекту характерна и аналитическая форма каузатива. Она образуется от основного смыслового глагола, которая стоит в форме настоящего общего времени и прибавлением глагола **этеду** «пускать», спрягаемая по временам и наклонениям. Инфинитивные формы каузатива (основа глагола + **-ал** + **-еду**), ср.: *хъол-еду*, *хъвал-ал-еду* (*писать*).

Диалектах и говорах каратинского языка суффиксы образования инфинитива неоднородны. В собственно каратинском он образуется посредством **-альа** и зависимости от основы исходного звука в образовании инфинитива выделяются две группы (глаголы, основа которых оканчивается на согласный и глаголы с назализованной основой). В тукитинском же диалекте инфинитив имеет аффикс **-еду** и деление глаголов в зависимости от основ не происходит, ср.: кар. **бекъ-альа** - тук. **бекъ-еду** «делить, распределить», **бель-альа**

- **белъ- еду** «водить, приводить», **къер- алъа - къел- еду** «стричь, рубить», **лъеб- алъа - лъеб- еду** «пугать, бояться».

В каратинском языке наличествует вспомогательный глагол (гла- гол-связка). Он отличается в диалектах и говорах, особенно сильно – в тукитинском диалекте. Ср.: кар., арч., рач. - *ида, ид'а* «есть»; рац., нижн-энх. – *гьида*; маш. - *гьийа, ийа*; чаб. - *гьижа, гьийа*; анч. – *гира*; тук. - *эг 'у*.

В тукитинском, также как в собственно каратинском, имеется две формы деепричастия: деепричастия прошедшего времени и деепричастие настоящего времени. Деепричастие прошедшего времени образуется от формы глагола прошедшего времени посредством суффикса **-ах** (собственно каратинский - **-б-оха**), а деепричастие настоящего времени - суффикса **-г'** (сравните собственно каратинский - **-да**).

В тукитинском диалекте отрицательные формы образуются практически от всех времен, наклонений и инфинитных форм. Основным суффиксом отрицания в тукитинском выступает **-е-ч1и // -ч1и**.

Литература

- Бокарев А.А. *Материалы по диалектологии андо-цезских языков, наречие аула Тукита // Сб. Памяти акад. Н.Я. Марра. - М.; JL., 1938.*
- Дирр А.М. *Материалы для изучения языков и наречий андо- дидойской группы // СМОМПК. - Тифлис, 1909. Вып. 40.*
- Кураева М.Н. *Соматические фразеологизмы в каратинском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. - Махачкала, 1993.*
- Магомедбекова З.М. *Каратинский язык. Грамматический анализ, тексты, словарь. - Тбилиси, 1971.*
- Магомедова П.Т., Халидова Р.Ш. *Каратинско-русский словарь. - Махачкала-Санкт-Петербург, 2001.*
- Пахрудинова Р.О. *Словообразование в каратинском языке: Автореф. дисс... канд. филол. наук. - Махачкала, 2004.*
- Халидова Р.Ш. *Аварско-андийские языковые контакты. - Махачкала, 2006.*
- Чанаханов ОД. *Тукита (История, быт, культура и язык). - Махачкала, 2005.*
- Эркерт Р. *Die Sprachen des kaukasischen Stammes. - Wien, 1895.*

Халимбекова М.К.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ФОРМУЛ ОБРАЩЕНИЯ В ЛЕЗГИНСКОМ РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ.

(ДГУ, Махачкала)

Лексические средства выражения формул обращения в лезгинском речевом этикете образуют особую семантико-стилистическую систему, отражающую национально-культурную специфику общения.

Этикетные речевые формулы обращения в лезгинском языке отличаются многообразием. Одни из формул содержат простую информацию об авторе и адресанте, другие экспрессивно отражают социальные отношения между адресантом и адресатом. Так речевые формулы *йикъ!* (букв.: «умри»), *лал хъухъ!* (вульг.) «заткнись!», характерны только для разговорной речи, как правило, встречаются в речи молодежи. Данные формулы

употребляются как восклицание при споре, и переводятся на русский язык как: *йикь!* «Ну да!», «Мало тебе!» и *лал хьухь!* «заткнись!», «замолчи!», например: *Лал хьухь! За и сир садазни чирдач.* «Замолчи! Я никому не доверю этой тайны».

Этикетные высказывания закреплены за определенными коммуникативными ситуациями. Так, только при адресанте женщине возможно применение следующих речевых формул: *иеси кьей иессуз!* «несчастливая!», (букв. «оставшаяся без мужа»), *кIвал чIур хьайиди!* «несчастливая», (букв. «у которой дом обрушился»), *кIвал кьени хьайиди!* «счастливая», «дорогая», (букв. «у которой дом процветает»), например: *Угь, ви иеси кьий иесисуз. Вуна зи фередиз кIуф вучиз язава?* «Эй ты, несчастная! Ты зачем бьешь ногой мою курицу?». *Мад им мугьман кьабулдай вахт туш кьван, кIвал чIур хьайиди, захь вун кьурурдай кIвал авач, – лагьана везирди хьел кваз.* «Но сейчас не время принимать гостей, о, несчастная, я не собираюсь сейчас тебя развлекать, – сказал визирь со злостью». *Ништа, я кIвал кьени хьайиди, адан кьекьуьнар, Мислиман кьекьуьнар хьиз, аквадай кьван.* «Не знаю, дорогая, его походка очень была похожа на походку Мислима».

Речевая формула *киф атIайиди!* «несчастливая!», «зараза», (букв. «с отрезанной ко-сой») возможна при условии, что и автор и адресант являются женщинами, например: *Дах, дах, – лугьуз, руша адан кьил юзурзавай. Рушай гьарай акьатна. – Вуч хьана, я киф атIайиди? – дидени, муькуь рушни акьат хьувуна.* «Папа, папа, – девочка трясла его за голову. Девочка вскрикнула. – Что случилось, зараза?, – сказала прибежавшая мать и другая сестра».

Для лезгинского речевого этикета, в отличие от других дагестанских языков, характерен большой языковой выбор формул речевого этикета. Например: *абатхийир* – ответ на приветствие людей – ровесников или примерно одного возраста (букв.: «обратное здравие»), а также – ответ на утреннее приветствие – (*накам [сабагь] хийир!*), вечернее приветствие (*нянин [ахшам] хийир!*) и на приветствие в любое время суток (*и вахт хийир!*) (букв.: «этого времени привет»): *Геже хийир хьуй!* «Спокойной ночи!». *Мегьамед, ваз сабагь хийир!* — *Абатхийир, Гьажи. Ша, ацукьа кван.* «Магомед, здравствуй!» – «Здравствуй, Гаджи. Заходи, садись»; *Квез и вахт хийир хьуй!* – *лагьана салам гана кьве стхадини.* – *Абат хийир, чан рух-ваяр!* – *агьсакьалар мугьманрин гьилер кьаз, виликди фена.* «Здравствуйте!», – сказали братья». – «Здравствуйте, сынки!», – аксакалы прошли вперед, чтобы пожать им руки».

геже хийир(ар) < хьуй>! «Спокойной ночи!», (букв. «последние приветы»): *"Геже хий-ир" лагьана, кьуна гьилер, Кьурбан кьарагьна кIвалелди хьфена.* «Курбан поднялся, пожал всем руки, сказал «Спокойной ночи!» и вышел».

вун атуь (атурай), рагь атуь (атурай)! «Сколько лет, сколько зим!» – форма приветствия гостя, которого давно не видели, не ждали и очень рады видеть (букв. «ты пришел – солнце пришло»): *Яда, Усман! Я Аллагь рази хьайи инсан... Вун гьинай, и чкаяр гьинай? Вун атурай, рагь атурай!* «О, брат Усман! О, не гневящий Аллаха человек! Сколько лет, сколько зим!».

Этикетные речевые формулы обращения используются также в качестве средства установления контакта, что способствует формированию у адресата положительной установки на общение, например: *я гуж тахьайди* (разг. при общении женщин между собой) «дай бог тебе здоровья» (букв.: «не перегрузившаяся тяжелым трудом, не больная»): *Я гуж тахьайди, чаз и ник кутягьиз кIанзава.* «Дай бог тебе здоровья, мы хотим закончить до конца эту борозду». *кIвал кьени хьайиди!* «счастливая», «дорогая», (букв.: «у которой дом процветает»): *Ништа, я кIвал кьени хьайиди, адан кьекьуьнар, Мислиман кьекьуьнар хьиз, аквадай кьван.* «Не знаю, дорогая, его походка очень была похожа на походку Мислима».

Этикетные речевые формулы обращения, используемые для установления контакта, представлены довольно ограниченным кругом единиц, большинство из которых являются стереотипными пожеланиями, например:

- *нисин хийир(ар)!* «Добрый день!», (букв. «дневная польза»): ... *буба ва адан метТел аял акурла, Асваран пIузаррик хъвер акатна: – Нисин хийирар, буба! – Нисин хийирар, – жаваб гана Мабуда.* «Увидев дедушку с малышом на колене, Асвар улыбнулся. – Добрый день, дедушка! – Добрый день!, – ответил Мабуд».

- *нянин хийирар!* «Добрый вечер!», (букв. «вечерняя польза»): *Ваз нянин хийир!* – *агъана, адан гъил ваъ, гардан къуна.* «Сказав «добрый вечер!», он не пожал ему руку, а обнял его».

Этикетные речевые стандарты в лезгинском языке подтверждают их универсальность, национально- культурную специфику общения, позволяют выявить особенности лезгинского национального менталитета.

Харчиева М.Р.

ОБ ОДНОЙ СТРУКТУРНОЙ ОСОБЕННОСТИ КФЕ АНДИЙСКОГО ЯЗЫКА.

(ДГУ, Махачкала)

В основе компаративных фразеологических единиц, как известно, лежит логическая операция сравнения, т.е., установление сходства и различия объектов путем их сопоставления. В основе компаративной фразеологической единицы лежит фразеологическое переосмысление. Переосмысление наряду со сравнением является одним из способов познания действительности и связано с воспроизведением реальных или воображаемых особенностей отраженных в сознании объектов на основе установления связей между ними. Для понимания фразеологического переосмысления большую роль играет понятие фразеологической номинации, под которым понимается «процесс и результат наименования, при котором языковые элементы соотносятся с обозначаемыми ими объектами» [Гак 1977: 23].

Поскольку сопоставление двух объектов проводится на основе общего признака, то компаративная конструкция должна состоять из трех компонентов: субъекта сравнения, общего признака и объекта сравнения. Однако языковая традиция фиксирует их как единицы языка в двухкомпонентной форме: общий признак + объект сравнения.

Представляется необходимым выявить особенности структуры компаративных фразеологических единиц, определить их компонентный состав и исследовать их грамматическое и семантическое строение, поскольку вопросы структуры, объема и компонентного состава фразеологических единиц имеют принципиальный характер. Тем более что среди исследователей фразеологии нет единого мнения по вопросу о компонентном составе данных КФЕ.

Вопрос о компонентном составе КФЕ решался также в работах Н. Н. Амосовой, И. И. Чернышевой, В. П. Жукова, Л. И. Ройзензона, В. М. Огольцева, В. Ф. Мейерова и ряда других ученых. Так, например, И. И. Чернышева, определяя КФЕ, как «устойчивые и воспроизводимые сочетания слов, фразеологическая специфика которых основывается на традиционном сравнении», связывает выявление устойчивости у сравнительного оборота с трансформацией его начальной функции – функцию сравнения – в функцию усиления. При этом И. И. Чернышева подчеркивает, что подобная трансформация возможна лишь при наличии у сравнительного оборота твердо фиксированной сочетаемости со строго определенным кругом прилагательных, отглагольных прилагательных и глаголов [Чернышева 1970: 48].

Нет единого мнения и по вопросу о компонентном составе анализируемых компаративных фразеологических единиц также среди дагестанских лингвистов. Так, А. Г. Гюльмагомедов считает данный структурный тип наиболее многочисленным среди мор-

фологических разрядов фразеологических единиц лезгинского языка и рассматривает их как двухкомпонентные образования [Гюльмагомедов 1990: 116-122].

Иного мнения придерживается М. М. Магомедханов, он рассматривает компаративные фразеологические единицы аварского языка как однокомпонентные структуры и относит их к ФЕ наречного характера: «среди фразеологических единиц наречного характера своей многочисленностью и разнообразием лексического состава выделяются образные сравнения или компаративные фразеологизмы. Функция традиционного сравнения у них достигается с помощью сравнительного союза *гIадин* «как, как будто» [Магомедханов 1972: 116]. Последнее мнение представляется верной и для андийского языка. Например, фразеологизмы: *боцIогвагу* «как волк» в значении «прекрасно», *цIумгвагу* «как орел» в значении «гордо», *бугъагвагу* «как бык» в значении «здоровый», *хвойгвагу* разг. «пьяный в доску», букв. «как собака», *гъгъурицIимгвагу* «упрямо», букв. «как мул», *унсогвагу* «как бык (тучный, упрямый)», *алкуцигвагу*

«заносчиво», «гордо», букв. «как петух» и т.д. Данные компаративные фразеологические единицы андийского языка представляют собой однокомпонентные структуры, состоящие из сочетания имени и сравнительного союза *гвагу* «как». Сравнение достигается путем метафорического переноса.

Метафора – это вторичная номинация, результат развития, изменения и обогащения лексики любого языка. Появление в языке нового семантического инвентаря в результате этих изменений обусловлено познавательной и коммуникативной потребностью человека в ходе социальной и исторической практики.

Под вторичной лексической номинацией В. Н. Телия [1977: 47–84] понимает использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения. Техника переосмысления заключается в том, что старая форма используется для вторичного или третичного наименования путем переноса названий и семантической информации с денотатов прототипов ФЕ или фразеологических вариантов соответственно на денотаты ФЕ или фразеосемантических вариантов [Кунин 1986: 132-133]. Важнейшими типами переосмысления являются метафора и метонимия.

Метафора – это механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для наименования объекта, входящего в другой класс объектов, аналогичный данному в каком-либо отношении. Т.е. метафора – это перенос наименования с одного денотата на другой, ассоциируемый с ним, на основе реального и воображаемого сходства [ЛЭС 1990: 296].

Существование механизма метафоры позволяет с ее помощью создавать новые языковые значения, таким образом, метафора из фигуры речи переходит в языковой знак, что приводит к утрате словом или словосочетанием прежней и приобретению новой референции [Черданцева 1988: 79]. Для продуктивности метафоры как средства создания новых наименований важную роль играет наиболее характерный для метафоры параметр – ее антропометричность. Она выражается в том, что сам выбор того или иного основания для метафоры связан со способностью человека соизмерять все новое для себя по своему образу и подобию или же по пространственно воспринимаемым объектам, с которыми имеет дело человек в практической деятельности [Телия 1986: 136]. Антропометричность метафоры естественным образом вписывается в современную антропологическую парадигму научного знания. Она исходит из допущения, что человек познает мир через осознание своей деятельности в нем.

В лингвистической литературе метафора традиционно рассматривалась как стилистическое средство или средство номинации. В настоящее время, в связи с развитием когнитивистики, метафору считают «способом создания языковой картины мира, возникающей в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов» [Телия 1988: 127]. Образ, созданный на метафорической основе, устойчив, иначе говоря, для фразеологии характерна образная метафора.

Кроме метафорического переосмысления, в основе фразеологической единицы может лежать переосмысление метонимическое. Механизм метонимических переосмыслений представляет собой перенос наименований явлений, предметов и их признаков по их смежности или – шире – по их связи в пространстве и времени, например: *рокIвольи бесунгвагу* «болезненно», букв. «как нож в сердце»; *лъльурлъльольлъикку лъингвагу* «легко, без напряжения», «умело», букв. «как волосок из масла»; *къекъил ссуб Клотугвагу* «привольно», «свободно», букв. «как неоседланный конь» и т.д. Метонимия обращает внимание на индивидуальную черту, позволяя адресату речи идентифицировать объект, выделить его из области наблюдаемого, отличить от других присутствующих с ним предметов (метафора обычно дает сущностную характеристику объекта).

Литература

- Гак В. Г. Сравнительная типология русского и французского языков. – Л., 1977.
 Гюльмагомедов А. Г. Фразеология лезгинского языка. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1990.
 Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. – М., 1986.
 ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
 Магомедханов М. М. Очерки по фразеологии аварского языка. – Махачкала, 1972.
 Телия В. Н. Семантическая структура фразеологизмов-идиом и принципы их фразеографической обработки // Фразеологизм и его лексикографическая разработка. – Минск, 1977. – С.138-146.
 Телия В. Н. Природа и сущность знаковой функции идиом // Лексико-графическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для машинного фонда русского языка (Материалы к методической школе-семинару). – М., 1988. – С. 11-16.
 Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986.
 Черданцева Т. З. Мотивационный макрокомпонент идиомы и параметр денотации // Фразеография в машинном переводе русского языка. – М., 1988. – С. 73-80.
 Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка. – М., 1970.

Shikhalieva S.¹¹

ERGATIVE IN COMPLEMENT CONSTRUCTIONS IN DAGHESTAN LANGUAGES

(ИЯЛИ ДНЦ РАН, Махачкала)

1. Complement constructions sentences are predications filling situation valency of other predicates. In such sentences one semantic actant of an apical verb has a predicate meaning. Complement constructions in Daghestan languages correlates with the ergative theory. They can describe ergative constructions aspects.

1.1. In Daghestan languages sentences with complement constructions are headed by predicates with the semantics of mental activity (see, hear, inform, tell and etc.). However, the headed predicates can include predicates with causative semantics, aspect and modal semantics (finish, begin, can, must) in such sentences a dependant predicate can perform as the infinitive, participle, converb, masdar.

¹¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (Проект № 11-04-00248а)

2. In the Tabassaran language predicates *pub*«say», *räq'üz* «see», *jebx'uz*«hear», *xabar tuwuz* «tell, inform», heading complement sentences require not a nominal group as situations actants, but a referent situation.

1. **duyu uçu ɣurajib ɣapnu / He said that we were coming.**

he-3Erg we-Abs coming-Pr Abs said-Pf

2. **duyu uçu ɣurajibdikan kʰibtnu / he told that we were coming**

he-3Erg we-Abs coming-Pr Kom told-Pf

2.1. The subject at the transitive is in ergative case, and the direct object position is taken by a participle (1). The participle in the direct object position can be formed as the absolutive and commentative(2).

2.2. Masdar can be also in the position of the included predicate(3) in complement constructions. In the sentence (3) the subject at the transitive is in ergative. The subject choice is determined by a dictionary entry of a verbal lexeme.

3. **dadaji xalači urxub k'udubknu / Mother finished weaving a carpet.**

Mother- Erg carpet-Abs weaving-Msd finished - Pfk

4. **dadajiz xalači urxub äyü dap,na / Mother was taught weaving a carpet.**

Mother-Dat carpet-Abs weaving- Msd

The dative function can also perform the ergative strategy. The sentence grammatically has ergative characteristics, as the word order in the sentence is as follows: an active subject, transitive, participle in absolutive. The participle is a controlling dependant predicate, included in a complement construction.

2.3. The infinitive in the Tabassaran language can perform as an included predicate if the principle(including) predicate aspect, modal, desire the semantics

5. **Uzu xal quyunza divuz / I began trying to build a house.**

I- 1Erg дом- Abs began-1Fp to build-Inf

Finite verbs can also perform as included actants.

6. **Uzu k'un ɣapunza qtakuwal**

I-1Erg to want MdInf do-1Pre returning-Par

In the given constructions (5, 6) notable is the fact of correlation of the subject in the first person in the ergative with the transitive, the object is in the form of the participle in the absolutive. In other cases the correlation is missing. The subject choice and its ergative marking is determined by a finite verb *ɣapunza* of the included predicate, which in this case determine the subject in cases form,. in this case the personal subject, which correlates with the finite form of the verb.

2.4. Ergative aspects are observed in complement constructions with included predicate, expressed by a participle (7), Converb (8).

7. **Uzu lixuri ɣax'unza, uldaš 'edregri ɣuri / I worked so that my friend was not tired**

I -1Erg worked-Ger was-1Pre друг- Abs tired- Ger =conjunction

8. *Адаиди гъваиз сусуг йивурайи, хулаз литIнар дяргъруганси /father rolled the roof away with a roller so that it didn't rain in the room*

Father- Erg the roof- Dat roller- Abs rolled away- Par room- Dat didn't rain-Konw.

In construction (7) we can observe the correlation of the subject with the predicate in number, in construction (8) co reference is missing.

3. The goal of the research was to find out regularities of included actants joining to including actants, which reflect ergative aspects. Traditionally we used Subject for the including predicate and Object for the included predicate. These terms are of syntax character and their use is prompted by syntactic description convenience.